

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
К.К. Красоўскі

Міжнародны савет
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:

А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.В. Брэскі
А.М. Вабішчэвіч
А.А. Высоцкі
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.У. Лосеў
А.В. Пятроўская
А.В. Чарнавалаў

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2011

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі № 26 ад 02.02.2011 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
K.K. Krasovski

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.A. Garbatski
(managing editor)
V.F. Bajnyov
A.V. Breski
A.M. Vabishchevich
A.A. Vysotski
T.I. Dovnar
G.A. Zorin
Y.Y. Losev
A.V. Pyatrovskaya
A.V. Charnavalav

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2011

According to the order of Supreme certification commission № 26
from February 02, 2011, the journal «Vesnik of Brest University» was included
to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results
of scientific research in historical, economic and law sciences

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Бурик Е.А. Проблемы развития пограничных переходов на белорусско-польской границе в первой половине 1990-х гг.	5
Восович С.М. Строительство храмов Свято-Духовским православным братством в г. Вильно в 1890–1913 гг.	14
Заблоцкая М.В. Участие витебских историков В.К. Стукалича и А.П. Сапунова в политической жизни Полоцко-Витебского края (вторая половина XIX – начало XX веков)	21
Коваль В.У. Творчыя ўзаемасувязі беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў у міжваенны перыяд	29
Кривуть В.И. Мероприятия властей II Речи Посполитой в сфере военной подготовки молодого поколения	37
Новікаў С.Я. Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года: у пошуку шляхоў навуковага даследавання	44
Савчук Т.П. Увековечение памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь (на примере Брестской области)	52

ЭКАНОМІКА

Басова О.В. Межсекторное социальное партнерство и особенности его развития в Республике Беларусь	59
Грузинская Е.В. Методики определения необходимости и доступности кредитных ресурсов	65
Козинец М.Т. Надежность бизнес-планирования как фактор устойчивого развития	75
Николь Биркс, Эльвира Кун Определение структуры мультипроектного менеджмента для интеграции и функционирования на предприятии	83
Лемещенко П.С. Инновационный пат: от программ к политике развития	90
Черновалов А.В. Институционалистика	96

ПРАВА

Богдан Е.С. Процессуальные аспекты защиты прав участников в исполнительном производстве хозяйственного процесса Республики Беларусь	102
Зорин Р.Г. Правовая оценка факта оказания неправомерного психического воздействия на личность в уголовном судопроизводстве	111
Кулак С.М. Нотариат как орган превентивного правосудия	122
Цюга С.А. Властные полномочия – основание классификации субъектов конституционно-правовых отношений	132

ПАДЗЕІ, ДАТЫ, ЮБІЛЕІ

Вабішчэвіч А.М. Слова пра рэдактара і навукоўца	140
--	-----

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ: РЭЦЭНЗІІ, АНАТАЦЫІ, ВОДГУКІ

Свирид А.Н. Горбацкий, А.А. Христианство : курс лекций : в 3 ч. / А.А. Горбацкий. – Брест : БрГУ им. А.С. Пушкина, 2010. – Ч. 1, 2.	142
---	-----

Звесткі аб аўтарах	144
---------------------------------	-----

INDEX

HISTORY

Burik. E. Problems of Development of Border Crossings on Belarusian-Polish Border in the First Half of the 1990s.....	5
Vosovich S.M. The Activity of Temple Building of Saint-spiritual Orthodox Fraternity in Vilno in 1890–1913 years.....	14
Zablotskaya M.V. Participation of Vitebsk Historians V.K. Stukalich and A.P. Sapunov in Political Life of Polotsko-Vitebsk Region (the 2nd half of the XIX-th – the beginning of the XX-th centuries).....	21
Koval V.U. Creative Ties of Belarusian and Ukrainian Emigrants in the Interwar Period.	29
Kryvuts V. The Actions of the Power 2 Rp in the Sphere of Military Preparation of Young Generation.....	37
Novikiv S.Y Brest Fortress Defence during the summer of 1941 year: Searching the Trace of Research	44
Savchuk T.P. Memorization of the events of the Great Patriotic War in the Republic of Belarus (by the example of Brest Area).....	52

ECONOMICS

Basova O.V. Intersector Social Partnership and Features of its Development in Belarus.....	59
Gruzinskaya Y.V. Techniques of Definition of Necessity and Availability of Credit Resources	65
Kazinets M. Reliability of Business Planning as a Factor of Sustainable Development of Commercial Organizations	75
Nicole Birks, Elvira Kun Definition of Multidesigned Management Structure for Integration and Functioning at an Enterprise.....	83
Lemeschenko P. S. Innovative Stalemate: from Program to Political Economy Development.....	90
Chernoalov A.V. Instituonalistics	96

LAW

Bohdan E.S. The Procedural Aspects of the Defense of the Subjects' Rights in the Executory Process of the Economic Procedure of the Republic of Belarus	102
Zorin R. G. Legal Estimation of Exerting Illegal Psychological Influence on a Person in Criminal Legislature.....	111
Kulak S.M. State Notary's Office as Preventive Justice Body	122
Tsjuga S.A. Authority as the Basis of Classification of Subjects of Constitutional and Juridical Relations	132

EVENTS, DATES, JUBILEES

Vabishchevich A.M. Word about the Rector and Scientist	140
---	-----

SCIENTIFIC LIFE: REVIEWS, ANNOTATIONS, COMMENTS

Svirid A.N. Gorbatski, A.A. Christianity : course of lectures : in 3 parts / A.A. Gorbatski – Brest : BrSU named after A.S. Pushkin, 2010. – Parts 1, 2.	142
--	-----

Information about the authors	144
--	-----

ГІСТОРЫЯ

УДК 93"15/19"(476)

Е.А. Бурик

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ПЕРЕХОДОВ НА БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.

В статье рассматривается ряд проблем, характерных для пограничных переходов на белорусско-польской границе в первой половине 1990-х гг., вызванных значительным увеличением как грузо- и пассажиропотоков непосредственно между сопредельными странами, так и транзитных между странами Запада и СНГ. Автором проанализировано функционирование основных транспортных коридоров, обеспечивающих связь Беларуси с Польшей, и выявлены факторы, сдерживающие развитие Гродненского коридора. Рассматриваются меры, предпринятые региональными органами управления, по реконструкции и благоустройству погранпереходов. Подчеркивается, что возникшие на погранпереходах проблемы приобрели международный характер и их решение было невозможно без дополнительной внешней финансовой поддержки.

Введение

Беларусь, находясь на главной коммуникационной линии между Европой и Россией, занимает особое геополитическое положение. Через ее границы и территорию проходят железнодорожные, автомобильные пути, газопроводы, нефтепроводы международного значения, связывающие страны Европы с Россией и другими государствами СНГ и Азии. Первыми объектами на белорусской территории, с которыми сталкиваются лица, осуществляющие приграничные или международные контакты, становятся пограничные переходы, которые выполняют функцию ворот государства. В связи с этим их обустройство и развитие требовало пристального внимания не только со стороны правительства и региональных органов управления Беларуси, но и соответствующих органов соседней Польши. В начале 1990-х гг. пограничные пункты пропуска, находящиеся на белорусско-польской границе, испытали на себе наиболее острые проблемы, связанные с внезапно вспыхнувшим в этот период туристическим бумом как способом преодоления материально-бытовых проблем населения бывших республик СССР.

Проблемы организации и развития пограничных переходов первой половины 1990-х гг. затрагивались в официальных хрониках СМИ, им посвящались интервью с представителями таможенных и пограничных органов. Однако данная тематика не нашла достаточного отражения в научной литературе. Более пристальное внимание развитию приграничной территории и располагавшейся на ней инфраструктуре стало уделяться со второй половине 1990-х гг., когда приобрели актуальность идеи региональной интеграции соседних государств, предпринимались первые шаги по созданию еврорегионов. С начала 2000-х гг. уместно выделить новый этап в историографии данного вопроса, связанный с процессом вхождения Польши в Европейский Союз и приданием нового качества белорусско-польской границе, ставшей с 1 мая 2004 г. общей границей с ЕС и воротами на Запад для многих восточноевропейских стран. В связи с этим в специализированных белорусских изданиях стали появляться статьи аналитического характера, рассматривающие перспективы и новые условия развития трансграничного сотрудничества, последствия вступления Польши в ЕС для развития двусторонних связей.

Научный руководитель – М.Э. Чесновский, доктор исторических наук, профессор, ректор Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Цель данной статьи заключается в выявлении проблем, характерных для пограничных переходов на белорусско-польской границе в первой половине 1990-х гг., анализе мер, предпринимаемых региональными органами управления по развитию и благоустройству погранпереходов.

Исследуя функционирование пограничных переходов, необходимо в первую очередь определиться с их классификацией. В связи с этим выделяются следующие типы пунктов пропуска:

1) международные (межгосударственные), обеспечивающие широкие международные связи, в том числе транзитные по отношению к Беларуси и Польше (легковое, автобусное и крупнотоннажное грузовое движение);

2) местные, обеспечивающие только двусторонние связи между Беларусью и Польшей (легковое и малотоннажное грузовое движение);

3) упрощенного пропуска, предназначенные для связей населения приграничных районов (пешеходное и легковое движение).

Также принято разделять пограничные переходы на такие виды, как железнодорожные, автотранспортные и пешие. В данной статье анализу подлежат автотранспортные переходы.

Меры, предпринимаемые региональными органами управления по развитию пограничных переходов

В первой половине 1990-х гг. на территории Беларуси сформировались два транспортных коридора на западном направлении:

1) Брестский, на котором до 1989 г. располагались основные пограничные пункты пропуска, сложившиеся исторически и являющиеся важнейшей структурной составляющей трансъевропейского коридора Центральная Европа – Варшава – Минск – Москва;

2) Гродненский, формировавшийся с 1989 г. как дублер коридора Москва – Минск – Брест – Варшава. Его структурную основу составляли магистральная железнодорожная линия Мосты – Гродно – Белосток и магистральная автодорога Минск – Гродно. Однако в первое время после выхода прибалтийских республик из состава СССР и после его распада гродненский транспортный коридор утратил свое значение, оказавшись на периферии транспортной инфраструктуры.

В данный период в стадии формирования находился третий транспортный коридор Барановичи – Волковыск – Пограничный, в основе которого лежали железнодорожная линия Барановичи – Волковыск – Белосток с ответвлением на Хайнувку – Седльце и автомобильная дорога республиканского значения Барановичи – Пограничный – Гродно. Этот коридор представлялся наиболее перспективным для пропуска грузовых потоков и оптимально связывался как с транспортными коммуникациями Москва – Минск – Брест – Варшава, так и с направлениями Белосток – Варшава и Белосток – Гданьск. Коридор обеспечивал сокращение пробега автотранспорта на участке Барановичи – Варшава на 50 км.

На белорусско-польской границе функционировали 5 автодорожных пограничных пунктов пропуска (ППП) для межгосударственных связей и один для местных связей между Беларусью и Польшей (таблица 1).

Таблица 1 – Перечень автодорожных ППП на белорусско-польской границе в первой половине 1990-х гг.

Таможенное наименование	Местоположение	Вид транспорта	Вид транспортных связей
Варшавский мост	Брест – Тересполь	пассажирский	международные
Козловичи	Козловичи – Кукурыки	грузовой	международные
Домачево	Домачево – Словатычи	пассажирский	международные
Брузги-2	Брузги – Кузница Белостоцкая	грузовой, пассажирский	международные
Берестовица-2	Пограничный – Бобровники	грузовой, пассажирский	международные
Песчатка	Пограничная – Черемха	пассажирский	местные

В конце 1991 г. региональные власти пограничных областей вынуждены были применить ряд мер по наведению порядка на погранпереходах, среди которых самой радикальной было приостановление движения через границу. На протяжении декабря 1991 – августа 1992 гг. осуществлялись мероприятия по увеличению пропускной способности таможенных пропускных пунктов железнодорожного вокзала ст. Гродно, «Брузги», «Варшавский мост». Например, в зоне пропускного пункта «Варшавский мост» удалось улучшить санитарно-экологическую обстановку. Здесь было организовано экспресс-питание: установлено 6 павильонов и ларьков, где готовились и продавались горячие бутерброды, пельмени, чай, кофе. Ежедневно работал передвижной автобус-столовая. На базе бывшего общественного туалета после реконструкции был создан санитарный блок, в котором имелись платные туалеты, душ, гладильная. С 22 октября 1992 г. на погранпереходе в качестве эксперимента осуществлялся совместный со службами Республики Польша таможенно-пограничный контроль. На таможне для представителей польской таможенной и пограничной служб были выделены 3 комнаты.

Чтобы урегулировать прибытие туристических автобусов на ППП и организацию пересечения ими границы, в марте 1992 г. Брестский городской совет народных депутатов принял решение № 132 «Об организации работы по выполнению требований Кабинета Министров Республики Беларусь по пропуску через пограничные переходы города Бреста». Документ устанавливал норму пропуска автобусов через погранпереход не более 35 единиц в сутки. С 1 мая 1992 г. на погранпереходе вводились санитарные дни 15 и 30 числа каждого месяца, которые исключали из календарного графика пропуск автотранспорта [1, л. 70].

Необходимой мерой по сокращению очереди на белорусско-польской границе стал жесткий график пропуска через пограничные переходы групп граждан, следовавших за границу на автобусах. В связи с этим организаторы туристических поездок в Польшу обязывались заранее согласовывать свои графики проезда с ППП и таможней. Соблюдение установленного порядка обеспечивала созданная Брестским горсоветом фирма «Таможенный сервис», впоследствии перерегистрированная в фирму «Приграничный сервис». Так, благодаря усилиям брестских властей к июню 1992 г. очередь автобусов перед ППП «Варшавский мост» была ликвидирована. Однако выполнять данные функции «Приграничному сервису» было суждено недолго: Постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 5 мая 1993 г. № 286 определялся порядок пропуска организованных групп лиц, следовавших через границу, по графикам, разработанным Государственным комитетом по внешним экономическим связям и Мини-

стерством транспорта и коммуникаций [2, л. 13]. Вскоре «Пограничный сервис» прекратил свое существование.

Наведение порядка на границе, особенно сокращение туристического потока, зависело не только от усилий местных органов власти, но и требовало принятия соответствующих решений на республиканском уровне. От правительства Беларуси зависело регулирование выдачи лицензий предприятиям и фирмам на право организации туристических или коммерческих поездок в соседние страны. Такие лицензии покупались предприятиями на год всего за полторы тысячи рублей. Дешевизна лицензий обуславливала неуправляемость и масштабность потока туристов, что вело к превращению их поездок в доходный промысел, но значительному уменьшению товарных ресурсов Беларуси. К примеру, в Бобруйский горсовет народных депутатов обращались горожане, возмущенные бесконтрольными поездками туристов, выезжавши по приглашениям в соседнюю Польшу по 5–6 раз в год. Горсовет ходатайствовал перед Верховным Советом РБ об ограничении выезда в Польшу одним и тем же лицам не более двух раз в течение года независимо от целей поездки, о запрещении поездок учащейся молодежи в учебное время и ужесточении контроля над выдачей лицензий на организацию поездок [3, л. 74].

Однако принятые брестскими властями меры по установлению квоты пересечения границы и введение жестких графиков вызвали негативную реакцию и недовольство со стороны руководителей туристических предприятий не только Беларуси, но и соседних стран, которые направляли туристов через белорусские погранпереходы [3, л. 71].

Значительное число пересекающих границу были гражданами стран СНГ и прежде всего Российской Федерации. У Ассоциации по туризму «Астур», учредителями которой являлись туристские организации ряда стран СНГ, в том числе и Беларуси, в связи с введением квоты на пересечение государственной границы в 90 автобусов ежемесячно возникли трудности с выполнением ранее заключенных договоров по туристскому обслуживанию. Ассоциация просила для выполнения обязательств по туристскому обслуживанию граждан разрешить пропуск через погранпункт г. Бреста не менее 150 автобусов ежемесячно в апреле–сентябре 1992 г. [4, л. 12]. В осеннее-зимний период туристическая активность временно угасала.

Международный союз автодорожного транспорта также выражал обеспокоенность сложившейся ситуацией на белорусско-польской границе и рекомендовал правительству Беларуси рассмотреть в качестве первоочередного вопрос об урегулировании пересечения на маршрутах Восток – Запад при выработке на правительственном и парламентском уровне политики и стратегии развития системы путей сообщения страны.

Для ослабления жесткости графиков пересечения границы на совместном совещании 17 декабря 1992 г. с участием Государственного комитета внешних экономических связей (В.В. Радкевич), Таможенного комитета (Г.М. Шкурдь), Главного управления погранвойск (В.П. Ананич) было решено увеличить квоты пропуска через ППП «Варшавский мост» с 35 до 45 автобусов, а через ППП «Брузги» от 8 до 16 автобусов в сутки [2, л. 1–2]. Данный вопрос 31 декабря 1992 г. в Бресте обсуждался на встрече с польской стороной, которая его одобрила.

С момента обретения независимости Республики Беларусь пассажиро- и транспортный потоки через границу с Польшей устойчиво росли. Наибольшей динамики транспортный поток достиг в 1993–1994 гг.: поток легкового транспорта увеличился в 38,9 раза, а грузового – в 67,7 раза в сравнении с 1985–1990 гг. [5, л. 30]. Однако трудности пересечения ППП оставались нерешенными и требовали введения новых мер и финансовых вложений. Чтобы в некоторой мере возместить затраты по созданию социально-бытовой инфраструктуры, поддержанию санитарного порядка на прилегающей к погранпереходу территории, на протяжении 1994–1995 гг. местные власти приграничных

территорий, руководствуясь законодательством, приняли решения о взимании с международных перевозчиков экологических и других сборов (таблица 2).

Таблица 2 – Налоги и сборы на въезд/выезд автотранспорта, введенные рай- и горисполкомами [6, л. 35; 7, л. 232, 234–235, 239, 241, 244, 246, 247, 249–250, 254].

Район	Наименование налога, сбора	Каким документом введен, дата введения
Каменецкий	Местный сбор с владельцев автомобильного транспорта и пассажиров автобусов, следующих за границу через ППП «Песчатка»	Решение Каменецкого районного Совета народных депутатов № 123, 04.02.1994
Брестский	Сбор с владельцев транспортных средств, следующих через ППП «Козловичи», за парковку автотранспорта	Решение Брестского районного Совета народных депутатов № 443, 20.10.1994
Брестский	Сбор с владельцев транспортных средств, следующих через ППП «Домачево», за парковку автотранспорта	Решение Брестского районного Совета народных депутатов от 27.12.1994
г. Брест	Сбор за парковку автотранспорта	Решение Брестского горисполкома № 58, 09.02.1995
Брестский	Об установлении местного сбора с владельцев автотранспорта, следующих через ППП «Домачево»	Решение Брестского районного Совета народных депутатов «О внесении изменений в решение райисполкома от 27.12.1994», 20.02.1995
Брестский	Об установлении местного сбора с владельцев автотранспорта, следующих через ППП «Домачево»	Решение Брестского районного Совета народных депутатов «О внесении изменений в решение райисполкома от 27.12.1994, 20.02.1995», 07.03.1995
г. Брест	Сбор за парковку автотранспорта	Решение Брестского горисполкома № 174 «О внесении дополнений в решение № 58», 16.03.1995
Гродненский район	Местный сбор за парковку автотранспорта на ППП «Брузги»	Решение Гродненского облисполкома № 106, 18.04.1995
Берестовицкий район	Местный сбор за парковку автотранспорта на ППП «Берестовица»	Решение Гродненского облисполкома № 106, 18.04.1995

Средства от местных сборов и сборов за парковку автомобилей обычно зачислялись на счета райисполкомов. Далее они распределялись в государственный и местный бюджеты. Например, средства от сбора с владельцев транспортных средств, следовавших за границу через ППП «Домачево – Словатычи», распределялись так: на счет Белвнешэкономбанка – 5%, райисполкома – 85%, Домачевского поссовета – 10% [7, л. 244]. Одновременно некоторые категории лиц освобождались от взимания местных сборов.

Принятые решения о сборах вызвали негативную реакцию и послужили поводом для многочисленных жалоб на дополнительные расходы в правительство Беларуси как со стороны Белорусской ассоциации международных автомобильных перевозчиков, так и от иностранных структур (например, Российской ассоциации международных автомобильных перевозчиков). Возникла опасность, что введение в одностороннем порядке таких мер повлечет принятие адекватных решений другими странами. Это могло повлечь не только экономические потери из-за снижения объемов перевозок, но и обострение двусторонних межгосударственных отношений.

Проблема неоднократно решалась на правительственном уровне. Министерство транспорта и коммуникаций в июле 1994 г. информировало облисполкомы о неправомерности взимания таких сборов с автоперевозчиков и рекомендовало их отменить. В мае 1995 г. было сделано повторное предупреждение, ибо взимание налогов не прекратилось, а вместо экологического налога вводились налоги за парковку. При этом к парковке относили остановку автомашин на дороге у пограничного пункта пропуска из-за создавшейся на границе очереди (на ППП «Козловичи», «Домачево», «Брузги», «Берестовица»). Громоздкая система белорусских дорожных сборов оказалась одной из причин, вызвавших в 1999 г. резкое сокращение грузопотоков в направлениях «Восток – Запад». В Беларуси дорожные сборы составляли 9,1% от суммы фрахта, в то время как в других странах они были значительно ниже: в Польше – 2,1%, в России – 2%, в Германии – 1,8% [8, с. 95]. Как следствие, иностранные перевозчики искали объездные маршруты. С 1998 г. в западноевропейских странах проявилась тенденция снижения заявок на перевозки грузов в Россию и другие страны СНГ через Беларусь. В итоге решения местных органов власти о взимании с перевозчиков различных сборов были отменены в 1999 г. Указом Президента РБ № 518 «Об упорядочении взимания сборов за проезд автотранспортных средств по территории Республики Беларусь» [9, с. 7].

Итак, попытки местных органов власти найти самостоятельно финансовые средства для решения проблем функционирования погранпереходов не получили ожидаемого эффекта. Более того, они были обвинены в превышении своих полномочий, так как взимание с международных перевозчиков экологических и других сборов не предусматривалось постановлением Верховного Совета РБ от 29 июля 1993 г. «О временном порядке применения местных налогов и сборов в Республике Беларусь» [10]. Им следовало идти иным путем: в первую очередь развивать культурно-бытовую инфраструктуру, сервисные услуги, включая платные охраняемые автостоянки, станции технического обслуживания, что пополняло бы местный бюджет.

Несмотря на функционирование в первой половине 1990-х гг. на белорусско-польской границе 5 автодорожных ППП для межгосударственных коммуникаций, транспортные потоки распределялись между ними неравномерно. Основной объем грузовых крупнотоннажных автомобилей пересекал границу на ППП «Козловичи», где за 5 лет поток машин увеличился в 10 раз и достиг 770 физических единиц в сутки. Значительно меньше были потоки грузовых машин на автопереходах «Берестовица-2» – 200 физических единиц и «Брузги-2» – 425 физических единиц в сутки. Основные потоки легковых автомашин пересекали границу на двух ППП: «Варшавский мост», где за 5 лет поток увеличился в 1,5 раза и достиг 3,5 млн. пассажиров в год, и ППП «Брузги-2», где поток увеличился более чем в 20 раз и достиг 1,15 млн. пассажиров в год [5, л. 29]. Остальные пограничные пункты пропуска не играли существенной роли в организации пассажиропотоков; на их долю приходилось около 15% перевозок. Из приведенных цифр видно, что гродненское направление было менее загружено как по причине географической удаленности от магистрали Варшава – Минск – Москва, так и в силу неразвитости подъездных дорог к ППП, а также из-за отсутствия на пунктах пропуска некоторых служб, необходимых для реализации культурных и хозяйственных потребностей.

Основной проблемой развития гродненского коридора оставался пропуск транзитного потока через улицы г. Гродно, что приводило к перегрузке транспортной сети областного центра. С польской стороны основное ограничение создавали трудные условия пропуска автотранспорта по автодороге Кузница – Белосток, т.к. транспортные потоки проходили по узким улицам Кузницы. В условиях расширения культурных связей регионов существенное неудобство при пересечении белорусско-польской границы на территории Гродненской области связывалось с перевозом произведений искусства, музыкальных инструментов и других культурных ценностей для организации выставок,

обеспечения гастролей, конкурсов за границей. В Гродненской области отсутствовала соответствующая экспертиза. Хотя при управлении культуры облисполкома и была образована группа из 7 искусствоведов-контролеров, работавших в контакте с таможенной службой, но она не имела права выдачи разрешения на провоз культурных ценностей. Лица, пересекавшие границу, вынуждены были обращаться за экспертизой в Минск. Это вызывало недовольство, часто возникали конфликтные ситуации, так как дорога в столицу и обратно требовала дополнительных расходов и времени [11, л. 3].

Еще одной проблемой погранпереходов в Гродненской области, влиявшей на развитие хозяйственных связей между регионами, было отсутствие перевалочной базы для перевозки скота. Весь республиканский экспорт и импорт животных осуществлялся через Брестскую базу. Для хозяйств Гродненской области возникали значительные неудобства и экономические издержки. Имея на территории области 2 грузовых пограничных перехода на Польшу («Берестовица» и «Брузги») с соответствующим штатом погранветслужбы и договоренность с ветдепартаментом польской стороны на пропуск животных, хозяйствам области приходилось транспортировать животных через Брест, делая дополнительный пробег спецавтотранспорта более 300 км в одну сторону и теряя на каждом рейсе около 3 млн. руб. Облисполком неоднократно обращался с просьбой к правительству посодействовать открытию аналогичной перевалочной базы на территории Гродненского района, где имелись условия для реализации скота за границу не только из Гродненской области, но и из северных районов страны [12, л. 223].

Значительно рационализировать схему пограничных автопереходов в Гродненской области в то время было способно устройство транзита в Калининградскую область через территории Польши и Беларуси с пересечением белорусско-польской границы в районе Гродно. Для обсуждения данного вопроса требовалась трехсторонняя встреча представителей соответствующих служб соседних государств. Чтобы разгрузить брестский транспортный коридор и погранпереходы на этом участке границы, было важно рассредоточить транспортные потоки по Гродненскому и Барановичскому направлениям. Для этого, в первую очередь, требовалось строительство автодорожного обхода в районе г. Гродно, а на Барановичском направлении – в районе городов Слоним, Зельва, Волковыск и Пограничный, а также проведение капитального ремонта автомобильной дороги Барановичи – Пограничный. Реконструкция и строительство дорог в приграничной зоне возможны были только при условии целевого выделения средств сверх бюджета Беларуси на развитие и содержание дорог республиканского значения.

Стоит отметить и организационную причину, отрицательно влияющую на экономическое использование границ Беларуси. Она заключалась в отсутствии органа по координации всех мероприятий для обустройства приграничной, таможенной и сервисной инфраструктуры. Во времена СССР таким координатором было Министерство транспорта. В середине 1990-х гг. в Беларуси рассматривалось несколько вариантов решения данной проблемы: 1) создать при правительстве межведомственный координационный совет по совершенствованию таможенной и приграничной инфраструктуры, который возглавит один из заместителей премьер-министра; 2) наделить такими функциями Государственный таможенный комитет, создав там специальное подразделение; 3) использовать опыт бывшего СССР. Функциями координатора по развитию сервисной инфраструктуры в приграничных районах наделить облисполкомы [13].

Заключение

Таким образом, белорусская государственная граница не только соединяла сопредельные стороны, но и выступала связующим звеном между Востоком и Западом; товарооборот между ними нарастал с каждым днем. Анализ пересечения транспорта в отмеченный период показал, что 78% всех движущих средств через белорусско-польскую

границу принадлежали России, 18% – Беларуси и 4% – Украине и Молдове [5, л. 30]. Для создания на ППП приемлемых условий для международного транзита невозможно было обойтись как без объединения возможностей белорусской и польской сторон, так и без поддержки таких международных структур, как Комиссия ЕС по проблемам пограничной инфраструктуры, программы PHARE, TACIS и др.

В первой половине 1990-х гг. на фоне резко возросших объемов грузо- и пассажироперевозок на пограничных пунктах белорусско-польской границы сохранялась напряженная ситуация с пропуском транспортных средств, пересекающих границу в обоих направлениях. Ситуация обуславливалась тем, что действующая транспортная и приграничная инфраструктура даже при ее создании не была рассчитана на такие объемы эксплуатации и не отвечала новым требованиям. На правительственном и региональном уровнях проблема решалась путем открытия новых пограничных пунктов, расширения имеющихся пропускных мощностей, повышения их эффективности, упрощения процедуры контроля, координации взаимодействия различных контрольно-пропускных служб, осуществления соседними странами совместных мероприятий по реорганизации ППП. Однако к середине 1990-х гг. стало очевидно, что и данные меры не оказались достаточно эффективными, а пограничная инфраструктура не получила должного уровня развития. Ее основным недостатком оставались нехватка и низкая пропускная способность ППП. Если между Польшей и Германией плотность ППП составляла в среднем один пункт на 25 км протяженности границы, то на белорусско-польской этот показатель был в несколько раз ниже. В результате здесь продолжали возникать многокилометровые очереди. В рассматриваемый период лишь намечалось увеличение ППП до 13 единиц для доведения средней плотности переходов один на 26 км протяженности границы.

Как показал анализ, поиски решений по благоустройству погранпереходов актуальны в настоящее время и требуют постоянного развития. С учетом международного характера проблем, возникших в первой половине 1990-х гг. в пунктах пропуска, белорусское государство по-прежнему нуждалось в финансовой помощи для развития пограничной инфраструктуры на белорусско-польском отрезке от стран-доноров из средств, выделяемых Республикой Беларусь и Российской Федерацией на реализацию совместных программ в рамках Таможенного союза и Сообщества Беларуси и России, а также по программе TACIS.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обращения, письма, запросы учреждений и организаций о заключении с другими государствами договоров и соглашений о сотрудничестве, организации пограничных переходов и делимитации и демаркации границ с соседними странами, переговорах с Россией по подготовке договоров в политической, экономической, военной и других областях, создании Межгосударственного суда СНГ, внесении взносов в бюджет институтов и миссий ОБСЕ, признании суверенитета Македонии, посещении Беларуси иностранными делегациями, судьбе Черноморского флота и другим вопросам внешнеэкономической деятельности // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 968. – Оп. 12. – Д. 196. – Л. 70.
2. Справки, информации органов государственной власти и управления о регулировании вопросов иностранного туризма в республике // НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 12. – Д. 784. – Л. 1, 2, 13.
3. Обращения, письма, запросы учреждений и организаций о признании Республики Беларусь, членстве в Европейском банке реконструкции и развития, иностранных инвестициях, посещении республики иностранными делегациями, сотрудничестве

ЮНЕСКО с Академией наук Республики Беларусь в области ликвидации последствий на ЧАЭС, участии в международных конференциях и собраниях, организации туристических поездок в Польшу, встрече министров иностранных дел Беларуси, Казахстана, России и Украины, политической обстановке в Грузии, переходах с Латвией и Литвой, положении политзаключенных в Литве, экономических вопросах, находящихся на рассмотрении в организациях России и Постпредстве Республики Беларусь и др. // НАРБ. – Ф. 968. – Оп. 12. – Д. 194. – Л. 71, 74.

4. Информации органов государственной власти и управления о развитии иностранного туризма в республике // НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 12. – Д. 433. – Л. 12.

5. Документы о развитии внешнеэкономической деятельности в рамках Республики Беларусь (справки, информации, сведения) // НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 12. – Д. 2404. – Л. 29, 30.

6. Переписка с Министерствами Республики Беларусь, их управлениями по вопросам согласования законов, организации пограничных переходов, производимой в области продукции и др. // Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 1171. – Оп. 7. – Д. 21. – Л. 35.

7. Переписка с Министерствами Республики Беларусь, их управлениями и другими по вопросам согласования законов, борьбы с преступностью, организации пограничных переходов и др. // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 1171. – Оп. 7. – Д. 22. – Л. 232, 234–235, 239, 241, 244, 246, 247, 249–250, 254.

8. Соколов, Э.Г. Внешнеэкономические связи региона / Э.Г. Соколов. – Брест : Академия, 2005. – 180 с.

9. Об упорядочении взимания сборов и платежей с международных автомобильных перевозчиков : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 сентября 1999 г., № 518 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 70. – 1/623.

10. О временном порядке применения местных налогов и сборов в Республике Беларусь : постановление Верховного Совета Респ. Беларусь, 29 июля 1993 г., № 2455-ХП // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 26. – Ст. 333.

11. Переписка с вышестоящими и другими организациями по основной деятельности // ГАГО. – Фонд 1266. – Оп. 3. – Д. 166. – Л. 3.

12. Переписка с Министерствами Республики Беларусь по вопросам согласования законов, бартерного обмена с Республикой Польша, финансирования летнего отдыха детей и др. // ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 5. – Д. 3118. – Л. 223.

13. Об итогах и перспективах совершенствования инфраструктуры на белорусско-польской границе // Текущий архив Управления внешних экономических связей Брестского облисполкома. – Папка «Трансграничное объединение Еврорегион «Буг» (переписка)».

Burik E. Problems of Development of Border Crossings on Belarusian-Polish Border in the First Half of 1990s

In this article the author examines a lot of problems, peculiar to border crossings on Belarusian-Polish border in the first part of the 1990s. They were caused by considerable increasing of trucking and movement of citizens between neighboring countries, and also these problems were caused by increasing transit flows between Western countries and CIS (The Commonwealth of Independent States). The author analyzes the activity of the main transport ways, which provide the connection between Belarus and Poland. The author reveals the factors, which restrain the development of Grodnensky way. The researcher shows the measures, which were undertaken by local authorities to reconstruct and improve border crossings. In this article the author tries to show that these problems got international character and it is impossible to solve them without foreign financial support.

УДК 271.22(476)

С.М. Восович

СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМОВ СВЯТО-ДУХОВСКИМ ПРАВОСЛАВНЫМ БРАТСТВОМ В Г. ВИЛЬНО В 1890–1913 ГГ.

Статья посвящена деятельности Виленского Свято-Духовского православного братства по возведению православных храмов в г. Вильно. Автором раскрываются этапы строительства каждой из четырех братских церквей, рассматривается помощь благотворителей. Подчеркивается, что три воздвигнутых храма были церкви-школы. Делается вывод, что братские церкви возводились с целью укрепления православной веры в г. Вильно.

Введение

Одной из недостаточно изученных тем в отечественной исторической науке является история православного братского движения на территории так называемого Северо-Западного края Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Не исключение составляет деятельность Виленского Свято-Духовского братства в 1865–1914 гг. Только в отличие от большинства других православных братских объединений активность указанной церковно-общественной организации стала предметом специального научного исследования еще в дореволюционный период (работы П. Салтыкова, М. Пашкевича). Однако и в этих исследованиях не было уделено должного внимания деятельности Свято-Духовского православного союза по возведению храмов в г. Вильно. К тому же исследование П. Салтыкова затрагивало историю Свято-Духовской церковно-общественной организации до середины 1870-х гг., а М. Пашкевича – до начала 1890-х гг. После Октябрьской революции 1917 г. изучение истории Виленского Свято-Духовского братства было прервано. Интерес к данной проблеме появился в белорусской исторической науке лишь в конце XX в. В это время появились работы Т. Донских и диакона Димитрия Шульги, в которых приводились лишь некоторые данные, касающиеся культурно-просветительной деятельности Виленского Свято-Духовского объединения. Не было уделено должного внимания и церковно-благоустроительной работе указанного братства. Поэтому в данной статье предпринята попытка дать более полное представление о возведении храмов Свято-Духовским объединением в г. Вильно.

Строительство Архангело-Михайловской церкви-школы

Мысль о строительстве хотя бы деревянной православной церкви вместе со школой в предместье г. Вильно Снипишках, впервые возникла у настоятеля Свято-Николаевского храма П.Я. Левицкого, который поделился ею с архиепископом Литовским и Виленским Алексием. Владыка Алексей благословил П.Я. Левицкого подготовить официальное ходатайство по данному предложению. Поданный Левицким доклад о необходимости строительства храма-школы в память графа М.Н. Муравьева в предместье Снипишках архиепископ Алексей направил в январе 1890 г. в Литовский епархиальный училищный совет, являвшийся в то время одновременно и советом Свято-Духовского братства. В свою очередь епархиальный училищный совет передал ходатайство о выделении участка земли под строительство церковно-приходской школы и при ней православной церкви в Виленскую городскую думу. Внезапная смерть архиепископа Алексея приостановила быстрое решение данного вопроса. Только 15 июля 1891 г. архиепископу Донату поступило уведомление об удовлетворении ходатайства Литовского епархиального училищного совета: город-

ская дума бесплатно выделила участок земли в размере 2 310 квадратных саженей в Сனிпишках. При этом в уведомлении подчеркивалось, что в случае продолжительной отсрочки строительных работ земля вновь должна была вернуться в распоряжение города. Поэтому общее собрание Свято-Духовского братства 6 августа того же года по предложению протоиерея П.Я. Левицкого согласилось выделить 5 000 руб. на строительство данной церкви-школы [1, с. 265].

Так как суммы, отпущенной братством, было недостаточно, то совет обратился за содействием к благотворителям. На помощь братству пришли некоторые организации и частные лица. С целью увеличения денежных поступлений В. Шамякин даже опубликовал в «Прибавлении к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем правительствующем Синоде» статью под названием «Церковь-школа в Вильне в память графа М.Н. Муравьева», где показал необходимость строительства указанного храма. Он писал: «Нет сомнения, что многие из почитателей покойного графа М.Н. Муравьева пришлют свою лепту на строящуюся в память его церковь-школу... Этот духовно-просветительный памятник пусть будет постоянным напоминанием русским деятелям западной окраины, что только путем церкви и школы укрепится в народе православие и русское самосознание, что только православная церковь и тесно с ней связанная школа способны победоносно отразить натиск враждебных сил и сделать этот исконно-русский край окончательно и вполне русским» [2, с. 782–783]. Следует заметить: потребность в возведении церкви-школы, по словам современников, усиливалась тем, что «в постройке православного храма и школы на предместьях г. Вильны Сனிпишках давно чувствовалась осязательная потребность, так как здесь, при довольно значительном числе жителей, нет ни одного православного храма» [3, с. 151]. Для проведения строительных работ и сбора добровольных пожертвований архиепископом Донатом был образован специальный строительный комитет под председательством кафедрального протоиерея П.Я. Левицкого. 8 мая 1893 г. состоялась торжественная закладка первой в Виленской губернии церкви-школы во имя св. архистратига Михаила.

Здание церкви в византийском стиле было вчерне готово к весне 1894 г. К 15 сентября того же года были построены и приведены в соответствующее состояние обе школы при церкви с отдельными помещениями для учителя и учительницы. Это дало возможность начать обучение в мужской и женской школах 64 мальчиков и 42 девочек задолго до освящения храма. Освящение зданий указанных училищ состоялось 14 ноября. Освящение самого храма состоялось 3 сентября 1895 г. и отличалось особой торжественностью. Сனிпишская церковь имела форму креста. Отметим: Архангело-Михайловская церковь-школа была построена фактически на добровольные пожертвования верующих. Таким образом, на протяжении 1893–1895 гг. была построена церковь-школа во имя св. архистратига Михаила. Помимо удовлетворения религиозных потребностей жителей одной из окраин г. Вильно (предместья Сனிпишки) вновь сооруженный храм служил памятником виленскому генерал-губернатору графу М.Н. Муравьеву.

Строительство Александро-Невской церкви-школы

Не успело закончиться строительство Архангело-Михайловской церкви-школы, как общее январское собрание Свято-Духовского братства 1895 г. по предложению архиепископа Иеронима постановило увековечить память императора Александра III сооружением новой церкви-школы во имя св. благоверного князя Александра Невского. Местом для строительства было определено удаленное от православных храмов предместье г. Вильно Новый Свет, население которого составляли в основном служащие Варшавской железной дороги и старообрядцы-беспоповцы Федосеевского толка. На выбор данного предместья повлияли и успехи местной церковно-приходской школы, открытой в 1887 г. и оказы-

вавшей «благотворное» влияние на детей старообрядцев и католиков, «смягчая наследственный фанатизм и сближая их с православной Церковью». Планируя постройку церкви в Новом Свете, братство рассчитывало, что «православный храм, здесь сооруженный, своим учением и истовым совершением служб церковных ещё более усилить и закрепить это доброе влияние небольшой школы» [4, с. 1700]. Тогда же братство ассигновало из своего основного капитала 6 000 руб. К братству вскоре присоединились другие благотворители и учреждения. Например, Училищный совет при Св. Синоде отпустил 5 000 руб., Литовский епархиальный училищный совет – 432 руб., Терещенко – 1 000 руб., протоиерей Иоанн Кронштадтский – 300 руб. [4, с. 1700].

Городская дума под вновь создаваемую церковь бесплатно отвела в предместье Новый Свет удобный и «довольно» возвышенный участок городской земли площадью более четверти десятины [5, с. 862]. Из братчиков была образована строительная комиссия под председательством кафедрального протоиерея П.Я. Левицкого. 6 июня 1896 г. председателем строительного комитета протоиереем П.Я. Левицким в сослужении со всем виленским православным духовенством была совершена торжественная закладка здания новой Александро-Невской церкви-школы. Церковь-школа была вчерне построена в 1897 г. В том же году были возведены школьные помещения, в которых начали проводиться занятия с 9 сентября. В мужской школе в первый год обучалось 89 мальчиков, в женской – 55 девочек.

Освящение церкви состоялось 25 октября 1898 г. Его совершил с большой торжественностью вновь назначенный на Виленскую кафедру архиепископ Ювеналий в присутствии множества богомольцев, среди которых было немало католиков и староверов. Вновь освященный храм византийско-русского стиля имел форму креста, увенчанного высоким и широким куполом. С северной и южной стороны к церкви примыкали два помещения мужской и женской церковно-приходских школ. Храм производил на современников неизгладимое впечатление. В целом, на строительство Александро-Невского храма-школы благотворителями и братством было собрано 44 057 руб., а использовано 43 931 руб. [6]. Таким образом, на протяжении 1896–1898 гг. Свято-Духовское братство построило вторую церковь-школу с «патриотической» целью: «она была воздвигнута в память в Бозе почившаго Государя Императора Александра III» [7, с. 1515].

Строительство Знаменской церкви

Мысль о постройке третьей братской церкви со школой при ней на окраине г. Вильно возникла у членов Свято-Духовского братства на общем собрании, посвященном 300-летию юбилею Св. Духова монастыря, 5 октября 1897 г. Тогда же поступил и первый взнос в размере 100 руб. от настоятеля Пречистенского собора И. Котовича, а с 6 октября по предложению протоиерея П. Левицкого начали собирать пожертвования по подписному листу. Сразу поступило более 330 руб. К началу 1898 г. поступило около 6 000 руб. на строительство новой братской церкви-школы. В конце 1897 г. была образована комиссия для осмотра и определения точного места под строительство церкви-школы. Несмотря на то, что комиссия указала на несколько удобных участков, расположенных в предместье г. Вильно Лукишках, братство не пришло к окончательному решению по данному вопросу. В 1898 г. некоторые братчики предложили построить храм-школу в местности под названием «Зверинец-Александрия», принадлежавшей почетному гражданину В.В. Мартинсону. Необходимость устройства здесь церкви объяснялось тем, что в 1890-х гг. «замечалось особенное движение населения г. Вильны, по преимуществу христианского, от центра к окраинам по направлению к юго-западу» [8, с. 193]. Селясь далеко от центра, новые жители удалялись и от храмов, и от непосредственного пастырского влияния. В ре-

зультате, около 2 500 жителей местностей – Лукишки, Зверинец-Александрия и Солтанишки (Полесский городок), по словам современников, «съ большою скорбію испытывали затрудненія отъ отсутствія по близости св. храма и съ нетерпеніемъ ожидали сооруженія святыни въ пределахъ ихъ поселеній» [8, с. 194]. Владелец Зверинца В.В. Мартинсон 20 июля 1899 г. подарил Свято-Духовскому объединению под храм участок земли в размере 1 380 квадратных саженой при условии, что братство начнет строительные работы в течение трех лет. В случае же нарушения договора братство обязано было вернуть участок земли в пользование бывшему владельцу. Поэтому 6 августа 1899 г. общее братское собрание выделило 10 000 руб. на строительство церкви-школы в Зверинце. При содействии архиепископа Ювеналия, профессора Московского университета А.А. Крюкова московский домовладелец, инженер-технолог И.В. Васильев пожертвовал на строительство храма в г. Вильно 40 000 руб. Передавая такую значительную сумму, И.В. Васильев пожелал, чтобы строящаяся церковь была трехпрестольной: главный престол – в честь иконы «Знамение Пресвятой Богородицы» (Курской), а приделы – один во имя св. пророка Предтечи Иоанна (его небесного покровителя), а другой – во имя св. преподобномученицы Евдокии (небесной покровительницы его умершей жены). Поступили значительные пожертвования и от других лиц.

24 августа 1899 г. на заседании совета братства архиепископом Ювеналием был сформирован строительный комитет, а 14 октября 1899 г. правящий архиерей Литовской епархии совершил богослужебный чин закладки церкви во имя Знамения Божьей Матери. Вскоре генерал-майор Л.И. Черкасов предложил Свято-Духовскому братству приобрести у него на выгодных условиях непосредственно примыкавший к церковной земле участок (площадью в 250 квадратных саженой) с каменным двухэтажным домом и хозяйственными постройками под церковно-приходскую школу и помещения для причта. Дом предоставлялся братству за 20 000 руб., которые после совершения купчей крепости должны были остаться по закладному договору на доме с тем, чтобы братское объединение ежемесячно выплачивало бывшим домовладельцам 100 руб. до конца их жизни. После смерти супругов Черкасовых закладная должна была погаситься, и дом переходил в полную собственность Свято-Духовскому церковно-общественному союзу. Учитывая близость к строящемуся храму предлагаемых зданий и небольшие размеры церковного участка, оставшегося для возведения новых построек, общее братское собрание 24 октября 1899 г. признало необходимым приобрести у Черкасовых участок земли с постройками, которые перешли в фактическое владение Свято-Духовской организации с 1 мая 1900 г. Пожертвованной братством и благотворителями суммы не хватило на возведение храма. Поэтому архиепископ Ювеналий вынужден был ходатайствовать перед Св. Синодом о выделении необходимых средств. Центральное учреждение православного духовного ведомства ассигновало на завершение строительства Знаменской церкви-школы 21 790 руб.

Постройка храма была закончена к весне 1903 г. Знаменская церковь представляла собой величественное пятиглавое здание византийского стиля. Освящение главного престола Знаменской церкви было совершено архиепископом Литовским и Виленским Ювеналием в сослужении восьми священнослужителей 1 июня 1903 г. Освящение правого придела в честь св. Иоанна Крестителя состоялось 10 августа 1903 г., а левого – в честь св. преподобномученицы Евдокии – 21 сентября. Таким образом, в память 300-летия постройки братского храма в честь Святого Духа местное епархиальное братство соорудило первый в г. Вильно трехпрестольный храм, главный престол которого был освящен в честь иконы «Знамения Божьей Матери», а боковые – во имя св. Иоанна Крестителя и во имя св. великомученицы Евдокии.

Строительство Константино-Михайловской церкви

Четвертый Виленский братский храм был воздвигнут в начале второго десятилетия XX в. 13 февраля 1908 г. в г. Вильно и других городах Северо-Западного края Российской империи проходили большие торжества, посвященные памяти 300-летия со дня кончины известного исторического деятеля XVI – начала XVII в. защитника православия в Речи Посполитой князя К.К. Острожского. В связи с этим 79 членов Государственной Думы прислали на имя председателя Виленского Свято-Духовского братства архиепископа Литовского и Виленского Никандра коллективную телеграмму с просьбой «принять на себя починъ въ дѣлѣ созданія памятника князю Острожскому» [9, с. 1420]. А 18 февраля на чрезвычайном заседании совет Виленского братства по предложению архиепископа Никандра принял решение ознаменовать 300-летие кончины князя К.К. Острожского сооружением в г. Вильно церкви-памятника.

Для сбора пожертвований и строительства храма-памятника был образован советом братства строительный комитет под председательством архиепископа Никандра. Получив от императора разрешение собирать средства на территории всей Российской империи, Виленское братство обратилось с призывом о материальной помощи к жителям г. Москвы, построившим немало храмов в западных губерниях. На призыв братства откликнулся И.А. Колесников, который изъявил желание построить храм на собственные средства по своему плану в г. Вильне на Георгиевской площади при условии, что церковь будет воздвигнута не только в память о князе К.К. Острожском, но и о 300-летнем юбилее царствования Дома Романовых. После завершения строительства церкви И.А. Колесников обещал передать ее братству. 16 ноября 1910 г. братский совет согласился с условиями И.А. Колесникова и просил Виленскую городскую думу сообщить о возможности уступки под церковь-памятник Георгиевской площади. Однако Виленская городская управа 17 марта 1911 г. предложила построить церковь не на Георгиевской площади, а на Закретной. Учитывая предложение городских властей, трудности, связанные с переносом памятника-часовни, установленной в память погибших в 1863 г. русских воинов, соответствие выделяемого места «значению и достоинству» предполагаемой церкви, необходимость скорейшего разрешения вопроса, братство 22 марта согласилось построить храм-памятник на Закретной площади.

15 апреля 1911 г. братским советом был образован строительный комитет, а 14 мая 1911 г. была торжественно совершена закладка храма в честь святых Михаила Малеина и равноапостольного царя Константина в ознаменование исполняющегося в 1913 г. празднования 300-летия царствования Дома Романовых и в память князя К.К. Острожского. С середины мая началось строительство пятиглавого храма, рассчитанного на 750 человек. Освящение храма состоялось 13 мая 1913 г. Константино-Михайловская церковь стала в г. Вильно первым храмом, построенным в ростовско-суздальском стиле и одновременно первым, по словам современников, «по своему величю и красотѣ, не только в Вильнѣ, но, пожалуй, и во всемъ С-Западномъ краѣ» [10, с. 27]. В то же время храм стал и «последнимъ словомъ» русского церковного зодчества в указанном регионе. При подъезде к городу золотые главы церкви всегда бросались в глаза. Они сияли не только днем, но и ночью, освещенные снизу электрическими фонарями. В целом созданный в г. Вильно храм-памятник имел очень важное церковное, историческое и, по словам братчиков, «национальное» значение. Являясь центром церковно-общественной и «русской» жизни, как и любой храм Северо-Западного края, он содействовал укреплению здесь позиций Русской православной церкви, консолидации местного православного населения. Значение церкви особенно возрастала по причине расположения её на Погулянке, примыкавшей к обширной части города («Нового города»), где не было до этого ни одного православного приходского

храма. Между тем значительная часть населения этой окраины города была православной. Таким образом, в течение 1911–1913 гг. в г. Вильно в память о князе К.К. Острожском и о 300-летнем юбилее царствования Дома Романовых была построена на средства И.А. Колесникова Константино-Михайловская церковь. Сводные данные о строительстве храмов в Вильно представлены в таблице.

Таблица – Время строительства Свято-Духовским братством церквей в г. Вильно

Время строительства	Название храма	В честь кого воздвигнут храм
8 мая 1893 г. – 3 сентября 1895 г.	Архангело-Михайловская церковь-школа (в память графа М.Н. Муравьева)	Чуда св. Архистратига Михаила в Колоссах
6 июня 1896 г. – 25 октября 1898 г.	Александро-Невская церковь-школа (в память императора Алексан- дра III)	Св. князя Александра Невско- го
14 октября 1899 г. – 1 июня 1903 г.	Знаменская церковь-школа (в память 300-летнего юбилея Св. Духова монастыря)	Иконы «Знамение Пресвятой Богородицы», а приделы – во имя св. пророка Предтечи Иоанна и св. преподобномуче- ницы Евдокии
14 мая 1911 г. – 13 мая 1913 г.	Константино-Михайловский храм-памятник (в память празднования 300-летия царствования Дома Романовых и князя К.К. Острожского).	святых Михаила Малеина и равноапостольного царя Константина

Заключение

Свято-Духовское братство с целью укрепления позиций православной церкви в период с 1893 г. по 1913 г. в г. Вильно построило четыре православных храма. В период с 8 мая 1893 г. по 3 сентября 1895 г. была воздвигнута Архангело-Михайловская церковь-школа, с 6 июня 1896 г. по 25 октября 1898 г. – Александро-Невская церковь-школа, с 14 октября 1899 г. по 1 июня 1903 г. – Знаменская церковь-школа, с 14 мая 1911 г. по 13 мая 1913 г. – Константино-Михайловский храм-памятник. Три первых храма были сооружены в тех районах города, в которых до этого не было православных церквей. Архангело-Михайловский храм был возведен в предместье г. Вильно Снопешках, Александро-Невский – в предместье Новый Свет, Знаменский – в местности под названием «Зверинец-Александрия». Построив церкви в указанных районах г. Вильно, Свято-Духовское братство способствовало тем самым укреплению веры у православного населения, проживавшего в отделенных местах города, сближению прихожан со своими пастырями, создало возможность верующим регулярно посещать богослужения. Содействовал удовлетворению религиозных потребностей православного населения и Константино-Михайловский храм, сооруженный на Закретной площади. В возведении храмов Свято-Духовскому братству оказали большую помощь благотворители, главным образом из г. Москвы, и различные государственные учреждения. Если Архангело-Михайловский и Александро-Невский храмы были построены в основном на средства братства и благотворителей, то при строительстве Знаменской церкви пришлось обращаться за помощью к Св. Синоду, выделившему 21 790 руб., а четвертая церковь – Константино-Михайловская – вообще была построена на средства И.А. Колесникова. Активное участие в финансировании строительства храмов нечленов братства наглядно свидетельствовало, с одной стороны, о недостатке материальных средств, которыми располагало Свято-Духовское объедине-

ние, а с другой – о той большой поддержке, которой пользовался Виленский братский союз не только у местного населения, но и у жителей г. Москвы. Заботясь о распространении образования в духе православной церкви, братство построило три церкви-школы: Архангело-Михайловскую, Александро-Невскую и Знаменскую. Предоставляя возможность староверам и католикам обучать своих детей в указанных учебных заведениях, Свято-Духовское братское объединение способствовало сближению их с православной церковью. Только четвертая церковь была храмом-памятником, так как строилась по плану, составленному с согласия И.А. Колесникова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журнал общего собрания Виленского православного Св.-Духовского братства 6 августа 1891 г. // Литовские епархиальные ведомости. – 1891. – № 33 (неофициальный отдел). – С. 263–265.
2. Шемякин, В. Церковь-школа в Вильне в память графа М.Н. Муравьева / В. Шемякин // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем правительствующем Синоде. – 1892. – № 21. – С. 782–784.
3. Донат, А. Журнал общего собрания Виленского православного Свято-Духовского братства 7 марта 1893 года / А. Донат // Литовские епархиальные ведомости. – 1893. – № 19 (неофициальный отдел). – С. 150–152.
4. Освящение Александро-Невской церкви, устроенной в г. Вильне в память императора Александра III // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем правительствующем Синоде. – 1898. – № 45. – С. 1700–1701.
5. Из Вильно // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем правительствующем Синоде. – 1896. – № 24. – С. 861–862.
6. Общее собрание Виленского православного Свято-Духовского братства 12 мая 1899 г. // Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 21 (неофициальный отдел) – С. 209.
7. П.К.С. Новоустроенная в г. Вильно церковь со школой на предместье Новом Свете / С.К.П. // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем правительствующем Синоде. – 1897. – № 42. – С. 1515–1517.
8. Смоктунович, Л. Знаменская церковь в местности «Зверинец-Александрия» / Л. Смоктунович // Литовские епархиальные ведомости. – 1903. – № 24–25 (неофициальный отдел) – С. 193–196.
9. Из Вильны // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1908. – № 30. – с. 1418–1420.
10. Миловидов, А.И. Виленский храм-памятник в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых и в память князя К.К. Острожского (ко дню освящения храма 9-го мая 1913 г.) / А.И. Миловидов. – Вильно : типография А.Г. Сыркина, 1913. – 36 с.

Vosovich S.M. The Activity of Temple Building of Saint-spiritual Orthodox Fraternity in Vilno in 1890–1913 years

The article reveals the activities of the Vilno Saint Spirit Orthodox brotherhood in erecting orthodox temples in the city of Vilno. The author lays bare the reasons for building each of the four brotherhood churches, examines the help of philanthropist. It is emphasized, that the three erected temples were churches-schools. A conclusion is made that the brotherhood churches were erected with the purpose of strengthening the positions of the Orthodox church in the city of Vilno.

УДК 94 (476.5) “18/19”

М.В. Заблоцкая

**УЧАСТИЕ ВИТЕБСКИХ ИСТОРИКОВ В.К. СТУКАЛИЧА
И А.П. САПУНОВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКОГО КРАЯ
(вторая половина XIX – начало XX веков)**

В статье рассматривается общественно-политическая деятельность В.К. Стукалича и А.П. Сапунова – известных витебских историков, краеведов второй половины XIX – начала XX веков, авторов многочисленных публикаций, посвященных истории, географии, археологии, памятникам материальной и духовной культуры Полоцко-Витебского края. Показано участие В.К. Стукалича и А.П. Сапунова в образовании и деятельности Витебского отделения «Союза 17 октября», Русского губернского предвыборного комитета, Белорусского народного союза. Приводятся выдержки из программных документов, позволяющие проследить особенности идеологии и тактики октябристов в межреволюционный период и после установления советской власти. Большое внимание уделено деятельности А.П. Сапунова в качестве депутата от Витебской губернии в Государственной думе третьего созыва. Анализируется эволюция взглядов лидеров западноруссизма на проблему самоопределения белорусского народа.

Введение

Заметным явлением в общественной и политической жизни Беларуси второй половины XIX – начала XX веков явилась деятельность Владимира Казимировича Стукалича (1856 – 1918) и Алексея Парфеновича Сапунова (1851 – 1924). Авторы многочисленных публикаций по истории, археологии, этнографии, белорусоведению, почетные члены различных обществ и объединений как местного, так и общеимперского масштаба, В.К. Стукалич и А.П. Сапунов стояли у истоков образования первых политических партий на Витебщине, являлись одними из лидеров «западноруссизма». Культурно-просветительская, и общественная работа витебских ученых была высоко отмечена современниками. Оценки же их политической деятельности весьма неоднозначные и противоречивые. Некоторые исследователи считают их взгляды консервативными и упрекают историков в тенденциозном подходе к освещению исторического прошлого белорусского народа. Целью данной статьи является изучение общественно-политической деятельности В.К. Стукалича и А.П. Сапунова, роли ученых в популяризации взглядов на историческое прошлое белорусского народа во второй половине XIX – начале XX веков.

В отечественной историографии данной теме посвящены лишь немногочисленные публикации, среди которых интерес для исследователей представляют следующие работы. Для изучения деятельности В.К. Стукалича и А.П. Сапунова в политических партиях начала XX века большое значение имеет монография Д.С. Лавриновича [1]. Об участии А.П. Сапунова в заседаниях Государственной думы писали Л.В. Хмельницкая [2] и А.М. Подлипский [3]. Определенный интерес для исследователей представляет монография А.И. Цвикевича, в которой теории, отрицавшей существование самостоятельного белорусского этноса, автор противопоставляет взгляды витебских «западноруссов» на проблему самоопределения белорусского народа [4]. Основным источником по теме исследования явились материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Витебской области [5]. Интересные сведения удалось почерпнуть из переписки В.К. Стукалича с Ф.М. Достоевским, 7 писем из которой находятся на хранении в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки [6]. Деятельность Витебского отделения «Союза 17 октября», русского губернского предвыборного комитета широко освещалась на страницах периодических изданий: «Витебский голос», «Витебские гу-

бернские ведомости», «Витебский вестник». В совокупности приведенные выше источники позволяют проследить роль и место витебских историков в политической жизни края.

Членство В.К. Стукалича и А.П. Сапунова в Витебском отделении «Союза 17 октября»

«Сын весьма образованного чиновника, оставшегося в загоне, вследствие открытого исповедания либеральных идей» [5, л. 6], целеустремленный, начитанный, интересующийся разнообразными вопросами, Владимир Стукалич был близок к революционным кругам уже во время обучения в гимназии, за что прослыл «красным». Составляя библиотеки для сельских школ, будущий общественный и политический деятель снабжал знакомых учителей литературой, в том числе и нелегальной [6, л. 2 об.]. В 1879 году В.К. Стукалич поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. За время обучения у него установились близкие отношения с руководителями «Народной воли» и «Черного передела», студенческих русских, белорусских и польских революционных кружков [5, л. 6 об.]. В начале 1884 года Владимир Стукалич был арестован на квартире публициста-народника С.Н. Кривенко и после обыска подвергнут одиночному заключению. Через несколько месяцев по причине тяжелой болезни историк был отпущен в Витебск к отцу, но тайный надзор с него был снят лишь в 1905 году. На протяжении последующих трех лет Владимир Казимирович жил литературными заработками, являясь сотрудником радикальной газеты «Русский курьер». После закрытия газеты записался в сословие присяжных поверенных. Одновременно продолжал писать статьи на общественно-политические темы, выступал против притязаний польских националистов на белорусские земли. Разочаровавшись в юридической практике, В.К. Стукалич решил перейти на государственную службу, где «принимал участие только в легальных политических и общественных организациях, лишь иногда и случайно оказывался в собраниях, выходящих за рамки законности» [5, л. 6].

В октябре 1905 года В.К. Стукалич примкнул к Гродненскому отделу «Союза 17 октября» [7, л. 2]. Свой выбор историк объяснял следующим образом: «В видах борьбы с польскими притязаниями... я примкнул к Гродненскому отделу «Союза 17 октября», – наиболее левой из политических партий, деятельное участие в которых чиновников терпелось администрацией [5, л. 7 об.–8]. Борясь за интересы православного большинства края, историк сблизился с видными представителями западнорусизма, стал одним из авторитетных деятелей в монархических кругах. В письме В.К. Стукаличу один из лидеров русских националистов А. И. Савенков писал: «Если Западная Русь начала собственным порывом русское национальное движение и возрождение, то вы историк этого движения. Ваше имя будет произноситься с благодарностью» [5, л. 59]. После перевода в 1906 году в Витебскую казенную палату В.К. Стукалич стал одним из самых активных деятелей местного отдела партии октябристов [8, л. 4]. К октябристам примкнул и А.П. Сапунов.

Витебский отдел «Союза 17 октября» был открыт 16 декабря 1905 года [9, л. 30]. На собрании, состоявшемся 28 декабря 1905 года, был одобрен устав витебской организации октябристов [9, л. 44 об.]. В нем отмечалось, что принятие всей политической программы «Союза 17 октября» во всех ее подробностях для отдельных членов отдела необязательно. Устав допускал участие в деятельности других партий с одним лишь условием, чтобы их программы совпадали бы с основными положениями программы «Союза 17 октября» [9, л. 37]. Принимая за основу программу ЦК «Союза 17 октября», местные октябристы выступали за единое и неделимое Российское государство; развитие и укрепление конституционной монархии с народным представительством, основанном на общем избирательном праве; обеспечение гражданских прав; неотложность

созыва Государственной думы, призванной разрешить крестьянский и рабочий вопросы; развитие и укрепление начал местного самоуправления; забота о народном образовании; проведение судебной и административной реформы [10, с.171–177]. С целью привлечения народа на свою сторону витебские октябристы попытались развернуть масштабную агитацию, обратившись к ЦК с просьбой выслать предвыборные листовки, воззвания и брошюры [9, л. 27 об., 29]. На помощь октябристам пришли и власти. Губернатор разрешил размножать листовки в губернской типографии, выступать со страниц «Витебских губернских ведомостей» [1, с. 147]. Однако, несмотря на активную агитационную работу и поддержку со стороны местной администрации, Витебский отдел не смог привлечь массы на свою сторону. Результаты избирательной кампании в I Государственную думу оказались неблагоприятными. Большинство голосов получил польско-еврейский блок, с которым «русским бороться было невозможно» [9, л. 22].

Анализируя неудачу прошедших выборов, по инициативе местных октябристов 19 декабря 1906 года в Витебске состоялось общее собрание представителей русских организаций, на котором был образован Русский губернский предвыборный комитет, одна из центральных задач которого заключалась в борьбе с так называемым «польским влиянием» на Витебщине [11, с. 2]. Ядро комитета составили В.К. Стукалич, Н.Ю. Шильднер-Шульднер, А.П. Сапунов, В.В. Богданович и другие члены Витебского отдела «Союза 17 октября» [11, с. 2]. «Духовная сущность каждого народа выражается в быте, языке, умственном складе, нравственных началах, вероисповедании. По всем этим признакам коренная масса населения Западного края была, есть и остается русской. Эта истина вошла, наконец, в сознание местного русского общества. Все начинают понимать, что природным и законным хозяином в этой русской земле является русский народ», – выражал общее мнение В.К. Стукалич [5, л. 40].

Проиграв выборы во II Государственную думу, накануне новой предвыборной кампании членами комитета был поднят вопрос об изменении избирательного закона для местностей с разноплеменным населением [5, л. 31]. «Избирательный закон 11 декабря 1905 года – опасение, что русское население окраин окажется почти без представителей, не только там, где оно в меньшинстве, но и где в большинстве», – отмечалось в протоколе соединенного заседания русского предвыборного комитета и русских выборщиков [5, л. 31]. Стремясь, чтобы в Государственной думе были максимально ограждены интересы и права большей части населения губернии, в августе 1907 года Владимир Казимирович представил докладную записку на имя председателя Совета Министров П.А. Столыпина, в которой ходатайствовал о выделении русского населения Витебской губернии в особую курию и о предоставлении ему права избирать из своей среды самостоятельно четырех депутатов в Государственную думу в соответствии с численностью русского населения губернии, а также о пополнении состава Государственного совета по одному члену от русского населения каждой из губерний Северо-Западного края» [5, л. 40 об.]. Свое предложение Владимир Казимирович обосновывал следующим образом: «Ввиду решительного преобладания евреев в городских куриях, в виду национальной солидарности и сплоченности польской, латышской и еврейской групп, меньшей экономической обеспеченности, большей пассивности и разрозненности русских избирателей, в результате выборов может получиться такое явление, что губерния с 70% русского населения может в Государственной думе совершенно не иметь своего представителя или получить представителя не от большинства коренного русского населения, а от меньшинства, удобного полякам и евреям...» [5, л. 40 об. – 41].

Во многом благодаря В.К. Стукаличу предвыборная кампания для Витебского отдела «Союза 17 октября» прошла успешно. В III Государственной думе местных октябристов представили шесть депутатов, в число которых входил и А.П. Сапунов. В предвыборной речи Алексей Парфенович, изложил свои взгляды на политический

строй отечества, крестьянский, арендный, еврейский вопросы, положение старообрядцев и мещан. В окраинном вопросе, по мнению А.П. Сапунова, должен был стоять принцип единой и неделимой России. «Русский человек везде, во всех уголках должен чувствовать себя дома; везде он должен пользоваться такими же правами и в таком же объеме, как и туземцы: ни на йоту меньше», – отмечал историк. Крестьянский вопрос А.П. Сапунов ставил во главе всех вопросов. В качестве первоочередных мероприятий оратор призывал к удовлетворению земельной нужды крестьян путем отвода им дополнительных наделов из государственных, удельных и частнособственнических земель. Улучшить положение крестьян А.П. Сапунов предлагал также через повышение их образовательного уровня. По арендному вопросу докладчик считал настоятельно необходимым урегулирование отношений между собственниками и арендаторами. Рабочего вопроса историк коснулся лишь вскользь, призывая к улучшению быта рабочего, усовершенствованию фабричного законодательства, ограничению рабочего времени, улучшению условий труда. В заключении оратор перешел к еврейскому вопросу. Витебский консерватор выступал против «черты оседлости». Высшему классу еврейства: купечеству, банкирам, крупным промышленникам историк противопоставил картину существования другой половины: низших трудящихся слоев. [12, с. 3]. Эмоциональное выступление А.П. Сапунова была воспринято с пониманием, и оратор получил наибольшее количество голосов.

В Москву Алексей Парфенович приехал в конце октября 1907 года и целиком отдался политической деятельности, стараясь не пропускать ни одного думского заседания [3, с. 55]. О своей деятельности в Думе историк писал следующее: «Четыре года я работал в Государственной Думе. Два вопроса особенно интересовали меня: чиншевый, или арендный и введение земства в Западном крае. Я не оратор, однако, пришлось выступать раз 6. К довольствию моему и моих выборщиков, оба выше обозначенных вопроса Государственная дума провела успешно и до конца, и именно так, как хотели этого мои выборщики и я. Правда, Государственный совет значительно изменил эти законопроекты, и изменил, с нашей точки зрения, не в лучшую сторону. Однако и в нынешнем виде они, безусловно, полезные» [2, с. 134–135].

Участие А.П. Сапунова в работе III Государственной думы в качестве депутата от Витебской губернии

Первое и самое продолжительное выступление Алексея Парфеновича состоялось в январе 1908 года. На нем историк выступил с законопроектом «об упразднении в Беларуси последних остатков чиншевого владения и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения». Свое выступление витебский депутат сопровождал небольшим экскурсом в прошлое по данному вопросу. Докладчик отметил, что чиншевое право в Беларуси и Западном крае – общепризнанный юридический институт, освященный Литовским Статутом, и после присоединения к Российской империи признанный и русскими законами. Однако с течением времени, с развитием инфраструктуры городов и местечек, интересы вотчинника и чиншевика нередко становились враждебными. Вотчинники стали стремиться перевести чиншевиков на отношения более или менее краткосрочной аренды. Общие суждения о тяжелом положении арендаторов-чиншевиков и бывших чиншевиков оратор подкрепил кратким сводом законоположений по данному вопросу, конкретными примерами из дел, которые рассматривались в Витебском окружном суде [13, с. 12–14], а также мнениями ученых, изучавших чиншевый вопрос [13, с. 4–6]. Тема, поднятая А.П. Сапуновым, вызвала оживленную дискуссию, и для принятия окончательного решения была создана специальная комиссия, в состав которой вошел и Алексей Парфенович [14, л. 9].

На заседании Думы 2 апреля 1908 года А.П. Сапунов еще раз разъяснил высказанную ранее позицию по чиншевому вопросу, подчеркнув, что «арендные отношения в Белоруссии иного порядка, что они существенно отличаются от арендных отношений в иных местностях» [13, с. 28]. Обратив внимание, что «центральные власти обыкновенно имеют склонность подводить все под один уровень, устанавливая одинаковые нормы», докладчик призвал относиться к местным властям с большим доверием [12, с. 31].

Последующие выступления А.П. Сапунова касались разных вопросов, но по существу затрагивали тему «белорусской народности». Интерес к изучению истории родного края у Алексея Парфеновича пробудился еще в годы обучения в гимназии. После окончания историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Алексей Сапунов вернулся в Витебск, где направил свою исследовательскую деятельность на соби́рание всякого рода архивных материалов, отражающих историю Витебщины. Однако, как и все западноруссы, в течение многих лет ученый рассматривал судьбы белорусской народности в Западном крае в «ее постоянном тяготении к Великокороссии» [13, с. 487]. В одной из своих краеведческих работ историк писал: «Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, русская народность; говорим так потому, что белорусская народность – одна из основных народностей русского племени» [15, с. 28].

Однако анализ работ начала XX века свидетельствует об изменении взглядов ученого на историческое прошлое Беларуси. Своим новым видением судьбы белорусского народа Алексей Парфенович поделился на заседании Думы 30 мая 1909 года. В выступлении А.П. Сапунов затронул вопрос о необходимости изменения порядка выборов членов Государственного совета от 9 губерний Западного края. Обращаясь к членам Государственной думы, Алексей Парфёнович старался развенчать убеждение в том, что «поляки-католики являлись основной и стародавней народностью Западного края и всегда хорошо относились к белорусам» [13, с. 38]. Оратор выразил надежду, что в ближайшем будущем о нуждах русского народа будут говорить не господа, «сплотившееся в польское коло и представляющие свои сословные и племенные интересы», а истинные хозяева Западного края, каковыми, по мнению историка, являются православные белорусы [13, с. 38]. Желая полякам достигнуть широких прав в этнической Польше, Алексей Парфенович призывал к самоопределению белорусский народ. «Все, даже самые незначительные народности, стремятся к самоопределению; за ними все признают право на это. Только одна народность, народность белорусская, не смеет и думать об этом» [13, с. 37]. Вопреки распространенному мнению современников о забитости, угнетенности, рабской психологии белорусов, Алексей Парфенович говорил о наличии у белорусского народа своей истории, особенностей в общественной и культурной жизни, призывал белорусский народ к объединению, к созданию «силы, способной противостоять сепаратистским устремлениям поляков, латышей и евреев, проживавших в Северо-Западном крае» [16, с. 20]. Немало аргументов за признание самостоятельности белорусского диалекта приводит в работе «Краткая заметка о белорусском наречии» и В.К. Стукалич. Опираясь на работы исследователей белорусского наречия А. Соболевского и Е. Карского, автор приходит к выводу: «В белорусском говоре гораздо больше оригинальности, так как в нем есть и такие черты, которые встречаются не в великорусских говорах, а только в наречии малорусском, и притом черты, малоподающиеся теории заимствования. Белорусское наречие должно считаться самостоятельным» [17, с. 19–20]. Следует отметить, что в условиях традиционного общественно-политического устройства позиция А.П. Сапунова и В.К. Стукалича по национальному вопросу была достаточно смелой. Говорить про Беларусь, а тем более заниматься разработкой каких-либо аспектов исторического прошлого белорусского народа было далеко не безопасно.

С окончанием работы III Государственной думы 9 июня 1912 года Алексей Парфенович вернулся в Витебск. Одновременно с работой в государственных учреждениях А.П. Сапунов принимал активное участие в мероприятиях, проводимых Витебской ученой архивной комиссией, окружным обществом краеведения, читал курс лекций по истории Беларуси в Витебском отделении Московского археологического института, продолжал активную издательскую работу вплоть до смерти в 1924 году. Отказавшись от политической деятельности и официально заявив о своем уходе из предвыборного комитета и «Союза 17 октября», Владимир Казимирович Стукалич также сосредоточил все усилия на государственной службе, посвящая досуг литературным трудам и общественной работе.

Особенности программных установок Белорусского народного союза

Весной 1917 года в условиях оживившейся после свержения царизма общественной жизни по инициативе В.К. Стукалича в Витебске был образован временный комитет по созданию Белорусского народного союза (БНС) [1, с. 269], имевший целью «объединить всех белорусов Витебской губернии на широких демократических основаниях в целях наилучшего достижения культурного процветания родной губернии, а равно и всей Белоруссии, а также защиты ее политических интересов» [5, л. 78]. В число своих членов БНС принимал всех белорусов без различия вероисповеданий, классов и состояний, а равно и политических партий, при том лишь условии, чтобы вступающие в него были искренними защитниками свободы народа. В написанной В.К. Стукаличем программе союза отмечалось: «Ближайшей своей задачей Белорусский Союз ставит в первую очередь поддержку землевладельца-белоруса, белоруса-рабочего, а равно городских и поселковых домовладельцев, живущих по преимуществу личным трудом, чиншевиков-арендаторов, арендаторов-застройщиков и всех остальных демократических слоев Белорусского населения в их социально-экономической борьбе за лучшее будущее» [5, л. 78 об.]. Союз не исключал возможности образования в будущем общеполитической организации на своих программных принципах [5, л. 78]. В программе БНС речь шла о проведении радикальной земельной реформы, об улучшении материального и юридического положения рабочих, о поднятии умственного и нравственного положения белорусов путем введения всеобщего бесплатного низшего и среднего образования, создания просветительских обществ, библиотек, читален, народного театра и т.п. учреждений, открытия Белорусского университета и ряда других высших учебных заведений, особенно сельскохозяйственного типа [5, л. 79–79 об.]. Союз также проводил идеи «западноруссов», а в его состав вошли бывшие члены октябристской организации. Лидеры БНС поддерживали идею сохранения единства России. По национальному вопросу в программе союза отмечалось: «Вся Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную национальную территориальную величину, а потому Союз считает, что она может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления, которое должно находиться в руках самих же белорусов» [5, л. 80 об.]. В июле 1917 года делегаты БНС представили Временному правительству проект областного самоуправления для Беларуси, в соответствии с которым в крае должен быть утвержден особый совет, избираемый на основе пропорционального представительства от национальностей всеобщим прямым и тайным голосованием. Однако данный проект правительство оставило без внимания. После установления советской власти БНС не смог приспособиться к новым реалиям жизни, и к весне 1918 года его деятельность фактически прекратилась. С этого момента Владимир Казимирович по примеру про-

шлых лет «все свои силы и внимание посвятил государственной службе, изыскивая все способы и меры к увеличению источников доходов казны» [5, л. 17].

В ноябре 1918 года в обстановке нарастания «красного террора» В.К. Стукалич был арестован. На основании ордера Витебского ЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией на квартире бывшего идеолога БНС был произведен обыск. Расценив содержание изъятых документов и литературы как провокационные, Витебский ЧК постановлением от 6 декабря приговорил В.К. Стукалича к расстрелу. На следующий день приговор был приведен в исполнение [5, л. 4, 22]. Доброе имя Владимиру Казимировичу было возвращено лишь в 1998 году, когда историк был реабилитирован.

Заклучение

Краткий обзор политической деятельности В.К. Стукалича и А.П. Сапунова позволяет сделать следующий вывод. Несмотря на то, что октябристы вообще не считали белорусов отдельным народом и в сфере государственного устройства отстаивали идею областной автономии Беларуси в составе России, лидеры витебской организации, разделяя общие положения доктрины «западноруссов», имели собственные подходы к определению прошлого, современности и будущего белорусского народа. В многочисленных статьях и публикациях на общественно-политические темы, с трибуны высшего законодательного органа Российской империи Владимир Казимирович и Алексей Парфенович одними из первых предприняли попытки опровергнуть мнение о неисторичности белорусского народа, заявив о наличии у него своей истории, особенностей в общественной и культурной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лавринович, Д.С. Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905–1918) / Д.С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2009. – 335 с.
2. Хмяльніцкая, Л. Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова) / Л. Хмяльніцкая. – Мінск : «Энцыклапедыкс», 2001. – 256 с.
3. Падліпскі, А.М. Летапісец Віцебшчыны / А.М. Падліпскі. – Мінск : Польша, 1993. – 92 с.
4. Цвікевіч, А. «Западно-руссизм» // Нарысы з гісторыі грамадзянскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. / А. Цвікевіч. – Мінск, 1993.
5. Государственный архив Витебской области. – Фонд 967. Коллекция документов о культурной и общественно-политической жизни Витебщины. – Оп. 2. – Д. 1. Уголовное дело № 2715-п по обвинению Стукалича Владимира Казимировича в контрреволюционной деятельности за октябрь – декабрь 1918 г.
6. Российская Государственная библиотека. – Фонд 93/II. – К. 9. – Д. 32. Письма Стукалича Владимира Казимировича к Достоевскому Федору Михайловичу.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 115. «Союз 17 октября». – Оп. 1. – Д. 63 Переписка Петербургского ЦК «Союза 17 октября» с Гродненским отделом союза (1906 г.).
8. ГАРФ. – Фонд 115 «Союз 17 октября». – Оп. 1. – Д. 6 Список отделений, местных организаций «Союза 17 октября» (1906–1912 гг.).
9. ГАРФ. – Фонд 115 «Союз 17 октября». – Оп. 1. – Д. 59 Переписка Петербургского ЦК «Союза 17 октября» с Витебским отделом союза (1906 г.).
10. Бондаренко, К.М. Русские и белорусские монархисты в начале XX века : монография / К.М. Бондаренко, Д.С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.

11. Шильднер-Шульднер, Н.Ю. Организация русских избирателей Витебской губернии к выборам 1907 года / Н.Ю. Шильднер-Шульднер // Витебские губернские ведомости. – 1907. – 6 января – С. 2.
12. В предвыборном собрании // Витебские губернские ведомости. – 1907. – 17 января. – С. 3.
13. Сапунов, А.П. Речи в Государственной думе 3-го созыва / А.П. Сапунов. – Спб. : тип. «Сел. вестника», 1912. – 48 с.
14. ГАРФ. – Фонд 115 «Союз 17 октября». – Оп. 1. – Д. 22 Списки членов различных комиссий фракции «Союза 17 октября» в Государственной Думе.
15. Сапунов, А.П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности / А.П. Сапунов. – Витебск : Губернская типография, 1910. – 30 с.
16. Сапунов, А.П. Белоруссия и белорусы / А.П. Сапунов. – Витебск : Губернская типография, 1910. – 21 с.
17. Стукалич, В.К. Краткая заметка о белорусском наречии / В.К. Стукалич. – Витебск : Типография Г.А. Малкина, 1898. – 23 с.

Zablotskaya M.V. Participation of Vitebsk historians V.K. Stukalich and A.P. Sapunov in political life of Polotsko-Vitebsk region (the 2nd half of the XIX-th – the beginning of the XX-th centuries)

The article deals with political activity of V.K. Stukalich and A.P. Sapunov – known Vitebsk historians, regional specialists, authors of numerous publications on history, geography, archeology, material and spiritual heritage of Polotsko-Vitebsk region in the 2nd half of the XIX-th – the beginning of the XX-th centuries. In the article V.K. Stukalich's and A.P. Sapunov's participation in formation and activity of Vitebsk department of «the Union on October, 17th», Russian provincial pre-election committee, the Belarus national union is considered. Noted extracts from the program documents reveal the main features of the Octyabrists' ideology and tactics during the interrevolutionary period and after the establishment of the Soviet power. Considerable attention is given to A.P. Sapunov's activity as the deputy from Vitebsk province in the III State Duma. The evolution of Vitebsk historians' sights on a problem of self-determination of the Belarusian people is analyzed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.11.2010

УДК 070(091):947.6

В. У. Коваль

ТВОРЧЫЯ ўЗАЕМАСУВЯЗІ БЕЛАРУСКІХ І ўКРАЇНСКІХ ЭМІГРАНТАў У МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД

Артыкул асвятляе пытанне развіцця культурных узаемасувязей паміж прадстаўнікамі беларускай і ўкраінскай дыяспары з 1918 па 1939 г. У артыкуле прадстаўлены аналіз ролі ўкраінскіх хораў і творчых калектываў для прадстаўнікоў беларускай эміграцыі. Беларусы далучаліся да працы ўкраінскіх адукацыйных і культурных цэнтраў, прымалі актыўны ўдзел у шматлікіх агульных канцэртах і вечарынах. Беларуска-ўкраінскія ўзаемасувязі дыяспар у міжваенны перыяд значна пашырыліся, што тлумачыцца блізкасцю моў, агульнымі гістарычнымі каранямі і падабенствам ментальнасцей. У артыкуле выкарыстаны новыя матэрыялы беларускіх і ўкраінскіх архіваў.

Уводзіны

Важным аспектам даследавання гісторыі беларускай эміграцыі з'яўляюцца ўзаемасувязі з іншымі народамі за мяжой. Вялікае значэнне ў фарміраванні міжваеннай беларускай дыяспары мелі кантакты з прадстаўнікамі ўкраінскай эміграцыі, якія асабліва актыўна праявіліся ў творчых праектах, канцэртах самадзейных калектываў, арганізацыі выстаў і культурных вечарын. Самымі актыўнымі беларуска-ўкраінскія ўзаемасувязі былі ў міжваеннай Чэхаславакіі, разам з тым можна знайсці інфармацыю пра агульныя мерапрыемствы ў Злучаных Штатах Амерыкі, Францыі, Аргенціне і г.д.

Грунтоўнага даследавання па дадзенай тэматыцы не існуе, аднак тэма з'яўляецца дастаткова актуальнай і запатрабаванай. Творчыя кантакты прадстаўнікоў беларускай і ўкраінскай эміграцыі толькі фрагментарна закраналіся ў навуковых працах А. Пяленскай [1], У. Ляхоўскага [2], В. Зубко [3]. Асноўнай гістарычнай крыніцай пры вывучэнні культурнага жыцця беларускай і ўкраінскай супольнасці за мяжой з'яўляюцца архіўныя матэрыялы. Пры даследаванні былі выкарыстаны матэрыялы Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Цэнтральнага дзяржаўнага архіва вышэйшых органаў улады і кіравання Украіны.

Арганізацыя агульных культурных мерапрыемстваў прадстаўнікамі беларускай і ўкраінскай эміграцыі

Вялікае значэнне для развіцця эканамічных, палітычных і адукацыйных узаемасувязей мелі агульныя творчыя праекты, культурныя аб'яднанні і мерапрыемствы ў асяродку беларусаў і ўкраінцаў замежжа. Асновай для развіцця творчых сувязей былі сяброўскія адносіны паміж асобамі, агульная фальклорная спадчына, падобная традыцыя бавіць вольны час, сямейныя адносіны.

Беларуская эміграцыя намагалася пераймаць вопыт для арганізацыі культурных вечарын у большых па колькасці і моцных дыяспар. Асаблівую ролю ў гэтым адыгралі ўкраінцы замежжа. Традыцыя святкаваць юбілейныя даты, угодкі паэтаў і пісьменнікаў аб'ядноўвала ўсіх членаў дыяспары, спрыяла яе кансалідацыі, усталяванню сувязей паміж рознымі партыямі, аб'яднаннямі і арганізацыямі. На узор ўкраінскіх Шаўчэнкаўскіх дзён і Шаўчэнкаўскіх канцэртаў у Празе, куды прыходзіла звычайна больш за 700 чалавек [4, с. 793], беларуская эміграцыя таксама ладзіла ўгодкі вядомых нацыянальных дзеячаў і беларускія святы.

Напрыклад, у 1925 г. прадстаўнікі беларускай эміграцыі ў Празе арганізавалі і правялі вечарыну, прысвечаную 40-годдзю са дня смерці беларускага драматурга

В. Дуніна-Марцінкевіча [5, л. 1]. Сярод удзельнікаў урачыстай імпрэзы былі такія дастаткова вядомыя ў асяродку палітычнай беларускай эміграцыі асобы, як М. Вяршынін, Л. Заяц, П. Крачэўскі. На мерапрыемствах беларускай дыяспары звычайна выступалі палітычныя дзеячы з ліку беларускай дыяспары, аднак часта на вечарыну запрашалі прадстаўнікоў іншых народаў. Л. Мірачыцкі адзначае, што сярод дэлегацый на беларускіх урачыстасцях звычайна самай колькаснай была менавіта ўкраінская [6, с. 830].

Традыцыя святкаваць юбілейныя даты гісторыі Беларусі стала папулярнай і пашыранай у пасляваенны час, аднак першыя спробы арганізацыі такіх мерапрыемстваў ажыццяўляліся ў міжваенны перыяд. Урачыстае святкаванне ўгодкаў спрыяла захаванню нацыянальнай гістарычнай памяці дыяспары, дапамагала захаваць карпаратыўныя каштоўнасці, прыцягвала новых людзей да арганізацыйнай работы сярод эміграцыі. Культурныя вечарыны дыяспары спрыялі захаванню нацыянальнай ідэнтычнасці і інтэгрвалі эмігрантаў у сацыякультурнае асяроддзе краін пражывання. Цудоўным прыкладам у арганізацыі вечарын была ўкраінская дыяспара. Прадстаўнікі ўкраінскай эміграцыі ў міжваенны перыяд праводзілі актыўную культурную і палітычную работу па арганізацыі ўрачыстасцей, юбілейных мерапрыемстваў і ўгодкаў.

Беларусаў і ўкраінцаў за мяжой дастаткова часта аб'ядноўваў фальклор. Менавіта фальклорная традыцыя стала ілюстрацыяй адзінай культурнай і гістарычнай спадчыны, садзейнічала кансалідацыі дыяспар. Украінскія эмігранты вялікае значэнне ў сваёй культурнай дзейнасці адводзілі стварэнню хораў, магчымасці публічных выступленняў мастацкіх самадзейных калектываў. Беларусы часта прымалі актыўны ўдзел у рабоце ўкраінскіх тэатраў, гурткоў і хораў, часам самі ініцыявалі стварэнне беларуска-ўкраінскіх культурных аб'яднанняў.

У міжваенны час не былі распаўсюджанымі радыёлы, кінематограф і іншыя тэхнічныя сродкі, якія маглі б запоўніць вольны час беларусаў і ўкраінцаў за мяжой. Сяляне, якія ехалі шукаць сабе лепшага жыцця, яшчэ не мелі магчымасці пусіцца вялікія грошы на забавы, таму цудоўным адпачынкам для эмігрантаў было паспяваць у хоры. Песенная традыцыя бавіць вольны час яднала беларусаў і ўкраінцаў за мяжой, а блізкія і зразумелыя песні здаваліся сапраўды роднымі. Беларускія і ўкраінскія эмігранты, якія наведвалі творчыя калектывы, часта сябравалі паміж сабой. Спрыяла развіццю асабістых сувязей прадстаўнікоў дыяспар актыўная канцэртная дзейнасць украінскіх і беларускіх хораў і капэл.

У Беларускім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ) сярод дакументаў 1920-х калекцыі аддзела рукапісаў беларускага музея імя Івана Луцкевіча захоўваюцца групавыя фотаздымкі гадоў удзельнікаў украінскай капэлы ў г. Прага пад кіраўніцтвам Кошыца. Фотаздымкі падпісалі ўкраінскія эмігранты ў падарунак беларусам у Чэхаславакіі. Тэксты подпісаў ўкраінцаў добра характарызуюць сяброўскія адносіны і цесныя асабістыя кантакты прадстаўнікоў дыяспар. Сярод подпісаў ёсць наступныя: «На ўспамін беларусам ад Пражскай капэлы; На ўспамін беларусу ад украінкі. Марыя Тэрміла; Брату беларусу – сястра ўкраінка на памяць пра чужбіну. М. Прыянская» [7, л. 2].

Цёплыя і сяброўскія словы спевакоў украінскай капэлы пад кіраўніцтвам Кошыца сведчаць пра ўсталяванне блізкіх кантактаў, бо беларускай супольнасці за мяжой падабаліся выступленні ўкраінцаў, шмат якія песні здаваліся блізкімі і знаёмымі. Украінскі хор пад кіраўніцтвам А. Кошыца быў дастаткова папулярным у асяродку ўкраінскага замежжа. У дысертацыйнай працы Н.Г. Мерфі «Украінская дыяспара ў ЗША: захаванне традыцый нацыянальнай культуры» неаднаразова падкрэсліваецца,

што дзейнасць хору спрыяла працэсу самаідэнтыфікацыі ўкраінскай эміграцыі і пашырэнню ўкраінскай культуры за мяжой.

Цікавым і нетыповым з'яўляецца лёс выступоўцаў творчага калектыву. Удзельнікі Украінскага нацыянальнага хору пад кіраўніцтвам Кошыца пасля турнэ па Амерыцы ў 1922–1923 гг. вырашылі застацца ў Злучаных Штатах [8, с. 12], што станоўча паўплывала там на развіццё ўкраінскіх мастацкіх калектываў. Н.Г. Мерфі асабліва адзначае ролю дадзенага хора ў культурным жыцці ўкраінцаў ЗША. Безумоўна, падпісаня для падарункаў фотаздымкі сведчаць пра знаёмства спевакоў хору з беларускімі эмігрантамі ў Празе, што значна спрыяла ўсталяванню сяброўскіх адносін у творчым асяродку.

Украінскія эмігранты высока цанілі традыцыю бавіць вольны час з песняй. Часта гэта выходзіла на прафесійны ўзровень, таму яны вялікую ўвагу надавалі магчымасці публічных выступленняў, стварэнню новых самадзейных калектываў за мяжой. Песня часта аб'ядноўвала ўкраінцаў, кансалідавала дыяспару, садзейнічала наладжванню сувязей сярод яе прадстаўнікоў. Украінскія спевакі карысталіся пашанай і мелі выключную папулярнасць, асабліва ў краінах Еўропы, ЗША і Канадзе.

Музычна-педагагічны кірунак дзейнасці ўкраінскай эміграцыі асабліва выразна праявіўся ў рабоце музычна-педагагічнага аддзялення Украінскага вышэйшага педагагічнага інстытута імя М. Драгаманава, якое складалася з дзвюх кафедраў – тэорыі музыкі і кампазіцыі, гісторыі музыкі; а таксама чатырох педагагічных класаў – фартэп'янага, скрыпічнага, дырыжорскага і вакальнага [9, с. 787]. Акрамя ўкраінцаў, на аддзяленні вучыліся студэнты іншых нацыянальнасцей, у тым ліку і беларусы. Лекцыі па гісторыі і тэорыі музыкі, заняткі па музыказнаўстве праводзілі вядомыя музыканты, студэнты аддзялення заўсёды вылучаліся сваёй паспяховай канцэртнай дзейнасцю. Спрыяла развіццю творчых здольнасцей музыкантаў і кампазітараў украінскага інстытута багатая музычная культура Чэхаславакіі.

Архіўныя дакументы БДАМЛМ сведчаць пра існуючую практыку запрашаць прафесійных украінскіх спевакоў на палітычныя і культурныя мерапрыемствы беларускай эміграцыі, для выканання папулярных беларускіх песен. Сярод дакументаў арганізацыі «Беларускі сакал», якая дзейнічала ў Празе, ёсць афіцыйны ліст да Украінскага акадэмічнага хор: «Прэзыдыум здружэння «Беларускі Сакол» у Празе, гэтым мае гонар прасіць Украінскі Акадэмічны Хор дапамагчы ў выкананні сьпеваў пры аснове ўгодкаў залажэння Беларускага Сакола 16.03.1924 г. Маюць быць прэпеяны песні: Беларускі Нацыянальны Гімн «Не пагаснуць Зоркі ў Небе», Сакольская песня «Мы выйдзем Шчыльнымі Радамі» і Чэшскі Нацыянальны Гімн» [10, л. 61]. Афіцыйны ліст сведчыць, што хор ведаў пералічаныя песні на беларускай мове, хутчэй за ўсё ўкраінскія спевакі іх не раз выконвалі для беларусаў. На дадзенае мерапрыемства «Беларускага сакала» ўкраінцы не патрапілі, бо ў іх ужо быў запланаваны іншы канцэрт у гэты дзень. Прадстаўнік украінскага хору напісаў адказ на запрашэнне [10, л. 20], дзе дакладна патлумачыў прычыну адсутнасці. Ліст сакратара Украінскага акадэмічнага хору ў Празе з'яўляецца сведчаннем папулярнасці ўкраінскіх спеваў за мяжой, калі калектыв меў некалькі запрашэнняў на адзін час. Удзел украінскіх хораў у палітычных мерапрыемствах беларускай дыяспары быў вынікам наладжаных сувязей паміж эмігрантамі.

Практыка запрашаць украінскіх спевакоў на мерапрыемствы беларускай эміграцыі была папулярнай і пашыранай. Нават пры правядзенні вечарыны беларускай народнай песні 3 чэрвеня 1927 г. у Празе выканаўцамі запрасілі ўкраінцаў, што сведчыць не толькі аб прафесіяналізме спевакоў, але і пра цесныя кантакты паміж прадстаўнікамі дыяспар. Часопіс «Наш прамень» пра дадзеную вечарыну пісаў: «У пачатку выступіў вядомы чэскі музыкальны крытык праф. д-р Нэедлы, які даў

кароткую характарыстыку беларускай народнай песні, параўнаўшы яе з чэскай, расейскай і ўкраінскай, падкрэсліўшы яе асаблівую мэланхалічнасьць. Як сьцьвержаньне яго вывадаў, вядомая ўкраінская сьпявачка Д'ячэнка прыгожа засьпявала некалькі беларускіх песняў» [11, с. 78]. Беларускія эмігранты прымалі ўдзел і ў іншых канцэртах украінцаў замежжа. Сістэматычна канцэрты песняў і танцаў ладзіла таварыства «Січ» у Вене, Украінская студэнцкая грамада ў Бруселі [12, л. 6–10]. Беларускія эмігранты часта наведвалі ўкраінскія вечарыны, бо творчая атмасфера дапамагала ім успомніць пра родны край, а песні здаваліся зразумелымі і роднымі.

Іншае перыядычнае выданне беларускай эміграцыі «Беларускі студэнт» у сваёй рубрыцы «Хроніка» падкрэслівае дапамогу ўкраінцаў у арганізацыі самадзейных калектываў беларусаў за мяжой. У першым нумары часопіса за 1923 г. надрукавана інфармацыя, што ў Празе арганізаваны беларускі студэнцкі хор, які ўзначаліў вядомы ўкраінскі дырыжор Кізіма [13, л. 22]. Вопыт украінскай дыяспары па стварэнні гурткоў і самадзейных калектываў быў вельмі патрэбны беларускай моладзі ў Чэхаславакіі. Прадстаўнікі беларускай эміграцыі неаднаразова звярталіся да ўкраінцаў замежжа з прапановай правесці канцэрт народнай песні. Украінскія харавыя калектывы з энтузіязмам падтрымлівалі ініцыятыву, прымалі актыўны ўдзел у беларускіх вечарынах. Беларускі эмігрант Васіль Русак у сваёй аўтабіяграфіі падкрэслівае, што ён у 1935 годзе сам арганізаваў канцэрт беларускай і ўкраінскай песні ў Празе [14, л. 53 зв.]. Безумоўна, В. Русак ганарыўся тым, што правёў гэта мерапрыемства, таму і згадаў пра яго ў сваёй аўтабіяграфіі. «У 1935 г. арганізаваў канцэрт беларускай песні з украінскай, дзе былі як сольныя, так і харавыя нумары», – пісаў эмігрант [15, л. 5].

Беларусы не толькі спявалі разам з украінцамі за мяжой, а таксама прымалі ўдзел у выступленьнях агульных танцавальных калектываў. Беларускія народныя танцы, як і песні, часам былі настолькі блізкімі з украінскімі, што немагчыма было вызначыць іх паходжанне. Спрыяла ўдзелу беларусаў у гуртках украінцаў замежжа актыўнасьць украінскай дыяспары ў стварэнні разнастайных прафесійных і самадзейных калектываў. Вядома, што толькі за перыяд з 1930 па 1936 гг. украінскімі эмігрантамі ў Злучаных Штатах Амерыкі было заснавана звыш 50 танцавальных груп, якія абапіраліся на традыцыю народнага танца [16, с. 12]. Большасць членаў творчых калектываў складала моладзь, маладыя ўкраінцы і беларусы намагаліся перадаць на сцэне пры дапамозе танцаў асаблівасці культуры іх Бацькаўшчыны.

Некаторыя ініцыятыўныя беларускія юнакі і дзяўчаты спрабавалі ў Чэхаславакіі разгарнуць дзейнасьць па стварэнні гурткоў акцёрскага майстэрства па прыкладзе іншых дыяспар, у тым ліку і ўкраінскай. Дастаткова часта такія аб'яднанні дзейнічалі непрацяглы перыяд. Напрыклад, пры Беларускай Радзе ў Празе разгарнуў працу драматычны гурток пад кіраўніцтвам Лявона Зайца, аднак праіснаваў толькі з 1924 г. па 1925 г. [17, с. 23]. Самадзейныя калектывы ўкраінскіх эмігрантаў існавалі больш доўгі час, часта ладзілі агульныя вечарыны з хорами і капэламі.

Беларускія мастакі за мяжой таксама актыўна супрацоўнічалі з украінскімі эмігрантамі. Даследчыца ўкраінскага міжваеннага эмігранцкага мастацтва Аксана Пяленская адзначае, што беларускія эмігранты працавалі ў рамках праектаў Украінскай студыі пластычнага мастацтва [18, с. 19]. Студыя ў Чэхаславакіі стала самым буйным украінскім навучальным мастацкім цэнтрам за мяжой у міжваенны час. Украінская студыя пластычнага мастацтва (УСПМ) была заснавана ў 1923 г. па ініцыятыве Дзмітрыя Антановіча [19, с. 31]. УСПМ актыўна прапагандавала ўкраінскае мастацтва за мяжой: выкладчыкамі студыі ладзіліся выставы, выдаваліся кнігі, праводзіліся адкрытыя лекцыі. Навучанне там працягвалася 4 гады і ахоплівала 5 дысцыплін: жывапіс, графіку, скульптуру, побытавае мастацтва і архітэктуру [20, с. 24].

Такім чынам, больш актыўная ўкраінская дыяспара выконвала ролю дамінанты ў творчых узаемасувязях беларусаў і ўкраінцаў замежжа. Украінскія эмігранты былі значна больш актыўнымі ў культурным жыцці, сістэматычна арганізавалі мастацкія выставы, выступы харавых і танцавальных ансамблей. Асабліва яркая творчае супрацоўніцтва ўкраінскіх і беларускіх эмігрантаў выявілася ў міжваеннай Чэхаславакіі. Украінскі эмігрант і навуковец Сымон Нарыжны, падсумоўваючы культурную працу ўкраінскай эміграцыі ў Чэхаславакіі, адзначаў, што яна выконвала перадусім тры галоўныя задачы: 1) задавальненне ўласных культурных патрэб; 2) падрыхтоўка кадраў нацыянальнай інтэлігенцыі; 3) украінская нацыянальная прапаганда сярод замежнікаў [20, с. 15]. Беларускія творцы ў эміграцыі арыентаваліся на дзейнасць украінцаў, прымалі ўдзел у іх мерапрыемствах і выставах, вучыліся ва ўкраінскіх гуртках і студыях.

Засталіся дакументы, якія пацвярджаюць, што беларускія і ўкраінскія эмігранты праводзілі агульныя разнапланавыя мерапрыемствы: ладзілі агульныя спартыўныя спаборніцтвы [21, л. 4], святкавалі юбілейныя даты, праводзілі сустрэчы жаночых арганізацый і клубаў. Цікавым фотадакументам з'яўляецца фотаздымак беларускіх і ўкраінскіх жанчын на вечарыне Беларускай жаночай грамады ў Парыжы, датаваны 11 снежня 1938 г. [22, л. 1]. На фота выявы жанчын розных узростаў – як дзяўчынак-падлеткаў, так і сталых жанчын. Некаторыя беларускія і ўкраінкі спецыяльна для вечарыны апранулі народныя касцюмы. Подпіс на фотаздымку сведчыць, што ў беларускім мерапрыемстве прынялі ўдзел жанчыны Украінскай жаночай грамады і Украінскага работніцкага саюза ў Парыжы. Беларускі-ўкраінскія сувязі ў асяродку жаночых арганізацый можна патлумачыць блізкасцю іх асноўных кірункаў дзейнасці, падабенствам праблем і асабістымі сяброўскімі адносінамі паміж прадстаўніцамі дыяспар.

Культурныя сувязі беларусаў і ўкраінцаў у міжваенны перыяд пачынаюць фарміравацца не толькі ў Еўропе, а таксама ў Паўночнай і Паўднёвай Амерыцы. Дадзеныя кантакты пасля Другой сусветнай вайны пашыраліся і ўмацоўваліся. Менавіта ў далёкіх ад радзімы краінах, дзе востра адчувалася розніца культур і моў, беларусы і ўкраінцы адчувалі блізкасць, праводзілі агульныя мерапрыемствы, усталёўвалі палітычныя і творчыя сувязі.

Роля асабістых кантактаў у развіцці творчых узаемасувязей беларускай і ўкраінскай дыяспары

Асновай для фарміравання культурных кантактаў беларускай і ўкраінскай эміграцыі сталі сяброўскія адносіны паміж людзьмі. Развіццё асабістых сувязей можна прасачыць ускосна, у тым ліку праз ліставанне. Міжваенны перыяд у зносінах паміж асобамі характарызаваўся традыцыйнай віншавання пры дапамозе паштовак. Для перасылкі шырока выкарыстоўваліся не толькі друкаваныя паштоўкі, але і звычайныя малюнкi. Цудоўным прыкладам з'яўляецца віншаванне на Масленіцу з Вільні для беларускіх студэнтаў у Чэхаславакіі [23, л. 3], якое захоўваецца ў Беларуска-ўкраінскім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва. Малюнак на паштоўцы зроблены выдатным беларускім мастаком Язэпам Драздовічам, а ў подпісе былі наступныя словы: «Шірыі прывіт від Украінок» [23, л. 3 зв.]. Безумоўна, беларусам у Празе перадавалі прывітанне іх украінскія сяброўкі, а подпіс на ўкраінскай мове сведчыць пра адсутнасць моўных перашкод для беларускай і ўкраінскай моладзі. Дадзеная маляваная паштоўка ярка характарызуе цёплыя і сяброўскія адносіны паміж народамі, культура і мова якіх была роднаснай.

Традыцыя бавіць вольны час з песнямі і танцамі садзейнічала захаванню ідэнтычнасці беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў у іншамоўным і іншакультурным

асяродку. Беларусы мелі магчымасць лёгка далучыцца да творчых мерапрыемстваў украінцаў, бо знаёмыя з дзяцінства песні і танцы дапамагалі сацыяльнай і псіхалагічнай адаптацыі эмігрантаў, а ўкраінская культура здавалася блізкай і зразумелай беларусам. Асобна неабходна разглядаць беларуска-ўкраінскія шлюбы за мяжой, якія спрыялі фарміраванню сувязей дыяспар на побытавым узроўні.

Развіццё беларускага выяўленчага мастацтва, музыкі, народных танцаў значна саступала ўкраінскім творчым і самадзейным калектывам за мяжой. Слабая выдавецкая дзейнасць беларусаў замежжа ў міжваенны перыяд аказала негатыўны ўплыў на захаванне нацыянальнай ідэнтычнасці эміграцыі. Адзіным сацыяльным інстытутам, які мог забяспечыць трансляцыю нацыянальных духоўных каштоўнасцей новым генерацыям дыяспары, была сям'я [24, с. 47]. Беларускія сем'і эмігрантаў часта былі вымушаны самастойна праходзіць працэс індывідуальнай адаптацыі, што тлумачыцца пасіўнасцю ў цэлым дзейнасці дыяспары, шырокім рассяленнем беларусаў па краіне пражывання, адсутнасцю спецыяльных беларускіх школ і аб'яднанняў. Часта для перадачы традыцыі дзецям не хапала элементарных падручнікаў, праблема вучэбных дапаможнікаў для беларускай эміграцыі заставалася актуальнай і пасля Другой сусветнай вайны. Вывучэнне і выкарыстанне роднай мовы часта не працягвалася ў сем'ях беларускіх эмігрантаў, бо за мяжой не было ні беларускіх школ, ні спецыяльных педагогаў.

Заклучэнне

Такім чынам, украінская дыяспара актыўна ўключала беларусаў у свае культурныя, творчыя і адукацыйныя мерапрыемствы, садзейнічала развіццю нацыянальнай ідэі беларусаў на Захадзе, актывізавала працу маладзёжных і палітычных арганізацый, павышала цікавасць да беларускай мовы і гісторыі Беларусі за мяжой. Творчыя кантакты беларускай і ўкраінскай дыяспары былі распаўсюджанымі не толькі ў асяродку палітычных эмігрантаў, але таксама і сярод эканамічнай эміграцыі, якая часта была неактыўнай у іншых кірунках дзейнасці. Важна адзначыць, што для прадстаўнікоў беларускага замежжа падтрымка і дапамога ўкраінскай дыяспары мела прынцыповае значэнне. Украінцы садзейнічалі працэсу кансалідацыі беларускай эміграцыі, фарміраванню нацыянальнай свядомасці беларускай дыяспары, непасрэдна аказвалі ўплыў на актывізацыю яе дзейнасці.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Пеленська, О. Український портрет на тлі Праги. Українське мистецьке середовище в міжвоєнній Чехо-Словаччині / О. Пеленська. – Нью-Йорк–Прага : Наук. т-ва ім. Шевченка в Америці, 2005. – 221 с.

2. Ляхоўскі, У. Грамадска-культурная чыннасць беларускай дыяспары ў Чэхаславакіі ў 1921–1938 гг. / У. Ляхоўскі // *Общественно-культурная жизнь белорусской и российской эмиграции в Чехословакии 1921–1938* : каталог выставкі в Нац. музее истории и культуры Беларуси с 27 мая по 3 июля 2002 г. – Минск : Новопринт, 2002. – С. 21–31.

3. Зубко, О. Грамадска-культурна дзяльніць білоруськоі та украінськоі діаспор у Чехо-Словаччині в 1921–1939 рр. / О. Зубко // *Дыяспара. Культуралогія. Гісторыя* : матэрыялы IV Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў кантэксте культур еўрапейскіх краін», Мінск, 6–9 чэрвеня 2005 г. / пад рэд. А. Мальдзіса, А. Смаленчука. – Мінск : Голас Радзімы, 2006. – С. 67–73.

4. Мартыненко, О. Украинская музыкальная эмиграция в Чехословакии (1920–1940 гг. XX в.) / О. Мартыненко // Сб. доклад. Междунар. конф. «Русская, украинская и

белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов», Прага, 14–15 августа 1995 г. – Прага : Славян. библиотека при Нац. библиотеке Чешской респ., 1995. – Ч. 2. – С. 786–795.

5. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). – Фонд 3. – Воп. 3. – Спр. 138. Фатаграфія ўдзельнікаў святкавання беларускай калоніі ў Празе 40-годдзя са дня смерці В. Дуніна-Марцінкевіча.

6. Мирочицкий, Л. Белорусское студенчество в эмиграции в Праге (20-е годы) / Л. Мирочицкий // Сб. доклад. Междунар. конф. «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов», Прага, 14–15 августа 1995 г. – Прага : Славянская библиотека при Нац. б-ке Чешской респ., 1995. – Ч. 2. – С. 826–832.

7. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 310. Групавыя фатаграфіі ўдзельнікаў украінскай капэлы ў г. Прага, 1920-я гг.

8. Мерфі, Н.Г. Українська діаспора в США: збереження традицій національної культури : автореф. дис. ... канд. істор. наук : 07.00.01 – / Н.Г. Мерфі ; Миколаїв. держ. гуманітар. ун-т ім. Петра Могили. – Донецьк, 2006. – 19 с.

9. Мартыненко, О. Украинская музыкальная эмиграция в Чехословакии (1920–1940 гг. XX в.) / О. Мартыненко // Сб. доклад. Междунар. конф. «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов», Прага, 14–15 августа 1995 г. – Прага : Славян. библиотека при Нац. библиотеке Чешской респ., 1995. – Ч. 2. – С. 786–795.

10. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 176. Перапіска Саюза моладзі «Беларускі сокал» у г. Прага з установамі па арганізацыйных пытаннях за 1923–1924 гг. На беларускай і чэшскай мовах.

11. Вечар беларускай народнай песні ў Празе // Наш Прамень. – 1927. – № 1. – С. 78.

12. Цэнтральны дзяржаўны архіў вышэйшых органаў улады і кіравання Украіны (ЦДАВО Украіны). – Фонд 3905. – Воп. 2. – Спр. 165. Выразкі з газет пра жыццё ўкраінскага студэнцтва ў эміграцыі.

13. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 49. «Беларускі студэнт» часопіс, № 1 за 1920 г. і № 7 [за 1924 г.], г. Прага, гектарграфічнае выданне.

14. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 459. – Воп. 1. – Спр. 1. Сшытак В.М. Русака з вершамі, аўтабіяграфіяй, нататкамі і іншымі запіскамі.

15. НАРБ – Фонд. 459. – Воп. 1. – Спр. 14. Аўтабіяграфія В.М. Русака.

16. Мерфі, Н.Г. Українська діаспора в США: збереження традицій національної культури: автореф. дис. ... канд. істор. наук : 07.00.01 / Н.Г. Мерфі ; Миколаївські державні гуманітар. ун-т ім. Петра Могили. – Донецьк, 2006. – 19 с.

17. Ляхоўскі У. Грамадска-культурная чыннасць беларускай дыяспары ў Чэхаславакіі ў 1921–1938 гг. / У. Ляхоўскі // *Общественно-культурная жизнь белорусской и российской эмиграции в Чехословакии 1921–1938* : каталог выставкі в Нац. музее истории и культуры Беларуси с 27 мая по 3 июля 2002 г. – Минск : Новопринт, 2002. – С. 21–31.

18. Пеленська, О. Український портрет на тлі Праги. Українське мистецьке середовище в міжвоєнній Чехо-Словаччині / О. Пеленська. – Нью-Йорк–Прага : Наук. т-ва ім. Шевченка в Америці, 2005. – 221 с.

19. Русская, украинская и белорусская эмиграция в Праге : каталог выставки. – Прага : Národní knihovna České republiky, 1995. – 53 с.

20. Пеленська, О. Український портрет на тлі Праги. Українське мистецьке середовище в міжвоєнній Чехо-Словаччині / О. Пеленська. – Нью-Йорк–Прага : Наук. т-ва ім. Шевченка в Америці, 2005. – 221 с.

21. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 308. Бюлетэні ўкраінскага прэс-бюро ў Чэхаславакіі (г. Прага) за 1924–1925 гг.

22. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 3. – Спр. 128. Фатаграфія беларускіх і ўкраінскіх жанчын на вечары Беларускай жаночай грамады ў Парыжы.

23. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 185. Перапіска Аб'яднання беларускіх студэнцкіх арганізацый Заходняй Беларусі і эміграцыі ў г. Прага з установамі па арганізацыйных пытаннях, распіскі за 1927–1928 гг. – Т. 2.

24. Яцкевіч, С. Мадэль адукацыі для дыяспар / С. Яцкевіч // Нацыянальная адукацыя. Тэматычны зборнік навуковых прац. Кніга IX. Адукацыя дыяспар. – Брэст : Міжнар. акадэмія вывучэння нацыянальных меншасцей, 1998. – С. 47–59.

Koval V.U. Creative Ties of Belarusian and Ukrainian Emigrants in the Interwar Period

This article is about the cultural ties between Belarusian and Ukrainian diaspora from 1918 till 1939. The analysis of the role of Ukrainian choruses and creative collectives for Belarusian emigration is also given. The Belarusians made use of the Ukrainian educational and cultural centers, took part in numerous shared concerts and meetings. In the interwar period, these contacts were broadened, which was a consequence of the proximity of the languages, common historical tradition and similar mentalities. The author uses new materials of Belarusian and Ukrainian archives.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.09.2010

УДК (476 – 15) + 94 (438)

В.И. Кривуть

МЕРОПРИЯТИЯ ВЛАСТЕЙ II РП В СФЕРЕ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Данная статья посвящена изучению одного из важнейших направлений молодежной политики правящих кругов межвоенной Польши – военной подготовке молодого поколения. Раскрываются положения концепции «нации под ружьем» и главные пути ее реализации. Также прослеживаются этапы осуществления военной подготовки молодежи на протяжении 1920–1930-х гг., до и после майского государственного переворота 1926 г., а также накануне Второй мировой войны. Особо освещается участие в мероприятиях в сфере военной подготовки государственных структур, прежде всего армии и системы образования, а также общественных организаций.

Введение

Воспитательная концепция, взятая на вооружение санационным режимом II РП, была направлена на формирование бойца и работника в одном лице. В связи с этим особое внимание уделялось военной подготовке молодежи, в том числе и на территории Западной Беларуси. К сожалению, эта проблематика не нашла отражения в отечественной историографии. Данная работа должна компенсировать этот недостаток, что позволит дать более объективную картину общественно-политической жизни западно-белорусского региона в межвоенный период.

Концепция «нации под ружьем» и начало ее реализации

Опыт I мировой войны привел к ревизии прежней системы подготовки государства и общества к войне. Было признано, что война перестала быть делом только армии. Так, Роман Старжиньский, майор польского Генштаба, заявлял в 1927 г.: «Только мировая война, которая призвала под ружьё несколько десятков миллионов человек, показала, что даже лучшая кадровая система, опирающаяся на всеобщую воинскую обязанность, и мощнейшая вооружённая сила не в состоянии выполнить все задачи, которые ставит на порядок дня современная война. Оказалось, что вести войну должны не только вооружённые силы отдельных государств, но и всё общество, вся нация» [1, с. 43]. Следовательно, к будущей войне должно быть готово всё общество, вся нация. Эта идея и стала основой концепции «нации под ружьём».

Реализация программ военной подготовки молодёжи в довоенной Европе проводилась в соответствии с двумя моделями. Суть первой состояла в том, что армия почти целиком брала на себя выполнение задачи подготовки общества к войне. В чистом виде эта система централизованной всеобщей допризывной подготовки была реализована в нацистской Германии и СССР. Согласно второй модели в руках военных оставались только общее руководство и контроль, а непосредственная реализация программ доверялась общественным, в первую очередь, молодёжным организациям и школе. Обучение строилось на принципах добровольности [2, с. 21–22].

Польша ориентировалась на вторую модель и начала её осуществлять с первой половины 20-х годов XX века. Военная подготовка (ВП) должна была охватить «всю военно-подготовительную работу за рамками постоянной армии, дифференцируя её в зависимости от возраста и пола, от стратегического положения края и от этнографического состава и государственного чувства граждан» [2, с. 26].

Таким образом, ВП во II РП проводили общественные организации и школа. Среди общественных организаций следует назвать Стрелецкий Союз, имевший опыт в

этой сфере ещё до 1914 г. Кроме того, право проводить ВП получили Союз Польского Харцерства, Союз Сельской Молодёжи, «Сокол» и другие объединения. Первоначально эти организации вовлекли в ВП небольшую часть молодого поколения. Поэтому в декабре 1922 г. вышло совместное распоряжение министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и министра военных дел об организации ВП в средних и профессиональных школах. Для подготовки школьной молодёжи к военной службе вводились добровольные занятия по ВП. Задачей этих занятий было «формирование у молодёжи умений и черт, которые развивают силу и характер будущего гражданина Отечества, позволяя ему исполнить военную обязанность в кратчайший термин и получить воинское звание в более быстрый срок» [3, с. 2]. Для этого создавались школьные отряды (*Hufce szkolne*). В этот отряд мог вступить любой школьник, достигший возраста 16 лет и получивший соответствующее медицинское разрешение. Занятиями должен был руководить инструктор – офицер действительной службы или резерва или же учитель данной школы. Он проводил свою работу на основе программ, совместно разработанных министерствами просвещения и военных дел. По всем вопросам внутренней дисциплины инструктор подчинялся школьным властям [3, с. 3].

Программа распалась на два курса (ступени). Первая ступень соответствовала программам обучения рядового пехоты. Вторая ступень – программе обучения подполковника пехоты. В профессиональных учебных заведениях дополнительно создавался курс обучения рядовых специальных войск (артиллерии, связи и т.д.). Курсы ВП дополнялись занятиями в летних лагерях. Военные знания включались также и в программу таких предметов, как физика, химия, история, география. Например, на уроках истории предусматривалось сообщать «некоторые сведения из истории войн и вооружённых сил, с упором на их воспитательную сторону с подчёркиванием момента жертвенности и героизма» [3, с. 3]. Ученики, которые отбыли 2/3 всех занятий, допускались к экзамену. Экзаменационная комиссия должна была состоять из представителей школьных и военных властей. В случае успешной сдачи экзамена ученики получали свидетельства соответствующей ступени ВП [3, с. 4]. Также распоряжение предусматривало оказание необходимой помощи в области инструктажа, учебников и уставов, оружия, амуниции и т.п. школьным отрядам ВП со стороны военных властей. На военных возлагалось и проведение летних лагерей [3, с. 5].

В январе 1923 г. министр религиозных вероисповеданий и общественного просвещения издал ещё одно распоряжение, уточнявшее и дополнявшее распоряжение от 1 декабря 1922 г. Так, право определять школы, в которых можно было создавать отряды ВП, передавалось кураторам школьных округов. Руководителя отряда ВП также назначал куратор по предложению директора и после согласования с командованием военного округа. Куратор школьного округа должен был составлять ежегодный отчёт о деятельности школьных отрядов ВП для своего министерства [4, с. 6–7]. Отряды ВП появились и начали свою работу только в 1923/24 учебном году.

Армейские круги были недовольны развитием акции по военной подготовке молодёжи. Прежде всего, недовольство было вызвано организационным хаосом и «политизацией» в общественных организациях ВП. Подполковник В. Килинский так характеризовал ситуацию накануне 1926 г.: «Для военной подготовки организуется, кто хочет и как хочет, а отдельные партии создают некие собственные обмундированные ополчения. Организации, якобы служащие одной идее, вступают во взаимную борьбу, и в этой борьбе исчезает сам смысл военной подготовки и ядро спорта. Для контрабанды политических потребностей в акцию физического воспитания и военной подготовки вплетается третий мотив, мотив так называемой просветительской работы, точнее, чистый политический мотив. В результате можно было бы множить существующие объединения бесконечно. Это разнообразные союзы бывших участников борьбы за незави-

симось, союзы молодёжи сельской, католической, бывших военных, молодых пионеров, спортивные союзы, женские организации, рабочие и т.д. и т.п. Хаос неправдоподобный» [5, с. 118]. В первой половине 1920-х годов акция ВП не смогла достичь значительных успехов. Она так и не стала массовой. Представитель польского Генштаба полковник Ф. Влад признавал, что, исключая школьников, военная подготовка в 1925 г. охватывала только 7% призывников. При этом только 9% членов организаций ВП происходило из «восточных кресов» [2, с. 42].

Военная подготовка молодежи после мая 1926 г.

Ситуация в деле военной подготовки начала меняться после майского переворота 1926 г. Вооруженные силы получили большие, чем раньше, возможности влияния на все стороны жизни общества, в том числе и на молодёжную политику, частью которой являлась акция ВП.

После мая 1926 г. отказа от концепции «нации под ружьём» не произошло. Большую роль сыграла личная позиция Ю. Пилсудского. По его мнению, главную роль в развитии военной подготовки должны были играть школа и армия, затем – местное самоуправление, общественные организации союзы. Особое внимание Пилсудский придавал добровольности ВП и её воспитательному значению. Роль армии кардинально изменялась. Военные круги взяли в свои руки руководство всей подготовкой общества на случай войны. Это давало надежду на оживление деятельности в этой области [2, с. 72–74].

В январе 1927 г. по инициативе Ю. Пилсудского было создано Государственное управление физического воспитания и военной подготовки (ФВ и ВП). Это стало основой для создания нового руководящего и пропагандистского аппарата акции ВП [6, с. 6]. Согласно распоряжению Совета Министров, директора Государственного управления ФВ и ВП назначал министр военных дел при согласовании с министром внутренних дел и министром просвещения. Именно директор распоряжался бюджетными средствами, выделяемыми на развитие ВП. Одновременно предусматривалось создание воеводских комитетов ФВ и ВП, задачей которых была координация и поддержка деятельности госаппарата и общественных организаций в сфере физического воспитания и военной подготовки. В состав воеводских комитетов должны были входить воевода, командующий военного округа и куратор школьного округа. Ещё четырёх членов воеводского комитета назначал военный министр. По мере необходимости создавались также поветовые и городские комитеты ФВ и ВП. Они подчинялись воеводскому комитету [7, с. 82–84].

К сфере деятельности Государственного управления ФВ и ВП относилось: составление директив для проведения работы по физическому воспитанию и военной подготовке, предоставление заинтересованным министрам предложений по вопросам ФВ и ВП, осуществление надзора над институтами ФВ и ВП и их инспекции, предоставление заинтересованным министерствам предложение по государственному бюджету в области ФВ и ВП, экспертиза решений министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения в сфере ФВ и ВП, составление директив для воеводских комитетов ФВ и ВП, издание соответствующих периодики и книг [8, с. 164–166]. Одновременно при командовании военных округов создавались окружные управления ФВ и ВП. Ниже, на уровне полка, стояли обводовые комендатуры, и, наконец, поветовые комендатуры ФВ и ВП. Именно коменданты последних отвечали за проведение занятий в школьных отрядах ВП и взаимодействие с общественными организациями [2, с. 75].

Созданная модель имела значительные недостатки. Например, было достаточно трудно скоординировать работу военных структур с гражданской властью, прежде всего из-за того, что территория военных округов не совпадала с территорией воеводств. Могло случиться так, что территория одного повета была поделена между двумя окру-

гами [2, с. 80]. Это в полной мере относилось и к Западной Беларуси: территория Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств входили в состав двух округов: № III «Гродно» и № IX «Брест». Тем не менее, к концу 1927 г. были организованы воеводские комитеты, а к концу 1928 г. структуры ФВ и ВП более низкого уровня. Это способствовало повышению уровня военной подготовки молодёжи, как в общественных организациях, так и в школе. Для активизации ВП было принято и новое совместное постановление министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и министра военных дел, касающееся вопросов организации военной подготовки в школе (4 февраля 1931 г.). Занятия в школьных отрядах ВП стали обязательными для всей мужской молодёжи тех школ, где такие отряды созданы. Усилилась роль армейских структур: комендантом отряда должен был быть офицер, поветовый комендант ВП. Занятия проводили офицеры и подофицеры действительной службы. Педагогическое руководство отрядом поручалось одному из учителей школы, офицеру резерва. Разработка программы ВП возлагалась на Государственное управление ФВ и ВП. Дирекция школ должна была взять под опеку работу и потребности отряда [10, с. 86–91].

Одновременно регламентация в деле ВП затронула и деятельность общественных организаций. В декабре 1926 г. министерство военных дел проинформировало, что признаёт следующие организации, занимающиеся военной подготовкой: Стрелецкий Союз, Союз Польского Харцерства (СПХ), «Сокол», Союз повстанцев и воинов, Союз силезских повстанцев, Союз Сельской Молодёжи (ССМ), Союз военных осадников, Союз добровольной пожарной стражи и Общественный комитет военной подготовки женщин к защите страны. В 1931 г. такими организациями признавались уже только «Стрелец», СПХ и ССМ [2, с. 86–87]. Это было сделано как для достижения «аполитичности» ВП, так и для увеличения эффективности руководства этой деятельностью.

На рубеже 1920–1930-х годов произошёл определённый сдвиг в массовости ВП. Так, если в 1929 г. военную подготовку прошли 57,7% призывников и резервистов, то в 1930 г. это число составило 71,5%. Следует отметить, что на территории Западной Беларуси этот показатель был даже выше. В округе № III «Гродно» ВП прошли соответственно 64,8% (1929 г.) и 82,2% (1930 г.), а в округе № IX «Брест» – 55,5% (1929 г.) и 79,3% (1930 г.) [2, с. 96].

Большое влияние на развитие и массовость ВП оказывала система льгот. Согласно распоряжению министра военных дел от 29 июня 1935 г., призывник, имевший свидетельство об окончании II ступени ВП, имел ряд льгот при прохождении действительной службы. Наиболее значительными были право на увольнения во время трёх первых месяцев службы, право на первоочередность при направлении в подофицерские школы, ускоренное представление к званию капрала. Также на основе свидетельства о II ступени ВП призывники пользовались и правом сокращения срока действительной службы [9, с. 912–914]. Одновременно с льготами, большое внимание уделялось моральному фактору. В рамках ВП помимо непосредственно военного обучения шла большая работа по гражданскому и патриотическому воспитанию.

Среди сформулированных в начале 1930-х годов воспитательных целей в организациях ВП на первый план выдвигались:

- а) выработка у молодёжи активного патриотизма, в особенности же государственного чувства, выражающегося в готовности принесения любой жертвы для защиты государства;
- б) развитие закалки воли, обязательности и дисциплинированности;
- в) умножение физических сил молодёжи через овладение воинскими умениями и полевыми занятиями;
- г) пробуждение любви к военной службе [10, с. 86].

Военная подготовка во II РП накануне Второй мировой войны

В середине 1930-х годов в сфере ВП произошли определённые изменения. К этому времени стал очевидным кризис версальской системы. Военные круги Польши исходили из реальности угрозы со стороны Германии и СССР и были убеждены в неизбежности тотальной войны. Перед II РП встала необходимость консолидации общества вокруг программы подготовки к отражению агрессии [6, с. 6–7].

В очередной раз была реорганизована ВП в школе. В 1937 г. было решено, что подготовка школьной молодёжи к защите страны будет осуществляться только в школе и исключительно через школу. Сама подготовка делилась на общую подготовку к обороне и непосредственно ВП. Общая подготовка к обороне страны реализовывалась в ходе всей воспитательной и дидактической работы школы. ВП становилась обязательным школьным предметом для всех учащихся начиная с 15 лет. Функции комендантов школьных отрядов исполняли исключительно учителя [11, с. 439–440]. Это было вызвано тем, что выросла потребность в профессиональных офицерских кадрах. Поэтому военное руководство предпочитало использовать профессиональных офицеров в линейных частях [2, с. 117]. Взаимодействие школы и армии продолжилось. В январе 1937 г. военный министр издал распоряжение о сотрудничестве командующих военных округов со школьными кураторами. Предусматривалось согласование военными властями со школьным руководством всех просветительско-воспитательных акций, которые проводятся как в армии, так и в организациях ВП. Одновременно министр просвещения рекомендовал школьным кураторам тесно сотрудничать с рефератами безопасности военных округов [12, с. 228].

Во второй половине 1930-х гг. военная подготовка школьной молодёжи к обороне страны становилась фундаментальной воспитательной и дидактической задачей школы. Школа должна была «обращать внимание на все факторы, которые имеют отношение к воспитанию сильных, благородных характеров, к выработке чувства ответственности за личную и общую работу, к развитию и укреплению солдатских достоинств, а особенно любви к родине, чувства чести, старательности и воли к победе» [13, с. 796–797]. Целью подготовки школьной молодёжи к обороне страны была быть подготовка сознательных, активных, смелых и жертвенных граждан.

Широкое распространение получила пропаганда в «духе благородного польского милитаризма». Планировалось охватить этой пропагандой около 85% граждан II РП, в первую очередь молодое поколение в возрасте от 10 до 21 года. В связи с этим в контексте ВП приоритет начал отдаваться гражданскому воспитанию. В директивах по ФВ и ВП на 1936/37 учебный год говорилось: «Независимо от военных задач в качестве наиболее актуальной задачи выдвигается вопрос гражданского воспитания и пропаганды лозунгов национальной обороны, как подготовка молодёжи к исполнению задач по обороне страны» [6, с. 11].

Инициатором пропагандистской акции стала армия. В мае 1936 г. был создан Центральный координационный комитет (ЦКК). Позднее координационные комитеты (КК) были созданы при военных округах Войска Польского (в Бресте – в январе, в Гродно – в ноябре 1937 года). Целью координационных комитетов было повышение успешности усилий общества в деле военной готовности государства, в том числе и в пропагандистской сфере [6, с. 14].

В состав Центрального координационного комитета вошли представители Государственного управления ФВ и ВП, а также делегаты ряда общественных организаций, в том числе Стрелецкого Союза и СПХ. На заседания ЦКК занимались, прежде всего, вопросами гражданского воспитания и государственной пропаганды. Специально для оживления работы в молодёжной среде в структуре КК существовала молодёжная комиссия. Ещё одним направлением работы КК стала организация борьбы с коммунисти-

ческим движением. В одном из документов ЦКК отмечалось, что в аспекте координации общественной работы на благо обороны на востоке первоочередную опасность представляет коммунизм, с которым «необходимо бороться всеми средствами, так как он не имеет у нас иной цели, кроме как подрыв государства и новое покорение России» [6, с. 16]. Также в сферу деятельности КК входило поддержание польского влияния. Но результаты деятельности КК в молодёжной среде были достаточно скромными. В конце 1938 г. министерство военных дел было недоволено тем, что в армию попадает много молодёжи, находящейся под чужим идейным и моральным влиянием [6, с. 17].

Заключение

Во II РП велась значительная работа по реализации военной подготовки молодежи. Целями этой подготовки были повышение обороноспособности государства и патриотическое воспитание молодого поколения в духе верности существующему режиму. Деятельность ВП особенно оживилась в период правления санационного режима. В её реализации программ ВП принимали участие как государственные структуры, прежде всего армия и школа, так и общественные союзы. Усилия властей и общественности не смогли в дальнейшем предотвратить ликвидации польского государства, т.е. их результат в военно-профессиональной сфере был минимален. Однако несомненно, что они все-таки оказали значительное влияние на молодёжь. Хотя это влияние следует по-разному оценивать на этнически польских территориях II РП и на территории её «восточных окраин».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Starzyński, R. Przynsposobienie wojskowe narodu pod bronią / R. Starzyński // Bellona. – 1927. – Т. XXV – S. 42–59.
2. Kęsik, J. Naród pod bronią. Społeczeństwo w programie polskiej polityki wojskowej 1918–1939 / J. Kęsik. – Wrocław : Wyd-wo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998. – 200 s.
3. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego i Ministra Spraw Wojskowych w sprawie Organizacji Przynsposobienia Wojskowego w Szkolach Średnich i Zawodowych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1923. – № 1. – S. 2–5.
4. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w sprawie przynsposobienia wojskowego młodzieży szkolnej // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1923. – № 1. – S. 5–7.
5. Kiliński, W. Wpływ Państwa na organizację i rozwój wychowania fizycznego i przynsposobienia wojskowego / W. Kiliński // Zrąb. – 1931. – Т. 6–7. – S. 117–128.
6. Kaszuba, E. System propagandy państwowej II Rzeczypospolitej (1926 – 1939) / E. Kaszyba // Dzieje Najnowsze. – 2003. – № 3. – S. 3–26.
7. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 1927 r. w sprawie utworzenia Państwowego Urzędu Wychowania Fizycznego i Przynsposobienia Wojskowego, Rady Naukowej Wychowania Fizycznego oraz Wojewódzkich, Powiatowych i Miejskich Komitetów Wychowania Fizycznego i Przynsposobienia Wojskowego // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1927. – № 3. – S. 82–85.
8. Rozporządzenie Ministra Spraw Wojskowych w porozumieniu z Ministrem Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego oraz Ministrem Spraw Wewnętrznych z dnia 21 marca 1927 r. co do wykonania § 3 Rozporządzenia Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 1927 r. w sprawie utworzenia Państwowego Urzędu Wychowania Fizycznego i Przynsposobienia Wojskowego, Rady Naukowej Wychowania Fizycznego oraz

Wojewódzkich, Powiatowych i Miejskich Komitetów Wychowania Fizycznego i Przysposobienia Wojskowego // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1927. – № 6. – S. 164–166.

9. Rozporządzenie Ministra Spraw Wojskowych z dnia 29 czerwca 1935 r. w sprawie ulg w wykonywaniu obowiązku służby wojskowej dla członków organizacji przysposobienia wojskowego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1935. – № 54. – S. 912–917.

10. Zarządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego i Ministra Spraw Wojskowych z dnia 4 lutego 1931 r. w sprawie organizacji przysposobienia wojskowego w szkołach średnich ogólnokształcących, seminarjach nauczycielskich i szkołach zawodowych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1931. – № 3. – S. 86–91.

11. Zarządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego oraz Ministra Spraw Wojskowych z dnia 10 września 1937 r. w sprawie organizacji przysposobienia młodzieży szkolnej do obrony kraju // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1937. – № 12. – S. 439–441.

12. Jabłonowski, M. Wobec zagrożenia wojną. Wojsko i gospodarka Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1935–1939 / M. Jabłonowski. – Warszawa : ASPRA-JR, 2001. – 476 s.

13. Adamczyk, T. Nowe zarządzenie w sprawie organizacji przysposobienia młodzieży szkolnej do obrony kraju / T. Adamczyk // Oświata i wychowanie. – 1937. – № 9–10. – S. 796–805.

Kryvuts V. The Actions Of The Powers II RP in Sphere of Military Preparing the Young Generation

The article is devoted to realization polish power action on military preparation youth in inter-war period. They are illuminated main trends to activity state and public organizations in this sphere. The different documentary sources are used.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 31.01.2011

УДК 94 (476) „1941“ (045)

С.Я. Новікаў

АБАРОНА БРЭСЦКАЙ КРЭПАСЦІ ЛЕТАМ 1941 ГОДА: У ПОШУКУ ШЛЯХОЎ НАВУКОВАГА ДАСЛЕДАВАННЯ

Аўтар упершыню прадстаўляе крытычны аналіз вынікаў даследавання айчыннымі гісторыкамі асноўных аспектаў гісторыі абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. У апошнія дзесяцігоддзі ў навуковы ўжытак уведзена нямала новых і прынцыпова важных дакументаў пра абарончыя баі на брэсцкім крапасным плацдарме. Дзякуючы гэтаму, узніклі больш спрыяльныя ўмовы для істотнага паглыблення гістарычных ведаў, напісання на дакументальнай аснове грунтоўных навуковых прац і, нарэшце, цэласнага асэнсавання не толькі гераічных, але і трагічных старонак гісторыі падзвігу абаронцаў брэсцкай цытадэлі. Даследчык звяртае ўвагу беларускага чытача на важнасць рэканструявання гісторыі баявых падзей, абаліраючыся не толькі на існуючыя з савецкага часу традыцыйныя гістарыяграфічныя ацэнкі, але і на новыя гістарычныя факты з нямецкіх дакументальных крыніц.

Уводзіны

Беларуская гістарычная навука заўсёды надавала прыярытэтную ўвагу вывучэнню падзей гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Падаецца, што за 70 гадоў, якія мінулі з пачатку абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г., гісторыкам павінна было б хапіць часу для ўсебаковага вывучэння гэтай як трагічнай, так і слаўнай старонкі ваеннай гісторыі. Аднак напісанне гістарычнага даследавання пра абарончыя баі на крапасным плацдарме ў тыя летнія дні пакуль застаецца адкрытым пытаннем для беларускай гістарычнай навукі [1–3].

Асабліва відавочным гэта становіцца на фоне таго, што расійскія навукоўцы зрабілі вельмі прыкметныя крокі ў напісанні на сучасным навуковым узроўні гістарычных даследаванняў (С.С. Смірноў) аб ходзе баявых падзей на тэрыторыі Брэсцкай крэпасці ў чэрвені 1941 г., разгарнуўшы спецыяльную навуковую дыскусію аб нямецкім штурме і савецкай абароне ў Брэст-Літоўску з мэтай стварэння цэльнай карціны баявых падзей на этапе вядзення шматдзённага штурму і наладжванні арганізаванай абароны крэпасці над Бугам [4–6]. Вынікі сучаснага навуковага дыскурсу з'яўляюцца актуальнымі не толькі для ваенных гісторыкаў і аматараў гісторыі вайны, але і прыцягваюць увагу шырокай грамадскасці ў кантэксце вырашэння задач па захаванні ваеннага мінулага як трывалага падмурка нацыянальнай памяці.

Айчынная гістарыяграфічная традыцыя

Нягледзячы на той відавочны факт, што гісторыя абароны Брэсцкай крэпасці выклікала цікавасць навуковай грамадскасці на працягу ўсяго пасляваеннага часу, у беларускай гістарычнай навукі ў сілу палітычных і ідэалагічных прычын яна так і не стала прадметам спецыяльнага навуковага даследавання. На працягу двух першых пасляваенных дзесяцігоддзяў паказ гераічнай абароны крэпасці ў Брэсце насіў выключна публіцыстычны і літаратурны характар: галоўная ўвага надавалася толькі некаторым падзеям, выбарчым фактам і асобным імёнам абаронцаў.

Асноўныя палажэнні навуковай канцэпцыі абароны Брэсцкай крэпасці былі сфармуляваны ў пачатку 1960-х гадоў. Падмуркам для іх з'явіўся зборнік успамінаў абаронцаў крэпасці пад назвай «Гераічная абарона». Ва ўмовах адсутнасці дакументальных крыніц сведчанні ўдзельнікаў абарончых баёў сталі практычна адзінай асновай для аднаўлення агульнай карціны легендарнай абароны Брэсцкай крэпасці. Грунтоўную прадмову да кнігі напісаў дырэктар Музея абароны Брэсцкай крэпасці маёр А. Крупеннікаў, які паспрабаваў даць агульную характарыстыку гісторыі абароны,

вызначыць яе храналагічныя рамкі і паказаць колькасныя аспекты абароны, выкарыстоўваючы для гэтага, апроч усяго, і архіўныя матэрыялы фондаў Міністэрства абароны СССР. Аўтар зрабіў агляд тагачаснай айчыннай і замежнай гістарыяграфіі па праблеме і прыйшоў да высновы аб важнасці выкарыстання розных дакументальных крыніц, у тым ліку нямецкага паходжання.

Паводле матэрыялаў прадамы, абарона Брэсцкай крэпасці падраздзялялася на два перыяды: першы – з 22 чэрвеня да 29–30 чэрвеня (часу генеральнага штурму крэпасці), а другі – з канца чэрвеня да сярэдзіны ліпеня 1941 г. Аўтар пераконваў чытачоў у тым, што апошнія ачагі абароны знаходзіліся на Цэнтральным і Кобрынскім умацаваннях [7, с. 26]. На думку А. Крупеннікава, у абароне Брэсцкай крэпасці бралі ўдзел 7 стралковых батальёнаў 6-й і 42-й савецкіх стралковых дывізіі агульнай колькасцю прыкладна 3,5 тысячы чалавек [7, с. 17].

У сваім матэрыяле А. Крупеннікаў не раз аспрэчваў асноўныя палажэнні данясення камандзіра 45-й нямецкай пяхотнай дывізіі Ф. Шліпера аб заняцці Брэст-Літоўска, хоць быў знаёмы з арыгінальным тэкстам гэтага дакумента, а не толькі з яго апублікаванай версіяй. Аднак савецкая гістарычная навука не дапускала магчымасці поўнага выкарыстання патэнцыялу дакументальных крыніц. Размова аб рассакрэчванні дакументаў прынцыповага значэння, у тым ліку ўсіх матэрыялаў пра абарону Брэсцкай крэпасці, у той час ісці не магла.

Матэрыялы, прысвечаныя абароне Брэсцкай крэпасці, у грунтоўных савецкіх акадэмічных выданнях пачатку 1960-х гадоў [8–10] былі падобныя адзін да аднаго. У іх сцвярджалася, што «арганізаваная абарона крэпасці» вялася да 14 ліпеня, у некаторых яе фартах супраціўленне асобных груп і байцоў не спынялася да 20 ліпеня 1941 г. [8, с. 423]. Асобныя групы абаронцаў прадаўжалі барацьбу практычна цэлы месяц. Толькі на трыццаць другі дзень вайны амаль беспрытомны маёр П.М. Гаўрылаў быў захоплены ў палон. Стойкая і мужная барацьба гарнізона Брэсцкай крэпасці на працяглы час скавала буйныя сілы нямецкіх войск, якія колькасцю значна пераўзыходзілі сілы абаронцаў крэпасці [9, с. 20].

Навуковая канцэпцыя абароны Брэсцкай крэпасці ўпершыню замацавалася ў «Советской исторической энциклопедии» ў асобным артыкуле «Брэсцкая абарона 1941 г.», дзе гаварылася аб 28-дзённай (з 22 чэрвеня па 20 ліпеня 1941 г.) абароне крэпасці асобнымі падраздзяленнямі 6-й і 42-й савецкіх стралковых дывізіі, якія разам з пагранічнікамі складалі гарнізон абаронцаў агульнай колькасцю да 3,5 тысяч чалавек [10, с. 717]. Аднак вядучая роля ў зборы, літаратурнай апрацоўцы і выданні матэрыялаў пра абарону Брэсцкай крэпасці ў той час належала пісьменніку С.С. Смірнову, дзесяцігадовую «літаратурную работу» якога ў 1964 г. завяршыла дакументальная кніга «Брестская крепость». Менавіта на высновы гэтай «літаратурнай работы» абапіраліся ў далейшым савецкія ваенныя гісторыкі. У 1970-я гады асноўныя палажэнні канцэпцыі абароны Брэсцкай крэпасці знайшлі адлюстраванне ў акадэмічным выданні «Гісторыя Беларускай ССР» (1975 г.), аднак колькасць абаронцаў была зменшана да 3 тысяч чалавек [11, с. 122]. Праз два гады ў аднатомным выданні «История Белорусской ССР» гэтая лічба павялічваецца да 3,5 тысяч чалавек [12, с. 371], аднак спасылка на асобнае навуковае даследаванне змешчана не было. Такім чынам, на працягу трох першых пасляваенных дзесяцігоддзяў сфарміравалася навуковая канцэпцыя па вывучэнні подзвігу абаронцаў легендарнай Брэсцкай крэпасці, падмуркам якой з'яўляліся пераважна ўспаміны ўдзельнікаў абароны. Пры гэтым гісторыкі абыходзілі маўчаннем многія факты з данясення камандзіра 45-й нямецкай пяхотнай дывізіі, асабліва лічбы аб агульнай колькасці савецкіх ваеннапалонных, хаця аб трагічным лёсе «большасці» абаронцаў крэпасці, якія ў ходзе абароны трапілі ў нямецкі палон, згадваў С.С. Смірноў яшчэ ў сярэдзіне 1960-х гг.

Адзначым, што ў гэты час легендарны абаронца крэпасці Герой Савецкага Саюза П.М. Гаўрылаў у кнізе ўспамінаў «Сражаецца крэпость», распавядаючы аб сваёй 32-дзённай барацьбе з ворагам на тэрыторыі Кобрынскага ўмацавання, пісаў, што «для полного и всестороннего раскрытия событий, связанных с обороной Брестской крепости, многое придется сделать историкам и научным исследователям» [13, с. 121].

Аўтары прац розных жанраў выявілі адзінства ў поглядах на гісторыю абароны Брэсцкай крэпасці [14]. Гэта падзея была кананізавана як яркі прыклад патрыятызму і масавага гераізму савецкіх воінаў. Канцэптуальнымі сталі ідэалізаваныя тэзісы аб «месячнай абароне гарнізона», «арганізаваным характары абароны Брэсцкай крэпасці», «амаль поўнай гібелі абаронцаў крэпасці» і інш.

У сярэдзіне 1980-х гадоў галоўныя пастулаты савецкай гістарычнай навукі наконт гераічнай абароны Брэсцкай крэпасці былі выкладзены ў энцыклапедыі «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.». У асобным артыкуле аб Брэсцкай крэпасці храналагічныя рамкі абарончых баёў вызначаліся з 22 чэрвеня да 20-х дзён ліпеня 1941 г.; удзельнікамі гераічнай абароны называліся падраздзяленні 6-й і 42-й савецкіх стралковых дывізіяў, 17-га пагранатрада і 132-га асобнага канвойнага батальёна войскаў НКВС агульнай колькасцю каля 3,5 тысяч чалавек. Далей сцвярджалася, што абаронцы стварылі штаб на чале з капітанам І.М. Зубачовым і палкавым камісарам Я.М. Фаміным. Баі ішлі на ўсёй тэрыторыі крэпасці з 22 чэрвеня да канца месяца, гарнізон не толькі адбіваў удары, але і не раз контратакаваў праціўніка. 29–30 чэрвеня выніку агульнага штурму крэпасці былі захоплены шматлікія ўмацаванні. З канца чэрвеня да 20-х дзён ліпеня баявыя дзеянні насілі ў асноўным ачаговы характар; невялікія групы савецкіх воінаў укрываліся ў развалінах і сутарэннях крэпасці і працягвалі ўпартае супраціўленне. Высновы артыкула былі наступныя: 1) абаронцы крэпасці амаль месяц скоўвалі цэлую нямецка-фашысцкую дывізію; 2) большасць абаронцаў загінула ў баях, частка прабілася да партызан; 3) частка знясіленых і цяжка раненых абаронцаў трапіла ў палон [15, с. 110–111]. Крыніцамі для напісання артыкула сталі дакументальная публіцыстыка, літаратурныя матэрыялы кнігі С.С. Смірнова і ўспаміны ўдзельнікаў абароны. Але пры гэтым у спісе крыніц і літаратуры не значылася ніводнага спецыяльнага навуковага даследавання.

У канцы 1980-х гадоў у энцыклапедыі «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945» з'явіліся некаторыя ўдакладненні адносна баявых дзеянняў у ходзе гераічнай абароны Брэсцкай крэпасці. Там сцвярджалася, што абарона крэпасці савецкімі войскамі ахоплівае перыяд з 22 чэрвеня па канец ліпеня 1941 г. [16, с. 95]. Пры гэтым не тлумачылася, што з'явілася падставай для ўнясення змяненняў у храналагічныя рамкі абароны. Упершыню прыводзіліся колькасныя звесткі аб праціўніку: шматдзённы штурм праводзіла 45-я нямецкая пяхотная дывізія ў складзе каля 17 тысяч салдат і афіцэраў. Непасрэднае ўзяцце крэпасці яна здзяйсняла ва ўзаемадзеянні з 31-й і 34-й пяхотнымі дывізіямі 12-га армейскага корпуса 4-я нямецкай арміі, а таксама з другой танкавай дывізіяй другой танкавай групы Г. Гудэрыяна пры падтрымцы авіяцыі і часцей узмацнення, якія мелі на ўзбраенні цяжкія артылерыйскія сістэмы. Энцыклапедычны матэрыял утрымліваў тэзіс аб тым, што ўпартае супраціўленне савецкіх воінаў і пагранічнікаў дало магчымасць раніцай 22 чэрвеня вывесці з крэпасці прыблізна палову асабовага складу, накіраваць гэтыя сілы ў раёны канцэнтрацыі сваіх часцей, эвакуіраваць раненых. Некалькі інакш падавалася ў артыкуле агульная колькасць абаронцаў – ад 3,5 да 4 тысяч савецкіх воінаў, якія засталіся ў крэпасці на момант яе штурму нямецкімі часцямі. Да ліку новых удакладненняў можна таксама аднесці тое, што толькі за 9 дзён абаронцы крэпасці вывелі са строю каля 1,5 тысяч салдат і афіцэраў праціўніка. У артыкуле канстатавалася, што да канца чэрвеня вораг захапіў большую частку тэрыторыі

крэпасці, а на працягу 29 і 30 чэрвеня гітлераўцы вялі бесперапынны штурм з выкарыстаннем 500- і 1 800-кілаграмовых авіябомбаў. У выніку кровапралітных баёў і вялікіх страт абарона распалася на шэраг ізаляваных ачагоў супраціўлення. Адметна, што галоўнай дакументальнай крыніцай для падрыхтоўкі артыкула сталі матэрыялы фондаў экспазіцыі мемарыяльнага комплексу «Брэсцкая крэпасць-герой».

З прыведзенага аналізу бачна, што савецкія працы па гісторыі гераічнай абароны Брэсцкай крэпасці захоўвалі канцэптualaнае падабенства, утрымлівалі аднолькавыя ацэнкі, погляды і падыходы навукоўцаў да вывучэння гэтай падзеі. Для савецкага этапу даследавання тэмы былі характэрны ўдакладненне і дэталізацыя традыцыйных палажэнняў па гісторыі гераічнай абароны крэпасці, а не вылучэнне новых падыходаў да крытычнага асэнсавання падзей. Агульная схема баявых дзеянняў падчас штодзённай гераічнай абароны Брэсцкай крэпасці засталася практычна некранута.

Іншая трактоўка баявых дзеянняў пры ўзяцці Брэсцкай крэпасці давалася ў замежнай гістарыяграфіі, і асновай для яе было данясенне камандавання 45-й нямецкай пяхотнай дывізіі аб ходзе ўзяцця Брэст-Літоўска. Хаця ў замежных працах гісторыя штурму як нязначны лакальны, а не адметны франтавы інцыдэнт першых дзён вайны таксама фактычна ігнараваўся. Нагадаем, што ў беларускай гістарыяграфіі данясенне з некаторымі купюрамі ўпершыню было апублікавана ў кнізе «Памяць» толькі ў канцы 1990-х гадоў.

Зварот да матэрыялаў гэтага данясення стаў важнай прыметай новых падыходаў у суверэннай Беларусі [17–19]. У новых навукова-папулярных працах (аднак не спецыяльных навуковых даследаваннях), прысвечаных гісторыі гераічнай абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г., аўтарамі шырэй выкарыстоўваюцца новыя факты, сведчанні і адкрыцці. Так, у пачатку 2000-х гг. у працы брэсцкіх даследчыкаў была ўпершыню названа колькасць савецкіх воінаў, якія трапілі ў нямецкі палон на другі дзень абароны крэпасці [17, с. 111]. Але па незразумелых прычынах аўтары ўводзяць гэты факт з пэўнымі агаворкамі, як быццам здача ў палон прырэчыла рэальнаму ходу баявых дзеянняў на брэсцкім абарончым плацдарме. З данясення ў аператыўны адзел Генеральнага штаба сухапутных сіл вермахта вынікае, што да канца чэрвеня 1941 г. толькі з тэрыторыі крэпасці ў нямецкі палон трапіла амаль 6 тысяч чалавек [20, с. 396]. Аднак гэта лічба не знайшла навуковай ацэнкі ў найноўшым акадэмічным даследаванні [21]. Не ўдаецца вызначыць агульную колькасць савецкіх салдат і афіцэраў, якія трапілі ў нямецкі палон у ходзе абароны крэпасці, і з найноўшага навукова-папулярнага выдання «Брестская крепость. Война и мир» [19]. Між тым даследчыцкая каштоўнасць аўтарскай канцэпцыі працы заключаецца ў тым, што фактычна распачаты пошук новых шляхоў паглыблення гістарычных ведаў аб падзвігу абаронцаў Брэсцкай крэпасці ў чэрвені 1941 г.

У пошуку шляхоў навуковага даследавання

У 2008 г. у Маскве выйшла праца расійскага гісторыка Р. Аліева «Штурм Брестской крепости» [6], перавыдадзеная ў Расіі ў 2010 г. Навуковая важнасць даследавання заключаецца ў тым, што расійскі гісторык паставіў пад сумненне некаторыя тэзісы, дагэтуль трывала замацаваныя ў свядомасці навукоўцаў і грамадскасці. Падрыхтаваная на аснове значнай базы новых дакументаў, у тым ліку ўпершыню выкарыстаных нямецкіх матэрыялаў, кніга прадстаўляе скрупулёзна адбудаваную карціну штурму ўмацаванняў на абарончым плацдарме Брэсцкай крэпасці салдатамі 45-й нямецкай пяхотнай дывізіі з 22 па 30 чэрвеня 1941 г.

Выход новага даследавання сведчыць пра тое, што існуючы традыцыйны падыход сёння сутыкаецца з асобным аўтарскім поглядам, на шляху да якога для расійскага гісторыка не існавала цэнзуры, ідэалагічных абмежаванняў і пэўных

партыйных устаноў. Не сакрэт, што некаторая частка навуковай грамадскасці неадназначна ацэньвае новыя падыходы, гаворыць пра тое, што пераасэнсаванне гістарычных падзей вядзе толькі да стварэння новых міфаў. Але пры адсутнасці навуковых дыскусій не толькі не будзе адбывацца крытычны, але і весціся ўзважаны аналіз новых падыходаў, поглядаў, ацэнак [22–24]. Заўважым, што ў ходзе навуковых дыскусій не ставяцца пад сумнеў гістарычныя факты аб мужнай, гераічнай і самаахвярнай барацьбе абаронцаў Брэсцкай крэпасці летам 1941 г.

На наш погляд, навуковая каштоўнасць працы Р. Аліева заключаецца не толькі ў сінтэзе значнага пласта арыгінальных дакументальных матэрыялаў, але і ў тым, што ход баявых дзеянняў разглядаецца ў кантэксце параўнальнага аналізу новых фактаў і вядомых гістарыяграфічных крыніц. Аўтарскі падыход быў прадвызначаны тым, што ў арсенале доказнай часткі традыцыйных публікацый навукова-папулярнага жанру часам адсутнічалі архіўныя дакументы: практычную аснову прац айчынай гістарыяграфіі складалі выключна ўспаміны былых удзельнікаў абароны, якія ў сілу неадназначнасці поглядаў аўтараў пакідалі па-за рамкамі паказу баявых дзеянняў як рэальных прычыны падзей, так і тое, што адбывалася за рамкамі іх поля зроку [5, с. 777].

«Штурм Брестской крепости» істотна выдзяляецца з шэрагу прац, прысвечаных амаль месячнай гераічнай абароне Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. У даследаванні аўтар уводзіць ва ужытак новыя дакументальныя факты, адзначаючы, што перад сучаснай ваеннай гістарыяграфіяй стаіць надзвычай важная задача па «адлюстраванні *цэльнай* (выдзелена мной – С. Н.) карціны абароны Брэсцкай крэпасці» [5, с. 11]. Падзяляючы гэту думку, хацелася б дадаць, што напісанне такой карціны беларускімі гісторыкамі магчыма праз падрыхтоўку спецыяльнай фундаментальнай працы, падмуркам для якой маглі б стаць папярэднія публікацыі ўсіх вядомых і малавядомых дакументаў, выкарыстанне новых архіўных матэрыялаў, у першую чаргу замежнага паходжання.

Прыкладам шырокага выкарыстання малавядомых дакументальных матэрыялаў з'яўляецца праца расійскіх даследчыкаў «Брестская крепость. Воспоминания и документы» (М. : Вече, 2010. – 448 с.). Кніга змяшчае 146 упершыню апублікаваных арыгінальных дакументаў адносна баёў, звязаных, з аднаго боку, з нямецкім штурмам крэпасных умацаванняў, а з другога – з савецкай абаронай пагранічнага рубяжа ў Брэсце на працягу апошняй дэкады чэрвеня 1941 г.

Знаёмства з новымі расійскімі гістарычнымі працамі пераконвае ў тым, што аб'ектыўнае даследаванне ходу баявых дзеянняў падчас абароны Брэсцкай крэпасці можа весціся толькі з выкарыстаннем максімальна поўнага кола дакументальных крыніц. Патрэбна стопрацэнтнае выкарыстанне ўсёй вядомай на цяперашні час базы дакументаў для пошуку адпаведных навуковых высноў. З'яўляецца недапушчальным замоўчванне матэрыялаў, факт існавання якіх даказаны як айчынай, так і замежнай гістарыяграфіяй.

Дакументы маюць адметны характар, бо іх выкарыстанне дапамагае ўбачыць рэальную карціну не толькі гераічных, але і трагічных падзей першых дзён Вялікай Айчынай вайны і даведацца аб малавядомых старонках ваеннай гісторыі Брэсцкай крэпасці. Апрача таго, публікацыя новых дакументаў набліжае чытача да разумення сутнасці прычын, чаму легендарны абаронца Брэсцкай крэпасці Герой Савецкага Саюза П.М. Гаўрылаў у канцы 1970-х гадоў усё яшчэ бачыў патрэбу ў неабходнасці «поўнага і ўсебаковага раскрыцця падзей абароны Брэсцкай крэпасці» [13, с. 121].

Сярод звестак, атрыманых з новых дакументаў, асабліва адметнай з'яўляецца храналогія разгортвання баявых дзеянняў у ходзе ўзяцця абарончага плацдарма крэпасці ў Брэст-Літоўску. Савецкі гарнізон упарта стрымліваў атакі нямецкай пяхоты, можна трымаючы практычна кожны будынак, кожны каземат, кожны форт. Паводле

дакументальных фактаў, амаль на кожным участку наступлення германскія часці сустрэлі эфектыўна дзеючую агнявую абарону. Разам з тым з данясення і іншых дакументаў вынікае, што з першага дня вайны для немцаў сталі адметным фактам савецкія палонныя, агульная колькасць якіх праз 9 дзён баявых дзеянняў значна вырасла ў параўнанні з самай вялікай групай чырвонаармейцаў, які трапілі ў палон вечарам 23 чэрвеня 1941 г., калі з 18.30 на ўчастку (паўночны востраў) наступлення 135-га пяхотнага палка здалося ў палон прыкладна 1900 абаронцаў. На трэці дзень абароны крэпасці 2-гі батальён 133-га нямецкага пяхотнага палка заняў паўднёвы востраў, захапіўшы ў палон 1250 савецкіх абаронцаў. Паводле дакументаў, у апошні дзень нямецкага штурму 29 чэрвеня ў палон трапілі 389 чырвонаармейцаў. Пры гэтым вечарам 28 чэрвеня на тэрыторыі крэпасці немцамі былі выяўлены целы «амаль 2000 забітых рускіх» [20, с. 390]. Такім чынам, у ходзе гераічнай абароны Брэсцкай крэпасці пачала пісацца адна з трагічных старонак яе гісторыі, якая па цяперашні час застаецца «белай плямай» у айчыннай гістарыяграфіі. На момант заняцця крэпасці 30 чэрвеня 1941 г. агульную колькасць савецкіх ваеннапалонных (у тым ліку ўзятых у горадзе) складалі 101 савецкі афіцэр і 7122 малодшыя камандзіры і радавыя [25, с. 390]. Падлікі колькасці савецкіх воінаў, якія да канца чэрвеня трапілі ў нямецкі палон і былі забітыя на тэрыторыі крэпасці, праліваюць святло на агульную лічбу абаронцаў, якія заставаліся ў крэпасці ў ходзе яе шматдзённай абароны летам 1941 г.

Значым, што новыя дакументы пацвярджаюць тэзіс аб упартых баявых дзеяннях абаронцаў Брэсцкай крэпасці летам 1941 г., што чырвонай ніткай праходзіць праз даследаванні: на сваім шляху часці германскага вермахта фактычна на самым пачатку агрэсіі супраць СССР сустрэлі моцны рубеж супраціўлення, на якім можна стаялі савецкія воіны розных нацыянальнасцей, выконваючы свой свяшчэнны абавязак па абароне савецкай Радзімы.

Заклучэнне

Аналіз сучаснага стану айчыннай і замежнай гістарыяграфіі прыводзіць да высновы аб тым, што ў беларускай гістарычнай навуцы даўно наспела неабходнасць правядзення спецыяльнага даследавання, якое б магло даць канкрэтныя і абгрунтаваныя адказы на пытанні, пастаўленыя гісторыяй шматдзённай абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. Ключавым неабходна бачыць пытанне, якое насамрэч вынікае з Загада № 1 ад 24 чэрвеня 1941 г., у адпаведнасці з якім перад абаронцамі ставілася задача «арганізаваных баявых дзеянняў», накіраваных, між іншым, не на абарону цытадэлі, а на арганізаваны «неадкладны выхад» з крэпасці яшчэ баяздольных абаронцаў. Вельмі важна вычлениць ключавыя моманты, характэрныя як для нямецкага штурму, так і для савецкай абароны, і адлюстравачь у спецыяльным навуковым даследаванні ход абарончых баёў у Брэсцкай крэпасці з улікам сучасных навуковых ведаў. Такім чынам, удасца на рэшце выканаць наказ не толькі С.С. Смірнова аб напісанні апавяданняў, раманаў і паэм, стварэнні п'ес і кінафільмаў, але і правядзенні «гістарычных даследаванняў» па тэме гісторыі абарончых баёў легендарнага гарнізона Брэсцкай крэпасці летам 1941 г.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства : зб. артыкулаў. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – 253 с.
2. Беларусь. 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / Нац. Акад. наук Беларусі, Ин-т истории ; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – Кн. 1. – 480 с.; Кн. 2. – 358 с.

3. Новікаў, С. Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года / С. Новікаў // Беларуская думка. – 2010. – № 5. – С. 88–97.
4. Алиев, Р. Брестская крепость: взгляд с немецкой стороны / Р. Алиев // Фронтальная иллюстрация. – 2003. – № 5. – С. 1–74.
5. Алиев, Р.В. Штурм Брестской крепости / Р.В. Алиев. – М. : Яуза : Эксмо, 2008. – 800 с.
6. Алиев, Р.В. Брестская крепость. Воспоминания и документы / Р.В. Алиев. – М. : Вече, 2010. – 448 с.
7. Героическая оборона. – 2-е изд., доп. – Минск : Госиздат БССР, 1963. – 598 с.
8. История Белорусской ССР : в 2 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории ; ред. Т.С. Горбунов. – Т. 2. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1961. – 702 с.
9. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 : в 6 т. – Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 – ноябрь 1942). – М. : Воениздат, 1961. – 682 с.
10. Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / гл. ред. Е.М. Жуков. – Т. 2. – М. : Советская энциклопедия, 1962. – С. 716–717.
11. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. – Т. 4. Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.). – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 640 с.
12. История Белорусской ССР. – Минск : Наука и техника, 1977. – 632 с.
13. Гаврилов, П.М. Сражается крепость / П.М. Гаврилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Краснодар : Кн. изд-во, 1980. – 142 с.
14. Бешанов, В.В. Брестская крепость / В.В. Бешанов. – Минск : Беларусь, 2004. – 158 с.; М. : Эксмо, 2009. – 352 с.; М. : Эксмо, 2010. – 352 с.
15. Брэсцкай крэпасці абарона 1941 // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыклапедыя / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – С. 95–97.
16. Брэсцкай крэпасці абарона 1941 // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыклапедыя / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – С. 95–97.
17. Брестская крепость = Brest fortres: факты, свидетельства, открытия / В.В. Губаренко [и др.]. – 2-е изд, испр. – Брест : Академия, 2001. – 84 с.
18. Брестская крепость на ветрах истории / под ред. В.В. Губаренко, Л.А. Цуприка ; авт. концепции и текста А.М. Суворов. – Брест : Редакция журнала СЭЗ, 2004. – 152 с.
19. Брестская крепость. Война и мир / авт. концепции и текста А. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2010. – 256 с.
20. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Брэста : у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 1997. – Кн. 1. – С. 325–453.
21. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя (рук. авт. коллектива) [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
22. Новікаў, С. Абарона Брэсцкай крэпасці: традыцыйнае і новае ў гістарыяграфіі / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 6. – С. 28–35.
23. Ганцар, К. Штурм Брэсцкай крэпасці / К. Ганцар // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 6. – С. 36–37.
24. Новікаў, С. Узяцце Брэсцкай крэпасці: гістарычны дакумент / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 6. – С. 38–43.
25. Алиев, Р.В. Отчет о штурме Брест-Литовска / Р.В. Алиев // Брестская крепость. Воспоминания и документы / Р.В. Алиев. – М. : Вече, 2010. – С. 380–391.

***Novikav S.Y* Brest Fortress Defence during the summer of 1941 year: Searching the Trace of Research**

It is the first time in the science of our country the author has given critical analysis of the results of the study, dedicated to the most significant aspects of the defence of the Brest Fortress in the summer of 1941. In the last few decades a lot of new and crucially important documents about the defensive acts on the Brest Fortress place of arms have been introduced into scientific usage. Thanks to this there appeared favourable conditions to deepen historical knowledge, to write serious scientific works on the documentary basis, and to evaluate not only heroic but also tragic moments of the history of the deeds of the defenders of the Brest citadel. The researcher draws the attention of the Belarussian reader to the importance of reconstructing war actions, taking into consideration not only the existing traditional soviet historiographical assessment of the events, but also new facts from German documentary sources.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.03.2011

УДК 94(47+57) «1941/45» + 719(476)

Т.П. Савчук

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье на основе разнообразных источников, как введённых в научный оборот, так и не опубликованных, анализируется современная государственная политика увековечения памяти о Великой Отечественной войне в Беларуси. На примере Брестской области рассмотрены основные направления мемориализации. Отражено состояние деятельности по поиску неучтённых воинских захоронений, установлению имён погибших, а также сохранению военных памятников и монументов. Предпринята попытка сравнительной характеристики советского и постсоветского периодов увековечения. В исследовании подчёркивается, что концепция государственной политики мемориализации, сформированная в советский период истории Беларуси, была положена в основу современной мемориальной практики.

Введение

Память о Великой Отечественной войне является неотъемлемой частью коллективной памяти белорусского общества, что обусловлено значимостью данного события в истории Беларуси. Что касается историографии обозначенной проблемы, то тема сохранения памяти о Великой Отечественной войне представлена в отдельных публикациях А.А. Ковалени, В.В. Шумского, М.А. Журавкова, И.Э. Мартыненко [1], М.Б. Ботвинника [2]. Несмотря на наличие в отечественной исторической науке определённых разработок по теме мемориализации Великой Отечественной войны приходится констатировать отсутствие комплексного исследования по заявленной проблеме. Целью же данной публикации является рассмотрение процесса формирования государственной политики увековечения в Республике Беларусь, отражение её основных направлений на примере Брестской области.

Основные направления государственной политики мемориализации в постсоветский период

Государственная политика увековечения представляет собой совокупность мероприятий, закреплённых законодательством Республики Беларусь и осуществляемых государственными органами и общественными организациями с целью сохранения памяти о событиях и погибших в годы Великой Отечественной войны. Формирование политики мемориализации приходится на советский период, что нашло отражение в принятии целого ряда правительственных постановлений и партийных решений того времени [3; 4]. Пройдя путь эволюции основных форм и содержания, концепция увековечения в своей основе осталась неизменной и в современной мемориальной практике и культуре. Основными направлениями работы по увековечению как в БССР, так и в независимой Беларуси являются поиск неучтённых воинских захоронений, установление имён погибших, а также сохранение памяти о них в различных формах репрезентации.

Вместе с тем в постсоветский период произошли качественные изменения в организации деятельности в той или иной сфере увековечения. В первую очередь это касается структурного изменения субъектов поисковой работы. В советское время поиск

Научный руководитель – В.В. Зданович, кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе и экономике Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

погибших осуществлялся преимущественно в рамках общественного поискового движения, которое зародилось в 1960-е гг. под эгидой ЦК ВЛКСМ и приобрело массовый характер в 80-е гг. XX в. Значительный вклад в организацию поиска погибших в годы войны внесло Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, созданное в 1965 г., которое в 1970–1980-е гг. представляло собой реально действующую и многочисленную по составу общественную организацию, одной из приоритетных задач которой являлась реализация государственной политики в области увековечения памяти о Великой Отечественной войне [4, с. 29].

Что касается постсоветского периода мемориализации, то в качестве главного субъекта организации и проведения поисковой работы в независимой Беларуси выступает государство, что, в свою очередь, не исключает участия в ней общественных организаций. В соответствии с законодательством Республики Беларусь, работу по поиску неучтённых захоронений с раскопками на местности осуществляет исключительно личный состав отдельной специализированной поисковой воинской части (52-й отдельный специализированный поисковый батальон).

Однако на сегодняшний день, к сожалению, существуют определённые трудности в классификации воинских захоронений. Современное законодательство определяет воинские захоронения как массовые захоронения погибших при защите Отечества с находящимися на них надгробными сооружениями, памятными знаками, ограждениями и другими элементами ландшафтного, архитектурного и художественного оформления [5]. Постановлением Министерства обороны Республики Беларусь от 22 октября 2003 г. № 60 «Об утверждении инструкции о порядке государственного учёта воинских захоронений в Республике Беларусь» было принято деление захоронений на 4 основных вида:

1) воинское кладбище – захоронение, состоящее из нескольких братских и (или) одиночных могил (захоронений), где захоронены военнослужащие, павшие на поле боя или умершие от ран и болезней, и участники Сопrotивления;

2) братская могила – компактное захоронение, имеющее общий памятный знак;

3) индивидуальная могила – место, где захоронен один погибший (умерший);

4) место массового уничтожения – место, где захоронены военнослужащие и другие жертвы войн, захоронения которых проводились многократно без соблюдения каких-либо правил в местах принудительного содержания [6].

Классификация, употребляемая в советское время, а также в первой половине 1990-х гг., существенно отличается от современной. Так, в ходе проведённой систематизации и анализа информации о воинских захоронениях на территории Брестской области, отражённой в «Своде памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область» [7] (далее «Свод») и справочном издании «Памяць. Беларусь. Рэспубліканская кніга» [8] (далее «Память»), было выявлено отсутствие чёткой градации в использовании понятий «индивидуальная могила» и «братская могила». К примеру, могила погибших в 1943 г. партизан Н.Н. Лойко и И.И. Майсюка в д. Застаринье Барановичского района классифицируется как индивидуальная, хотя фактически является братской [8, с. 48]. Однако на той же странице захоронение двух советских воинов на кладбище в д. Утёс Барановичского района названо братским [8, с. 48]. Аналогичные примеры находим и в «Своде памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область» [7, с. 91, 96, 104]. Кроме того, расхождения существуют не только в классификации, но и в количественном учёте данных типов захоронений. По подсчётам автора в «Своде» (по состоянию на 1991 г.) учтена 91 индивидуальная и 288 братских могил, в «Памяти» (по состоянию на 1995 г.) – 139 и 321 соответственно. Современный автоматизированный банк данных «Воинские захоронения Республики Беларусь» (далее АБД) по состоянию на 2005 г. включает 119 отдельных и 471 братскую могилу [9]. Наличие такого рода количественных расхождений по данным типам захоронений может быть обу-

словлено не только разницей в классификации могил, но и организованным на протяжении всего послевоенного периода процессом переноса индивидуальных могил и объединения их в братские.

Не существует единой позиции и в употреблении термина «место массового уничтожения». Если в АБД зафиксировано 54 захоронения данного типа, то в упомянутых «Своде» и «Памяти» всего 9 и 2. Дело в том, что данные книжные издания в большинстве своём используют понятие «могила жертв фашизма», которое можно определить как место захоронения мирных граждан, погибших в годы немецкой оккупации и которое, таким образом, не является тождественным понятию, принятому сегодня. Так, место массового уничтожения в д. Лесная Барановичского района, в котором захоронено 60 тыс. человек, в «Памяти» классифицируется как могила жертв фашизма [8, с. 46]. В то же время братская могила советских воинов, партизан и военнопленных на окраине д. Берёзовка Барановичского района, в которой находятся, по данным «Памяти», останки 628 воинов и партизан, а также порядка 50 тыс. военнопленных и мирных жителей, замученных в Леснянском лагере смерти [8, с. 46], сегодня считается как братской могилой, так и местом массового уничтожения [9]. Кроме того, в АБД уточняется, что в упомянутом захоронении погребены 57 416 человек, которые отнесены к категории военнослужащих. Вместе с тем приведённые источники используют разную датировку установленного на могиле возле д. Берёзовка мемориального знака: 1959 г. и 1983 г. [8, с. 46; 9]. Это скорее всего связано с тем, что памятник был установлен в 1959 г., а в 1983 г. была произведена его реконструкция. Всего же на территории Брестской области на 1990 г. было учтено 139 могил жертв фашизма [7], на 1995 г. – 193 [8]. Следует подчеркнуть, что в современном банке данных отражены не все могилы жертв фашизма, имеющиеся в «Памяти», что объясняет разницу в общем количестве учтённых захоронений в данных источниках. Относительно учёта воинских кладбищ существуют лишь незначительные расхождения. В «Своде» зафиксировано 7 захоронений данного типа, в «Памяти» – 8, в АБД – 6. Первые два источника включают кладбище военнопленных, партизан и жертв фашизма в г. Иваново, которое по современному законодательству не является воинским захоронением [7, с. 190; 8, с. 67].

Таким образом, учитывая вышеизложенные особенности классификации, мы подсчитали, что на территории Брестской области по состоянию на 1990 г. было учтено 534 захоронения (сюда включены также могилы участников Великой Отечественной войны, умершие в послевоенное время и зафиксированные в «Своде»), на которых было установлено 562 мемориальных знака [7], на 1995 г. – 663 захоронения погибших в годы Великой Отечественной войны (сооружён 671 памятник) [8], на 2005 г. – 650 захоронений (установлено 652 памятника) [9]. Несоответствие числа захоронений и установленных на них памятников обусловлено тем, что на одной могиле в ряде случаев устанавливалось несколько мемориальных знаков.

Что касается количества погибших в годы Великой Отечественной войны и погребённых на территории Брестской области, то в 2005 г. их численность по всем типам захоронений составила 404 194 чел. (известных (личность идентифицирована) – 51 176, неизвестных – 353 018) [9]. Книга «Память», в свою очередь, отражала лишь приблизительное число погибших, которое в 1995 г. составляло более 335 933 человек. Поэтому очевидно, что современная методика и практика поисковой деятельности, а также современные информационные возможности являются первостепенным фактором в процессе идентификации погибших в годы войны.

Следует отметить, что координация деятельности государственных органов и общественных структур по мемориализации погибших Указом Президента Республики Беларусь от 30 ноября 1994 г. № 231 [10, с. 193] была отнесена к компетенции Министерства обороны Республики Беларусь, в составе которого было создано и функцио-

нирует сегодня Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн. Государственный учёт, осуществление мероприятий по благоустройству воинских захоронений и содержанию в порядке имеющихся на них мемориальных знаков и надгробий возложено на местные исполнительные и распорядительные органы. Решением Брестского областного исполнительного комитета от 25 июля 2000 г. № 426 была создана областная комиссия по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войны. Аналогичные комиссии были созданы в городах и районах области [11, л. 1–2]. Обследование технического состояния памятников, захоронений военнослужащих и мирных жителей, погибших в годы Великой Отечественной войны, могил ветеранов на территории Брестской области проводится также специализированной комиссией. Так, по данным Брестского городского исполнительного комитета ежегодно с 2004 г. комиссия проводит обследование состояния памятников, установленных на могилах ветеранов Великой Отечественной войны, похороненных на городских кладбищах – Гарнизонном, Плоска, Тришинском. По факту обследования составляется годовой план на капитальный и текущий ремонт мемориальных знаков, за счёт выделенных отделу культуры средств осуществляется уход и восстановление памятников. В соответствии с годовыми планами были выделены и освоены средства из городского бюджета: 2003 г. – 20 млн. руб., 2004 г. – 80 млн. руб., 2005 г. – 35 млн. руб., 2006 г. – 38 млн. руб., 2007 г. – 37,5 млн. руб., 2008 г. – 39 млн. руб. В итоге за период с 2004 г. по 2007 г. было отремонтировано более 300 могил ветеранов войны [12]. Помимо этого, местными управлениями культуры осуществляется внесение установленных в ходе поисковой деятельности фамилий погибших в годы войны в списки соответствующих воинских захоронений, а также сохранение памяти о них в надписях на мемориальных знаках. В конце 2009 г. – начале 2010 г. было таким образом увековечено 11 идентифицированных погибших военнослужащих на территории Пинского района [13].

Наряду с поисковой деятельностью и установлением имён погибших одним из приоритетных направлений в государственной политике мемориализации как в советский, так и постсоветский период является увековечение памяти о Великой Отечественной войне в различных формах репрезентации. Основной формой материального воплощения памяти о войне является строительство памятников.

Основы функционально-композиционной типологии памятников, посвящённых событиям Великой Отечественной войны, были заложены ещё в программах архитектурных конкурсов военных лет. На протяжении послевоенного времени типология конкретизировалась и оформились следующие виды памятников: 1) памятники жертвам фашизма; 2) памятники на могилах погибших воинов и партизан; 3) памятники на местах сражений и героических событий; 4) памятники борьбы белорусского народа в тылу врага; 5) памятники-символы землякам, погибшим за пределами Беларуси.

Нельзя не отметить отличительные черты современного периода сооружения монументов. Если в БССР акцент в политике увековечения делался на сооружении мемориальных объектов, посвящённых теме Победы, героической стороне войны, то сегодня он смещается в сторону репрезентации войны как трагедии народа отдельно взятого человека. Сохранение памяти о жертвах войны было характерно и для советского периода, только в качестве таковых рассматривалось абстрагированное понятие – «советский народ». Наиболее распространённым художественным решением мемориального знака на местах массового уничтожения являлась скульптура скорбящей женщины (г. Барановичи [8, с. 43], д. Колдычево Барановичского района [7, с. 97], д. Каменка Кобринского района [8, с. 80]). Что касается захоронений военнослужащих и партизан, то в большинстве своём на могилах устанавливался памятник в виде скульптуры воина или партизана с винтовкой [8, с. 48]. В основном расположение такого памятника было традиционным – в центре деревни возле административного здания или в сквере. Со-

гласно данным «Свода», «Памяти», за период с 1941 г. по 1990 г. на территории Брестской области было установлено 374 монумента в память о военнослужащих Советской Армии, 303 увековечивало память участников движения Сопротивления, 249 – жертв войны. По информации же АБД, с 1991 г. по 2005 г. было установлено 45, 19 и 42 мемориальных знака соответственно (с учётом памятников, установленных исключительно на захоронениях). Таким образом, наблюдается последовательное развитие мемориализации жертв войны.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. многие памятники советского времени были реконструированы или заменены на новые, которые приобретали более абстрактное, символическое значение. К примеру, памятник (скульптура солдата) на братской могиле советских воинов и партизан в г.п. Антополь Брестской области, установленный в 1950 г., в 1994 г. был заменён на новый, выполненный в виде четырех аистов: трех в небе и четвертого, лежащего мёртвым. Памятник символизирует память 146 земляков и каждого четвертого белоруса, погибших в годы Великой Отечественной войны [8, с. 83]. Всего же за период с 1941 г. по 1990 г. на территории Брестской области было установлено 1 096 памятников (кроме того, 114 мемориальных знаков являются недатированными): мемориальных досок – 107, мемориальных ансамблей – 7, обелисков – 575, стелл – 121, курганов – 30, других типов мемориальных знаков (скульптур, бюстов, надгробий, шпилей, крестов) – 256 (подсчитано автором по данным «Свода» и «Памяти»). Вместе с тем на протяжении 1991–2005 гг. было сооружено 96 мемориальных знаков (18 обелисков, 5 стелл, 73 других типов памятников) [9]. Однако сюда включены только памятники, возведённые на воинских захоронениях, поскольку АБД содержит информацию о мемориальных знаках исключительно на могилах погибших. Современный унифицированный учёт остальных типов памятников пока не нашёл отражения ни в электронном банке данных, ни в книжных изданиях. Лишь незначительная часть монументов зафиксирована в Государственном списке историко-культурного наследия Беларуси.

Касательно же вопроса идейного содержания памятников, то новой для современной Беларуси по сравнению с предыдущим периодом является тема мемориализации памяти о первых, трагических днях войны, а также проблема увековечения памяти военнопленных. О местах захоронения военнопленных в послевоенный период говорить было не принято. О них вспоминали лишь тогда, когда речь шла о зверствах фашистов в период оккупации. Сегодня военнослужащие, оказавшиеся в годы войны по ряду причин в плену и не предавшие Родину, подлежат увековечению. В 1993 г. был открыт мемориал в д. Берёзовка Барановичского района в память о погибших военнопленных Леснянского лагеря смерти [8, с. 46], в 1994 г. – памятный знак на ул. С. Смирнова г. Бреста, увековечивающий погибших военнопленных лагеря «Красные казармы» [8, с. 42], в 2005 г. – мемориальный комплекс в г. Барановичи на месте гибели 31 тыс. советских военнопленных – узников концлагеря № 337.

Своё разрешение сегодня нашла и проблема мемориализации Холокоста. До начала 1990-х гг. систематической работы по увековечению памяти жертв Холокоста в республике не проводилось, и началась она лишь с появлением еврейского общественного движения. Увековечение памяти погибших евреев осуществляется и на территории Брестской области. Так, в 1991 г. в 3 км на юг от г. Иваново на братской могиле жертв фашизма был установлен памятник, увековечивающий память 3 500 граждан еврейской национальности [8, с. 67]. В 2008 г. в Берёзовском районе в урочище Смолярка был открыт памятный знак узникам Берёзовского гетто, убитым в 1942 г., а в 2010 г. – в г. Высокое Каменецкого района Брестской области. Следует отметить, что монументы на месте гибели жертв Холокоста сооружались и в советское время, однако в на памятном знаке не была отражена национальная принадлежности погибших, все они

были отнесены к обобщённому понятию «советский народ». К примеру, в 1954 г. был установлен обелиск возле д. Томашовка в память об узниках Томашовского гетто [7, с. 144], в 1956 г. – на могиле жертв фашизма в память об узниках Домачевского гетто [7, с. 134]. Всего, по подсчётам М. Ботвинника, в Беларуси насчитывается 525 памятников Холокоста, в том числе 72 на территории Брестской области [2].

Новой тенденцией, характерной для современной мемориальной культуры, является возведение храмов-памятников войны. В 2001 г. был открыт Брестский Свято-Воскресенский собор как храм-памятник Великой Победы в войне 1941–1945 гг. В 2003 г. решением Белорусского Республиканского Совета по вопросам историко-культурного наследия Министерства культуры Республики Беларусь Собору придан статус духовной историко-культурной ценности и он внесён в Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь.

В целом же приведённые факты свидетельствуют о том, в Республике Беларусь создана и функционирует эффективная управляемая система деятельности органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, общественных объединений по сохранению памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. Концепция государственной политики увековечения была сформирована в советский период истории Беларуси и, пройдя путь эволюции и трансформаций основных форм и содержаний, была положена в основу современной мемориальной практики. Основными задачами мемориализации являются увековечение памяти пострадавших через возвращение погибшим имени, права на достойное погребение и память потомков. Для современного этапа увековечения характерна первостепенная роль государства в организации поисковой деятельности, а также многообразие художественных форм и объектов мемориализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коваленя, А. Памятники, обелиски, мемориалы / А. Коваленя // Беларуская думка. – 2007. – № 6. – С. 4–11; Шумский, В. Поиск продолжается... / В. Шумский // Немига литературная. – 2004. – № 1 (16). – С. 114–123; Журавков, М.А. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв фашизма в учебно-воспитательном процессе в учреждениях образования / М.А. Журавков // Великая Победа: героизм и подвиг народов : материалы Междунар. научн. конф. (Минск, 28–29 апреля 2005 г.) : в 2 т. / Ин-т истории НАН Беларуси ; редкол. : А.А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2006. – Т. 2. – С. 175–178; Мартыненко, И.Э. Правовая охрана историко-культурного наследия : учеб. пособие / И.Э. Мартыненко. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 251 с.
2. Ботвинник, М. Памятники геноцида евреев Беларуси / М. Ботвинник. – Минск : Беларус. навука, 2000. – 326 с.
3. Савчук, Т.П. Формирование государственной политики увековечения памяти о событиях Великой Отечественной войны в БССР в первое послевоенное десятилетие / Т.П. Савчук // Гіст.-археалаг. зборнік. – 2010. – Вып. 25. – С. 155–158.
4. Савчук, Т.П. Эволюция памятников Великой Отечественной войны на территории Брестской области (1940-е – 1980-е гг.) / Т. П. Савчук // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2010. – № 1. – С. 25–32.
5. Соглашение о посещении воинских захоронений и воинских памятников ветеранами Великой Отечественной войны и гражданами, приравненными к ним : соглашение 18 окт. 1996 г. // Белорусское законодательство [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.lawbelarus.com/world/sub02/texa3576.htm>. – Дата доступа : 03.09.2010.

6. Об утверждении инструкции о порядке государственного учёта воинских захоронений в Республике Беларусь : постановление Мин-ва обороны Респ. Беларусь, 22 окт. 2003 г., № 60 // Право. Законодательство Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.levonevski.net/pravo/razdel8/num1/8d10489.html>. – Дата доступа : 03.08.2010.
7. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. энцикл. ; редкол.: С.В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 424 с.
8. Памяць. Беларусь. Рэспубліканская кніга / Беларус. энцыкл. ; Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1995. – 624 с.
9. Автоматизированный банк данных «Воинские захоронения Республики Беларусь» // Текущий архив Управления культуры Пинского райисполкома.
10. Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 нояб. 1994 г., № 231 // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост. : В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – С. 193.
11. Докладная записка о функциональных обязанностях по организации работы по увековечению памяти защитников Отечества, 22.02.2006 г., № 21/82–37 // Текущий архив Управления культуры Брестского областного исполнительного комитета (далее – облисполкома). – Папка «Материалы по увековечению памяти жертв войн Вооружённых Сил Республики Беларусь».
12. О техническом состоянии памятников защитников Отечества и паспортизации, 14.11.2008, № 2505-5 // Текущий архив Управления культуры Брестского облисполкома. – Папка «Материалы по увековечению памяти жертв войн Вооружённых Сил Республики Беларусь».
13. Отдел культуры Пинского районного исполнительного комитета, 14.04.2010, № 01–16/174 // Текущий архив Управления культуры Брестского облисполкома. – Папка «Памятники военной славы (1941–1945 гг.)».

Savchuk T.P. Memorization of the events of the Great Patriotic War in the Republic of Belarus (by the example of Brest Area)

In this article written on the basis of various sources, both published in scientific literature and unpublished, the author analyzes the contemporary state policy in the sphere of the memorization of the events of the Great Patriotic War I Belarus. Using the example of Brest Area the main directions of such memorization were analyzed. The author expanded over the state of activities directed at the search of unrecorded military burials, the names of the war victims, and the preservation of memories about these victims on monuments and memorials. The author made an attempt of the comparative characteristics of Soviet and post-Soviet periods of memorization. The research underlines the fact that the concept of the state policy of memorization, developed in Soviet times has formed the basis of the contemporary memorization practice.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.04.2011

УДК 331.105

О.В. Басова

МЕЖСЕКТОРНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье дается определение некоммерческой организации, рассматривается сущность и значение некоммерческих организаций как третьего сектора, участвующего в решении социально-экономических проблем. Освещаются вопросы межсекторного социального партнерства. Поднимается вопрос о необходимости развития межсекторного социального партнерства в Республике Беларусь.

Введение

Переход страны к модели устойчивого развития требует формирования зрелого гражданского общества, рыночного хозяйства и правового государства, улучшения взаимодействия государства, общества и бизнеса на принципах открытости, партнерства и ответственности [1, с. 170]. Опыт высокоразвитых стран, имевших подобные проблемы на этапе постиндустриального развития, свидетельствует, что решение проблемы совершенствования государственного управления социальной сферой связано с расширением участия общества в делах государства, развитием каналов обратной связи между обществом и властью, включением потенциала гражданского общества в процессы разработки, принятия, осуществления и контроля исполнения управленческих решений. Задача повышения эффективности взаимодействия власти и общества ставится в различных программах.

Некоммерческие организации

В настоящее время начал формироваться слой независимых некоммерческих организаций (НКО) – третий сектор, базирующийся на гражданских инициативах в преимущественно непроизводственной сфере (образование, наука, здравоохранение, социальная защита, экология и др.). Некоммерческая организация – это организация, не имеющая в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распространяющая полученную прибыль между участниками организации. Использование прибыли носит ограниченный характер. Прибыль полностью реинвестируется на развитие тех целей, ради которых эти организации создаются. Такое своеобразие использования прибыли является общим основным признаком, позволяющим рассматривать широкий спектр организаций как элемент единого сектора экономики, именуемого некоммерческим.

Некоммерческие организации возникают и функционируют в рыночной экономике вследствие определенных несовершенств, присущих рынку, возрастающей потребности населения в реализации различных идей, проектов, любительских и профессиональных интересов. Функционирование некоммерческих организаций способствует достижению нового качества экономического роста, развитию инновационных технологий, сохранению и преумножению образовательного, научного потенциалов, защите прав потребителей, созданию новых рабочих мест в рамках национальной экономики, экологической безопасности, устранению негативных последствий рыночных отношений и др. Актуальность изучения современных НКО, отношения к ним населения, по мнению академика Т.И. Заславской, заключается в том, что они являются субъектом (ак-

тором) трансформационного процесса в обществе, влияющим на реализацию тех или иных сценариев общественного развития [2, с. 3]. Кроме того, как отмечает в своей монографии М.В. Ромм, в обстановке радикального преобразования базовых институтов и социальной структуры общества НКО являются одним из инструментов социальной адаптации значительной части населения к происходящим изменениям [3, с. 135].

Появление концепции третьего сектора предвзяло существование долгое время терминологического разнообразия при описании совокупности действующих в обществе неправительственных некоммерческих организаций. Термин «третий сектор», введенный А. Этциони, был призван объединить различные дефиниции феномена НКО для облегчения комплексного изучения совокупности НКО. С введением понятия «третий сектор» начинают оформляться первые теоретические модели, описывающие природу и функции НКО в обществе. Сектор НКО (определяемый как «третий сектор», кроме секторов «власть» и «бизнес») не только вносит существенный вклад в развитие экономики, но и демонстрирует заметные достижения в развитии хозяйства страны в целом. Питер Драк разделил общество на три сектора: государственный, частный или бизнес-сектор и некоммерческий или социальный [4]. В настоящее время выделение в обществе трех независимых секторов – одна из ключевых определяющих черт социального государства. Обладая определенными ресурсами для решения социальных проблем, власть, бизнес и НКО, взаимодействуя друг с другом, способны развивать и гармонизировать социально-экономические отношения регионов. Взаимовыгодное сотрудничество бизнес-структур и общественных организаций предполагает партнерство, участники которого равноправны, одновременно заинтересованы в кооперации и достигают в процессе совместных действий ожидаемых результатов. Наиболее эффективным способом решения социально-экономических проблем населения является не перенос бремени ответственности на государство, а именно использование для этого современных форм и технологий партнерства власти, бизнеса и общества.

Межсекторное социальное партнерство

Межсекторное социальное партнерство – явление новое. В определении, данном В.Н. Якимцом, межсекторное социальное партнерство понимается как конструктивное, целенаправленное, выгодное участникам и населению взаимодействие государственных, коммерческих и некоммерческих секторов общества при решении социальных задач, потенциалов и ресурсов каждой из сторон взаимодействия. Тема сотрудничества бизнеса и общественных организаций пока недостаточно освещена в научно-методической литературе [5, с. 36].

Развитие межсекторного социального партнерства – инновационный процесс реформирования власти и системы государственного управления, что позволяет выбрать из множества альтернатив соответствующую стратегию, направленную на создание развивающейся в функциональном и инфраструктурном плане системы социального партнерства между государственными, коммерческими и некоммерческими секторами, соединяющей возможности государственного и общественного управления. Международный опыт доказывает, что гораздо эффективнее решать социальные проблемы консолидированно, передавать исполнение значительной части социальных услуг негосударственным организациям. Сегодня в мире уже сложилась система взаимодействия властных структур, гражданских объединений и коммерческого сектора, включающая правовой, экономический, функциональный аспекты.

Причины, мешающие развитию межсекторного социального взаимодействия, – отсутствие необходимых правовых, организационных, информационных и финансовых условий, отсутствие или недостаточная разработанность методик продвижения межсекторного социального партнерства на региональном уровне. К проблемам развития

межсекторного социального партнерства необходимо отнести финансовую неустойчивость и слабость организационного развития и социальной активности третьего сектора, недостатки нормативно-правовой базы. Анализ существующей организационно-правовой среды позволяет выявить следующие проблемы, препятствующие реализации потенциала взаимодействия бизнеса и некоммерческих организаций: отсутствие закона о благотворительности (с льготами по налогообложению), что сдерживает участие бизнеса в благотворительных программах; отсутствие системы социального заказа; сложность создания общественных организаций; недостаток инфраструктуры поддержки и ресурсного обеспечения социальных инициатив; структурная замкнутость многих бизнес-компаний и некоммерческих организаций, малочисленность ассоциаций.

Определенные резервы решения социально-экономических проблем заложены в некоммерческих организациях. Вместе с тем законодательная база для некоммерческого сектора весьма противоречива и следует принять ряд действий по устранению этих противоречий. Процесс законотворчества для некоммерческих организаций пока еще остается бессистемным. Необходимость принятия скорейших мер, которые помогут раскрепостить потенциал неправительственных организаций и поддержать их, доказана другими странами. Так, специалисты из Великобритании подсчитали, что если закрыть все некоммерческие организации, то государство вынуждено будет повысить налоги на 13%, чтобы покрыть расходы на выполнение тех задач, которые сегодня решают неправительственные организации. Причем НПО, как правило, более мобильны и более эффективны в решении социальных проблем, чем государство, поскольку создаются и работают в непосредственном контакте со своими клиентами, а также менее бюрократизированы [6, с. 30].

В настоящее время наблюдается расширение влияния формирования гражданского общества на ход социо-эколого-экономических процессов в мире, включая Республику Беларусь. Общественные организации, фонды, неформальные инициативы становятся значимой силой, от объединения с которой можно ожидать позитивных результатов и для бизнеса, и для некоммерческих организаций, и для общества в целом. За рубежом при планировании социально-экономического развития страны и регионов большое внимание уделяется роли граждан, гражданских объединений, неправительственных организаций в этом процессе, оцениваются важность и эффективность вклада общественных организаций в собственно экономику и в предоставление значимых социальных услуг.

Что касается развития межсекторного социального партнерства в Республике Беларусь, то по состоянию на 1 января 2009 года в республике зарегистрировано 15 политических партий, 36 профессиональных союзов, 2 221 общественное объединение (224 международных, 702 республиканских и 1 295 местных), 22 союза (ассоциации) общественных объединений, а также 75 фондов (8 международных, 3 республиканских и 64 местных). Зарегистрировано (поставлено на учет) 1 008 политических партий (68 областных, 361 районных, городская и 579 первичных), 23 746 профессиональных союзов (138 областных, 796 районных, городских, 22 751 первичные и 61 объединенные) и 25 298 иных общественных объединений (699 областных, 3 383 районные, городские и 21 216 иных) [6, с. 20]. При этом следует заметить, что в сравнении с большинством экономически развитых стран мира и нашими странами-соседями Республика Беларусь значительно отстает по количеству таких организаций в расчете на тысячу жителей (у нас – 0,2, а в среднем в Европе – 4). Вместе с тем и существующий «третий сектор» – это тоже значимая сила, роль которой постоянно возрастает.

Неправительственные и некоммерческие организации заключают в себе огромный интеллектуальный, научный, культурный и духовный потенциал, способный, при грамотно выстроенной политике взаимодействия принести и власти, и обществу огромную пользу. Они привлекаются к процессу анализа действующего законодательств-

ва; проведению общественных экспертиз наиболее значимых законопроектов; подготовке социально значимых проектов и программ; созданию эффективного механизма взаимодействия всех трех секторов общества – власти, общественности и бизнеса. На неправительственные организации обществом сегодня возлагаются такие функции, которые превращают их в реальный информационно-сетевой механизм жизнедеятельности общества. НПО стали «кузницей» новой политической, интеллектуальной и деловой элиты страны [6, с. 23]. Некоммерческие организации являются выразителями интересов общественности. Они работают с населением напрямую, знают его истинные потребности и интересы. Безусловно, в настоящее время этот сектор экономики находится в стадии становления в Республике Беларусь. Некоммерческие организации, как правило, работают во всех сферах общественной жизни, в социальной сфере. Они имеют практический опыт реализации различных инновационных социальных проектов и разработки эффективных способов решения социально-экономических проблем. В условиях развития Республики Беларусь именно некоммерческие организации могли бы стать посредником в процессе формирования более гармоничных отношений между властью, бизнесом и населением [7].

Эффективной формой взаимодействия бизнеса и общественных структур являются также «фонды местного развития», которые получили распространение во многих странах мира. Для их создания могут объединяться ресурсы бизнеса, общественных организаций, местной власти, государственных предприятий. Такие фонды могут создавать бизнес-инкубаторы, центры искусств, культурные центры, музеи, театры, парки. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2020 года указывает на то, что «для активизации инвестиционной и инновационной деятельности целесообразно создание специальных региональных агентств, советов, фондов, организующих деятельность по комплексному, сбалансированному региональному развитию» [1, с. 130]. В Республике Беларусь существует пока небольшое число таких фондов. В других странах распространение фондов местных сообществ гораздо масштабнее. И приоритетными направлениями сотрудничества НКО, власти и бизнеса региона является совместное формирование нормативно-правовой базы сотрудничества, осуществление совместных трехсторонних программ в социальной сфере.

Перспективным направлением сотрудничества государства, бизнеса, коммерческих и некоммерческих структур (включая общественные организации, фонды, учреждения, ассоциации и другие организации) представляется их участие в кластерах различной направленности. Под кластером в данном контексте мы понимаем группу географически локализованных взаимосвязанных субъектов социально-экономических отношений (коммерческих и некоммерческих предприятий и организаций различной формы собственности, а также индивидуальных предпринимателей, домашних хозяйств и др.), объединенных для достижения совместных целей, взаимодополняющие друг друга и усиливающие конкурентные преимущества отдельных участников и кластера в целом [6, с. 48]. Это могут быть кластеры в области предоставления социальных услуг населению, где объединение усилий бизнеса, коммерческих структур и общественных структур может повысить эффективность их деятельности. Формированию экономической политики на макро- и мезоуровне, обеспечивающей пропорциональное и комплексное социально-экономическое развитие территории, отвечает создание кластеров, представляющих собой, по определению М. Портера, «систему взаимосвязанных фирм и организаций, значимость которых как целого превышает простую сумму составных частей» [8, с. 48].

Внедрение кластерных технологий объединения предприятий, общественных структур и государства способствует росту деловой активности, улучшению инвестиционного климата в регионе страны, развитию социальных, экономических, информацион-

ных и интеграционных система, что, в свою очередь, дает импульс для более интенсивного развития предпринимательства, привлечения инвестиций и экономического развития территорий. Устанавливая контакты с целью получения индивидуальной выгоды, участники кластера вынуждены идти на компромиссы, учитывать интересы партнеров. В настоящее время в экономической, социальной сфере возникло большое число проблем, которые слишком переплетены между собой, чтобы их мог разрешить какой-либо сектор в отдельности. Поэтому именно консолидация усилий государства, делового сообщества и населения способна привести к устойчивому развитию территорий.

Кластер – это прежде всего социальное понятие. Оно образуется в сообществе людей или организаций, имеющих связанные экономические интересы. При этом регионы, на территории которых складываются кластеры, становятся лидерами не только экономического, но и социального развития [8, с. 18]. Поэтому можно говорить об социо-эколого-экономическом (устойчивом) развитии территорий и лидерстве в данной области благодаря формированию кластеров. Примеры многих стран демонстрируют движение в направлении активного использования кластерных моделей развития. Инициаторами этих процессов выступают и представители бизнеса, и местные органы власти, и общественные организации. Формирование кластеров с внутренне встроенным межсекторным социальным партнерством в Республике Беларусь может способствовать эффективному развитию регионов. Для нашей страны это могут быть потенциальные региональные кластеры деревообработки, строительства и стройматериалов, историко-культурного наследия, кластерные структуры в области туризма и др. Безусловно, создание и развитие кластеров является длительным процессом, поскольку требует формирования особого типа «кластерного мышления» у его участников, выражающегося в приоритете долгосрочных целей над краткосрочными, в понимании необходимости согласования экономических интересов всех участников кластера, в высокой степени доверия между элементами кластера для формирования и достижения общекластерных целей и задач.

Шведские исследователи отмечают: «Соединенные Кластеры Европы, возможно, не такое уж далекое будущее. Скандинавия может стать домом для музыкального кластера. Гоа в Индии уже стала местом для кластера хиппи. Великобритания имеет финансовый кластер в Лондоне. Вермонт, США, может быть медиа-кластером. Кластер Формулы 1 в Оксфордшире, Англия, автомобильный кластер в Германии, кластер кафельной плитки в Италии. Карта кластеров мира будет постоянно меняться по мере того, как люди будут передвигаться, образуя новые объединения и создавая новые партнерства» [6, с. 49].

Заключение

Таким образом, совершенствование форм и механизмов межсекторного взаимодействия власти, предпринимательских структур и населения при заключении коллективных договоров, соглашений на различных уровнях социального партнерства следует придерживаться определенных принципов, направленных на гармонизацию их содержания. Они обусловлены тем, что на каждом уровне социального партнерства имеются определенные возможности и ресурсы, которые можно дополнительно использовать для повышения эффективности хозяйственной деятельности и социальной поддержки работников. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года возводит принцип партнерства государства, общества и бизнеса в ранг необходимых условий для перехода страны к устойчивому развитию [1, с. 170]. Поэтому необходимо и в дальнейшем активно развивать межсекторное социальное партнерство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года. – Минск : Юнипак, 2004.
2. Заславская, Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Авторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Т.И. Заславская. – М. : МВШСЭН, 2001. – Т. 2. – с. 3–15.
3. Ромм, М.В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект / М.В. Ромм. – Новосибирск : Наука, 2002. – 275 с.
4. Skrzyszewski, S. A new vision of community and economic development: a multi-dimensional convergence of government, business, and the social sectors with the Internet [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : <http://www.jourssa.ru/2005/3/4alvanov.pdf>. – Дата доступа : 10.07.2010.
5. Якимец, В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы / В.Н. Якимец. – М. : Рос. акад. наук, 2004. – 382 с.
6. Сивограков, О. Бизнес и общественные организации: партнерство в интересах развития корпоративной социальной ответственности / О. Сивограков. – Минск : 2009. – 68 с.
7. Либоракина, М. Бизнес, общество, власть: возможности для сотрудничества / Фонд «Инст-т эк-ки города» [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : [http://www.soc-otvet.ru/Bases/SOB/sob.nsf/o/C6A0C61A854BOF\(DC3256E4600496E5C\)](http://www.soc-otvet.ru/Bases/SOB/sob.nsf/o/C6A0C61A854BOF(DC3256E4600496E5C)). : Дата доступа : 20.08.2010.
8. Пятинкин, С.Ф. Развитие кластеров: сущность, подходы, зарубежный опыт / С.Ф. Пятинкин, Т.П. Быкова. – Минск : Тесей, 2008.

Basova O.V. Intersector Social Partnership and Features of its Development in Belarus

In the article definition of the noncommercial organization is made, the essence and value of the noncommercial organizations as the third sector participating in the decision of social and economic problems is considered. The questions of intersector social partnership are taken up. The question on necessity of development of intersector social partnership in Belarus is brought up.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.03.2011

УДК 336

Е.В. Грузинская

МЕТОДИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ И ДОСТУПНОСТИ КРЕДИТНЫХ РЕСУРСОВ

Представлен комплекс методик для определения потребностей предприятия в дополнительных кредитных ресурсах и возможностей их привлечения, основанных на сопоставлении эффекта от кредитования как для предприятия, так и для банка посредством предложенной системы унифицированных показателей.

Необходимость совершенствования практики кредитования требует предложения методик, позволяющих оценить результативность уже выбранных направлений кредитования и обосновать новые направления кредитования. Вопросы теории и практики кредитования раскрыты в работах М.С. Атлас, Н.И. Валенцевой, В.А. Зайденварга, З.С. Каценеленбаума, Ю.И. Коробова, О.И. Лаврушина, М.А. Песселя, В.И. Рыбина, М.М. Усопкина, Ю.Е. Шенгера [1–10]. Признавая важность существующих разработок и ценность полученных результатов, следует отметить, что недостаточно исследованными остаются возможности банков по изысканию и предоставлению кредитных ресурсов; необходимость и целесообразность кредитных вложений, их доступность для предприятий; эффективность реализации государственных программ.

Для определения возможности предприятия по привлечению кредитов предлагается комплекс методик по определению потребности предприятия и возможности привлечения им дополнительных кредитных ресурсов, который включает оценку ценовых условий, рациональных для кредитора и кредитополучателя; требований по эффективному использованию кредитных ресурсов; доходности использования кредита; доступного для предприятия объема кредитных ресурсов; рационального объема привлечения предприятием кредита для заданного количества продукта исходя из достигнутого равенства ценовых условий на рынке товаров и кредитных ресурсов.

Комплекс методик основан на предложенной системе показателей, унифицирующих результаты деятельности банка и предприятия; выявлении аналогий деятельности кредитора и кредитополучателя по обеспечению самовозрастания кредитной стоимости; сопоставлении ставки по кредиту с доходностью использования кредита предприятием; рассмотрении дохода предприятия от использования кредита; расчете потребности в кредите для финансирования заданного количества продукта. Методики предусматривают сопоставление эффекта предприятия и банка от кредитования на основе предложенной системы унифицированных показателей. Комплекс методик позволяет определить возможность и потребность предприятия по привлечению дополнительных кредитных ресурсов.

Методика определения стоимости кредитных ресурсов, рациональной для кредитора и кредитополучателя

Ежедневное сопоставление результатов деятельности и условий функционирования банков и предприятий требует приведения к единому пониманию основных показателей деятельности банка и предприятия посредством унификации понятий выручки, дохода, затрат, расхода, цены, прибыли, рентабельности применительно к банку и предприятию. Предлагается методика, устанавливающая систему показателей, унифицирующих результаты деятельности банка и предприятия для последующего их сопоставления и выявления дисбаланса ценовых условий деятельности банка и предприятия (рисунок 1, формулы 1, 2).

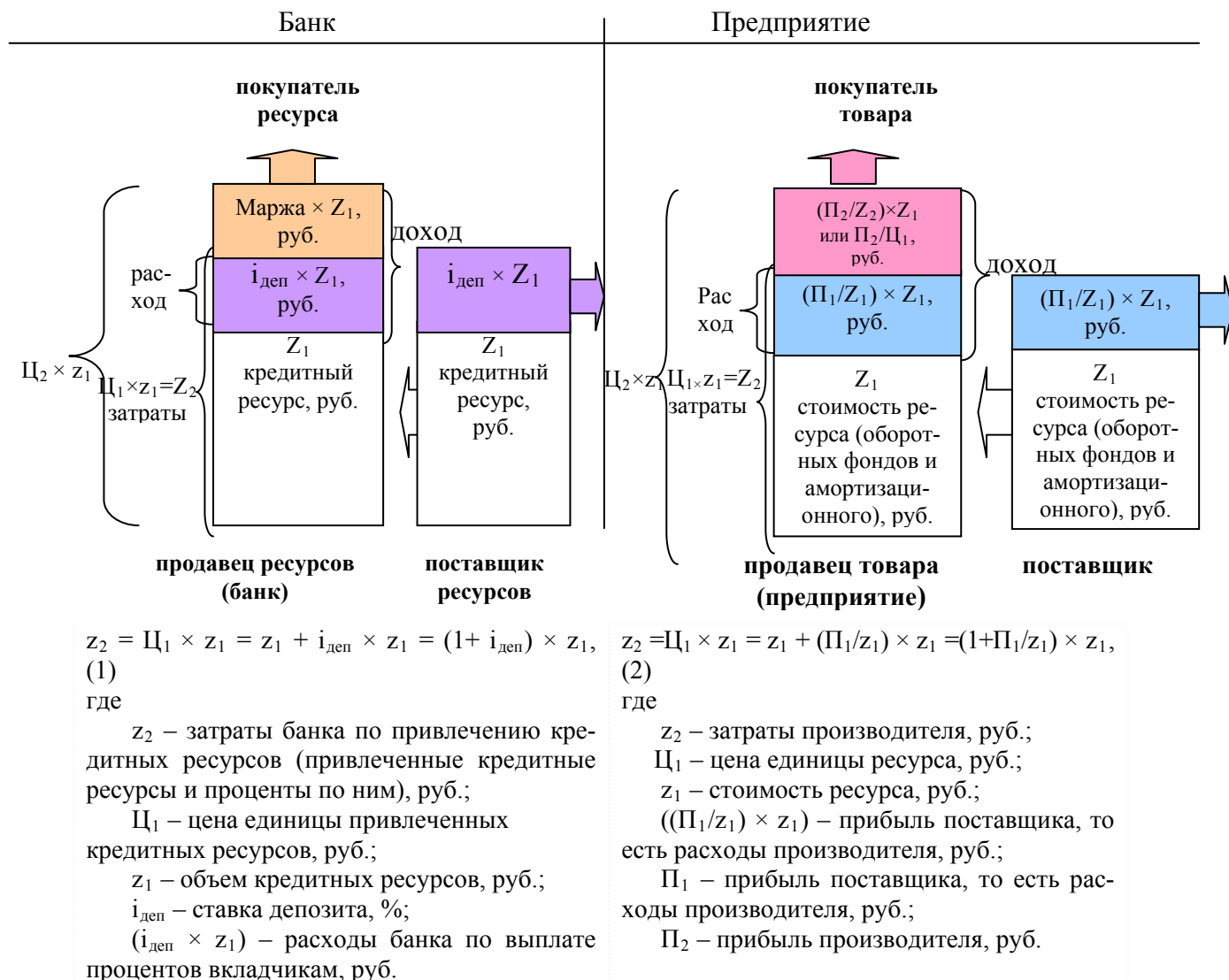

Рисунок 1 – Показатели, составляющие результат деятельности банка и предприятия

Примечание – Источник: собственная разработка

Методикой предусмотрено, что в производственном (финансовом) цикле и банка, и предприятия имеются три участника (рисунок 1):

1) поставщик ресурсов (или товара), который формирует затраты и расход цикла, например, вкладчик или поставщик сырья;

2) продавец (производитель) ресурсов (или товара), который формирует доход цикла, например, собственно банк или предприятие;

3) покупатель ресурсов (или товара), который формирует маржу (прибыль на единицу затрат) цикла, например, кредитор или покупатель торговой точки.

Поставщик кредитных ресурсов предлагает банку определенное количество денежных единиц (z_1) в пользование, получая себе за это вознаграждение в виде части этих денежных единиц ($i_{\text{деп}} \times z_1$), которое является расходом для банка. Собственно кредитные ресурсы (z_1) и вознаграждение вкладчику, которое составляет расходы банка ($i_{\text{деп}} \times z_1$), определены как затраты банка ($z_2 = \Pi_1 \times z_1 = z_1 + i_{\text{деп}} \times z_1 = (1 + i_{\text{деп}}) \times z_1$) (формула 1). Аналогично поставщик ресурсов или товара предлагает его производителю по цене Π_1 , которая формирует затраты производителя ($z_2 = \Pi_1 \times z_1 = z_1 + (\Pi_1/z_1) \times$

$\times z_1 = (1 + \Pi_1/z_1) \times z_1$ (формула 2) и включает собственно стоимость ресурса (z_1) и определенную часть от нее ($(\Pi_1/z_1) \times z_1$), которая составляет прибыль поставщика, необходимую ему для покрытия операционных и прочих расходов (премии работникам, аренда, реклама и т.д.).

Часть стоимости предоставленного поставщиком ресурсов в виде его прибыли является расходами производителя и передается производителем поставщику безвозвратно, а оставшаяся часть (z_1) (собственно стоимость ресурсов) поступает в собственность производителя (рисунок 2).

Предоставленные кредитные ресурсы (депозит), и указанный расход в виде процентов по депозиту, входят в затраты банка. Однако кредитные ресурсы используются банком для последующей перепродажи, а процентные расходы перечисляются вкладчику безвозвратно. Это отличает банк от предприятия, когда банку ресурсы передаются поставщиком не в собственность, а в пользование.

В части движения кредитных ресурсов (z_1) и товарных ресурсов (z_1) отличия в передачи прав на ресурсы не значительные, поскольку в любом случае переходят от участника к участнику сделки по окончании производственного (финансового) цикла: на правах собственности при производстве или правах пользования при кредитовании. Однако переход ресурсов из-за различий прав собственности носит разнонаправленный характер (рисунок 2).

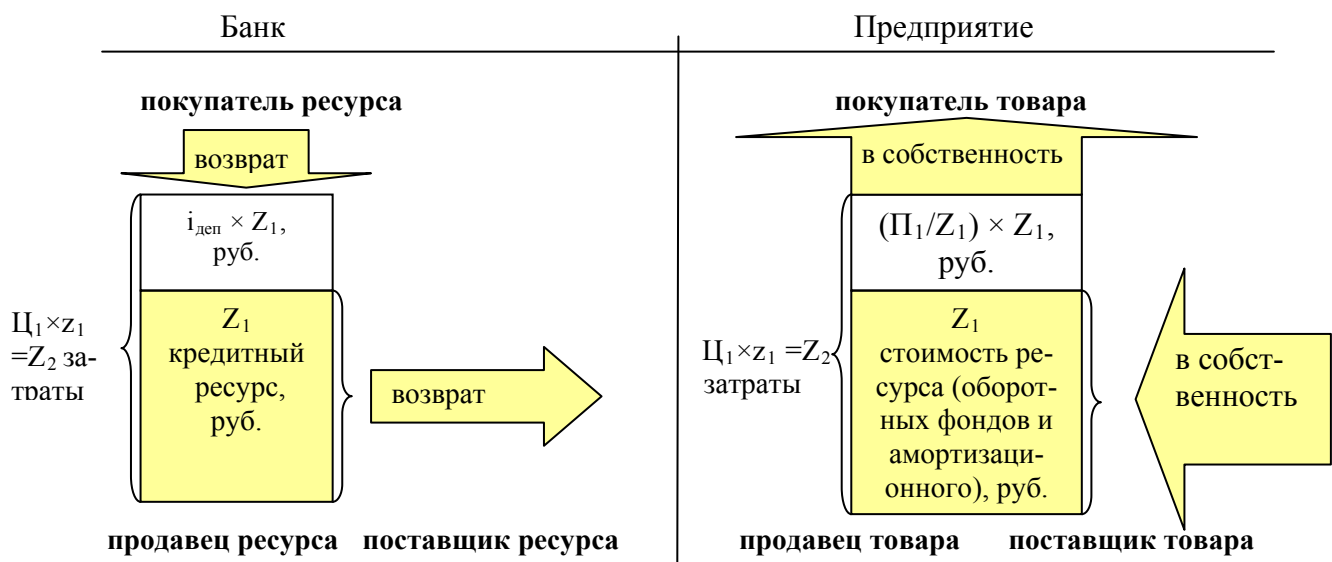

Рисунок 2 – Направление перехода прав на ресурс, предоставляемый поставщиком ресурса

Примечание – Источник: собственная разработка

Методика предлагает к утверждению следующие показатели:

1. *Расход* – это то, что уходит безвозвратно, что нельзя использовать в следующем производственном цикле (формулы 3, 4):

а) для банка расход составит величину прибыли вкладчика

$$P = i_{\text{деп}} \times z_1; \tag{3}$$

б) для предприятия расход составит величину прибыли поставщика ресурса Π_1

$$P = (\Pi_1/z_1) \times z_1. \tag{4}$$

2. *Затраты* представляют собой то, что затрачено, то есть уплачено за пользование или собственность (формулы 5–10):

а) для поставщика ресурсов затраты составят $= z_1$;

б) для поставщика товара затраты составят $= z_1$;

в) для продавца ресурсов затраты составят

$$\text{Ц}_1 \times z_1 = z_2 = z_1 + i_{\text{деп}} \times z_1 = (1 + i_{\text{деп}}) \times z_1; \quad (5)$$

г) для продавца товара затраты составят

$$\text{Ц}_1 \times z_1 = z_2 = z_1 + (\text{П}_1/z_1) \times z_1 = (1 + \text{П}_1/z_1) \times z_1; \quad (6)$$

д) для покупателя ресурсов затраты составят

$$\text{Ц}_2 \times z_1 = z_2 + \text{маржа} \times z_1 \quad (7)$$

или
$$\text{Ц}_2 \times z_1 = \text{Ц}_1 \times z_1 + \text{маржа} \times z_1; \quad (8)$$

е) для покупателя товара затраты составят

$$\text{Ц}_2 \times z_1 = z_2 + (\text{П}_2/z_2) \times z_1 = z_2 + (\text{П}_2 \times z_1)/(\text{П}_1 + z_1) \quad (9)$$

или
$$\text{Ц}_2 \times z_1 = \text{Ц}_1 \times z_1 + (\text{П}_2/(\text{Ц}_1 \times z_1)) \times z_1. \quad (10)$$

3. Доход следует понимать как вознаграждение продавца ресурса, включающее компенсацию покупателю ресурса, как продавцу ресурса, так и поставщику ресурса, т.е. всем предыдущим участникам сделки (формулы 11–13):

а) для банка (продавца ресурсов) доход составит

$$\text{Д} = i_{\text{кр}} \times z_1 = (i_{\text{деп}} + \text{маржа банка}) \times z_1; \quad (11)$$

б) для предприятия (продавца товара) доход составит

$$\text{Д} = (\text{П}_2/z_2 + \text{П}_1/z_1) \times z_1, \quad (12)$$

или
$$\text{Д} = (\text{П}_2/(\text{Ц}_1 \times z_1) + \text{П}_1/z_1) \times z_1. \quad (13)$$

4. Прибыль отражает разницу между доходом и расходом (формулы 14–17):

а) для банка прибыль составит

$$\text{П} = (i_{\text{кр}} - i_{\text{деп}}) \times z_1 \quad (14)$$

или
$$\text{П} = \text{маржа} \times z_1; \quad (15)$$

б) для предприятия прибыль составит

$$\text{П} = [(\text{П}_2/z_2 + \text{П}_1/z_1) - \text{П}_1/z_1] \times z_1 = (\text{П}_2/z_2) \times z_1 \quad (16)$$

или
$$\text{П} = \text{маржа} \times z_1 = (\text{П}_2/z_2) \times z_1. \quad (17)$$

С другой стороны, прибыль отражает разницу между ценой продажи ресурса Ц_2 и поставки (привлечения) ресурса Ц_1 , умноженной на количество созданных единиц товара (или купленных рублей). А цена единицы ресурса (товара) – это отношение стоимости ресурса с процентами (или товара с прибылью) к количеству единиц ресурса (товара). Из этого следует:

5. Цена единицы закупаемых кредитных ресурсов составит (формулы 18, 19):

а) для банка (продавца ресурсов)

$$\text{Ц}_1 = 1 + i_{\text{деп}}; \quad (18)$$

б) для покупателя ресурсов (предприятия)

$$\text{Ц}_2 = 1 + i_{\text{кр}} = 1 + i_{\text{деп}} + \text{маржа банка}. \quad (19)$$

6. Цена единицы закупаемого товара составит (формулы 20, 21):

а) для предприятия (продавца товара)

$$\text{Ц}_1 = 1 + \text{П}_1/z_1; \quad (20)$$

б) для покупателя товара

$$\text{Ц}_2 = 1 + \text{П}_1/z_1 + \text{П}_2/z_2. \quad (21)$$

7. Выручка от реализации кредитных ресурсов, как произведение цены на количество единиц ресурса, составит (формулы 22, 23):

а) для поставщика ресурсов (вкладчика)

$$\text{Ц}_1 \times z_1 = (1 + i_{\text{деп}}) \times z_1; \quad (22)$$

б) для продавца ресурсов (банка)

$$\text{Ц}_2 \times z_1 = (1 + i_{\text{кр}}) \times z_1 = (1 + i_{\text{деп}} + \text{маржа банка}) \times z_1. \quad (23)$$

8. Аналогично *выручка от реализации товара* составит (формулы 24, 25):
а) для поставщика товара

$$\Pi_1 \times z_1 = (1 + \Pi_1/z_1) \times z_1; \quad (24)$$

б) для производителя (продавца) товара

$$\Pi_2 \times z_1 = (1 + \Pi_1/z_1 + \Pi_2/z_2) \times z_1. \quad (25)$$

9. Рентабельность реализации ресурса (товара), как отношение выручки к затратам минус 1, определим в десятичных дробях (формулы 26–29):

а) для поставщика ресурсов (вкладчика)

$$R = [\Pi_1 \times z_1 / z_1] - 1 = [(1 + i_{\text{деп}}) \times z_1 / z_1] - 1 = [(1 + i_{\text{деп}})] - 1 = i_{\text{деп}}; \quad (26)$$

б) для продавца ресурсов (банка)

$$R = [\Pi_2 \times z_1 / ((1 + i_{\text{деп}}) \times z_1)] - 1 = [(1 + i_{\text{кр}}) / (1 + i_{\text{деп}})] - 1 = \\ = [(1 + i_{\text{деп}} + \text{маржа банка}) / (1 + i_{\text{деп}})] - 1. \quad (27)$$

в) для поставщика товара

$$R = [\Pi_1 \times z_1 / z_1] - 1 = [(1 + \Pi_1/z_1) \times z_1 / z_1] - 1 = \Pi_1/z_1; \quad (28)$$

г) для производителя (продавца) товара

$$R = [\Pi_2 \times z_1 / (1 + \Pi_1/z_1) \times z_1] - 1 = [(1 + \Pi_1/z_1 + \Pi_2/z_2) / (1 + \Pi_1/z_1)] - 1. \quad (29)$$

Методика позволяет обеспечить одинаковые условия деятельности банка и предприятия, равенство их прибылей или затрат посредством достижения:

1) равенства маржи банка и рентабельности предприятия, а не ставок по кредитам и рентабельности предприятия (формула 30):

$$\text{маржа} = \Pi_2 / (\Pi_1 + Z_1), \quad (30)$$

2) равенства кредитной ставки эквиваленту деятельности предприятия (формула 31):

$$i_{\text{кр}} = \Pi_1/z_1 + \Pi_2/z_2 = \Pi_1/z_1 + \Pi_2/(\Pi_1 + Z_1). \quad (31)$$

Предложенная методика позволяет обеспечить сопоставимость показателей результатов деятельности банка и предприятия и на этой основе достичь справедливых ценовых условий для участников кредитной сделки.

Методика определения критерия самовозрастания кредитной стоимости

Для установления ответственности кредитора и кредитополучателя за ведение эффективной кредитной деятельности предлагается методика определения критерия самовозрастания кредитной стоимости при ее движении в банковской и производственной сферах. Предложенная методика основана на установлении аналогий деятельности кредитора и кредитополучателя по обеспечению самовозрастания кредитной стоимости. Методика включает выбор следующего критерия самовозрастания кредитной стоимости: для сохранения существенных признаков кредита как самовозрастающей стоимости необходимо выполнение условия – прибыль от кредита предприятия должна превышать чистый процентный доход банка (формулы 32, 33):

$$\text{Пк}_{1\text{руб.}} > \text{ЧПД}_{1\text{руб.}}^1, \quad (32)$$

$$\text{ЧПД}_{1\text{руб.}} = \text{ПД} / \text{Vк} - \text{ПР} / \text{Vд} = m / 100, \text{ при условии } \text{Vк} = \text{Vд}, \quad (33)$$

где

$\text{Пк}_{1\text{руб.}}$ – прибыль предприятия от кредита на 1 рубль кредитных ресурсов, руб.;

$\text{ЧПД}_{1\text{руб.}}$ – чистый процентный доход банка на 1 рубль кредитных ресурсов, руб.;

ПД – процентный доход банка (сумма полученных процентов по кредитам), руб.;

ПР – процентный расход банка (сумма уплаченных процентов по депозитам), руб.;

Vк – объем выданных банком кредитов, руб.;

Vд – объем привлеченных банком депозитов, руб.;

¹ Примечание – Для сопоставимости финансовых результатов банка и предприятия от различных объемов кредитного ресурса показатели приняты из расчета на 1 рубль кредитных ресурсов.

ЧПД_{1руб.} – чистый процентный доход банка на 1 руб. кредитных ресурсов, руб.;

м – маржа банка, п.п.

Методикой установлено, что прибыль от кредита предприятия, по сути, является аналогом маржи банка, но в рублях, а следовательно, аналогом чистого процентного дохода банка на 1 рубль кредитных ресурсов (рисунок 3). Аналогом процентного дохода для предприятия будет сумма прибыли от кредита предприятия (Пк) и уплаченные по кредиту проценты (ПР) (рисунок 3).

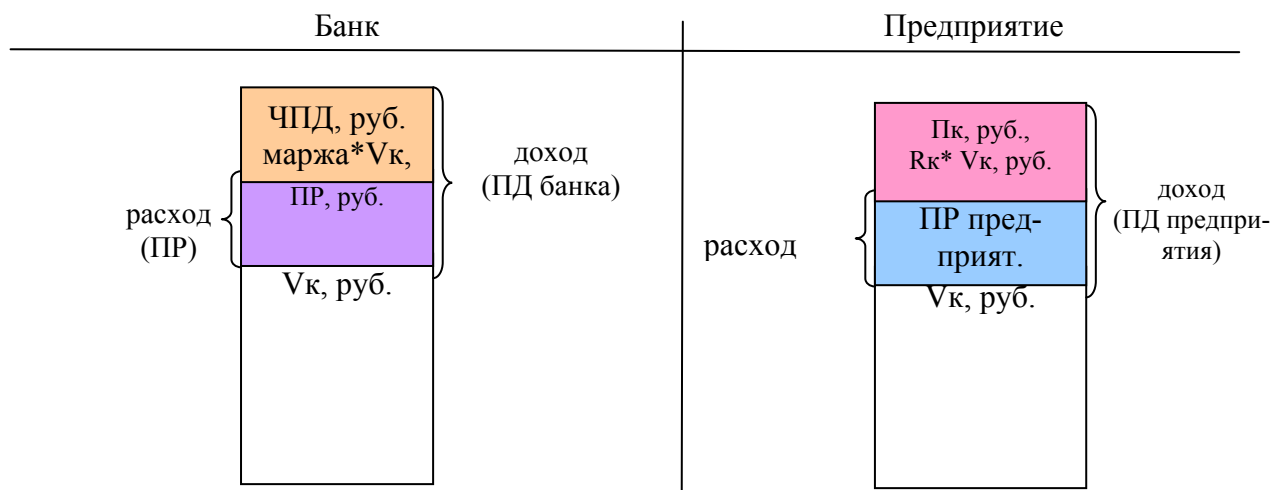

Рисунок 3 – Чистый процентный доход банка и предприятия от кредитования

Примечание – Источник: собственная разработка

Чистый процентный доход предприятия целесообразно представить как разницу между прибылью предприятия от кредита (Пк) с уплаченными по кредиту процентами (ПР), которые предстоит покрыть предприятию за счет увеличения цены (дохода), и собственно суммой уплаченных по кредиту процентов (ПР) (формула 34):

$$(Пк + ПР) / Vк - ПР / Vк = Пк_{1руб.} = ЧПД_{1руб.} = R / 100, \quad (34)$$

где

Пк – прибыль предприятия от кредита,

ПР – сумма уплаченных предприятием процентов по кредиту, руб.

Vк – объем кредитных ресурсов, руб.

Пк_{1руб.} – прибыль предприятия от кредита на 1 рубль кредитных ресурсов, руб.

ЧПД_{1руб.} – чистый процентный доход предприятия на 1 рубль кредитных ресурсов, руб.

R – рентабельность предприятия, %.

Приведенные в рамках предложенной методики аналогии чистого процентного дохода банка и предприятия позволяют выдвинуть следующие требования к кредитору и кредитополучателю по использованию кредита для обеспечения его самовозрастающей стоимости (формула 35–52) (таблица):

Таблица – требования к кредитору и кредитополучателю по использованию кредита

Требования к банку	Требования к предприятию
Эффект от кредитования для банка может быть достигнут при условии:	Эффект от кредитования для предприятия может быть достигнут при условии:
$\Delta ПД > \Delta ПР, \quad (35)$	$\Delta Пк > \Delta ПР, \quad (36)$
	$\Delta Пк / \Delta Vк > \Delta ПР / \Delta Vк, \quad (38)$

так как	$\Delta ПД / \Delta V_k > \Delta ПР / \Delta V_d, (37)$	так как	$\Delta R_k / \Delta V_k > \Delta i_k / \Delta V_k, (40)$
	$\Delta i_k / \Delta V_k > \Delta i_d / \Delta V_d, (39)$		$Tr R_k > Tr V_k, (42)$
	$Tr i_k > Tr V_d (41)$		$R_k = Пк/V_k, (43)$
			причем $Пк = ПД - ПР (44)$

Продолжение таблицы

Показатели, обратные чистому процентному доходу:	Показатели, обратные чистому процентному доходу:
$\Delta V_k / \Delta i_k < \Delta V_d / \Delta i_d, (45)$	$\Delta V_k / \Delta R_k < \Delta V_k / \Delta i_k, (46)$
так как $Tr i_k > Tr V_d (47)$	так как $Tr R_k > Tr V_k (48)$
Разрыв ликвидности должен покрываться ростом доходности:	
$\Delta(V_k - V_d) < \Delta(i_k - i_d), (49)$	$\Delta(V_k) < \Delta(R_k - i_k), (50)$
а также:	
$\Delta V_k - \Delta V_d < \Delta i_k - \Delta i_d (51)$	$\Delta V_k < \Delta R_k - \Delta i_k (52)$
Условные обозначения	
<p>$\Delta ПД$ – изменение процентного дохода банка, руб. $\Delta ПР$ – изменение процентного расхода банка, руб. ΔV_k – изменение объема кредитов, руб. ΔV_d – изменение объема депозитов, руб. Δi_k – изменение ставки кредита, % Δi_d – изменение ставки депозита, % Tr – темп роста, %</p>	<p>$\Delta Пк$ – изменение прибыли предприятия от кредита, руб. $\Delta ПР$ – изменение процентного расхода предприятия (суммы уплаченных предприятием процентов по кредиту), руб. $ПД$ – процентный доход предприятия, руб. ΔV_k – изменение объема кредитов, руб. Δi_k – изменение ставки кредита, % ΔR_k – изменение рентабельности предприятия от кредита, п.п. Tr – темп роста, %</p>

При сравнении прибыли предприятия от кредита и чистого процентного дохода банка возможен расчет их реальных значений, то есть показателей, очищенных от влияния фактора инфляции. Предложенная методика позволяет установить требования к кредитору и кредитополучателю по ведению эффективной кредитной деятельности на основе сопоставления их основных финансовых показателей.

Методика определения доходности кредита

С целью выявления эффективности кредитной сделки для предприятия предлагается методика определения доходности кредита. Методика заключается в установлении *эффективной для предприятия* ставки доходности кредита, которая является эквивалентом дохода, необходимого для достижения окупаемости предприятием кредитных вложений. Доход от кредита должен покрывать процентные расходы по кредиту и обеспечивать прибыль от кредита (формулы 53, 54):

$$i_{\text{дох}} = ПД \times 100 / V_k, (53)$$

где $ПД = Пк + ПР, (54)$

где $i_{\text{дох}}$ – ставка доходности кредита, %

V_k – объем кредитных вложений, руб.

$ПД$ – процентный доход предприятия, руб.

$Пк$ – прибыль предприятия от кредита, руб.

$ПР$ – процентные расходы предприятия по выплате процентов за пользование

кредитом, руб.

Согласно методике высокий уровень доходности кредита свидетельствует о способности предприятия использовать кредитные ресурсы. Для сохранения сущности кредита как самовозрастающей стоимости *эффективная для предприятия* ставка доходности кредита должна превышать ставку кредита (формулы 55, 56):

$$i_{\text{дох}} > i_{\text{к}}, \quad (55)$$

$$\Delta i_{\text{дох}} > \Delta i_{\text{к}}, \quad (56)$$

где $i_{\text{дох}}$ – ставка доходности кредита, %

$i_{\text{к}}$ – ставка кредита, %.

Предложенная методика позволяет оценить способность предприятия по эффективному использованию кредита и определить приемлемость ставки кредита, устанавливаемой банком.

Методика определения доступного объема кредитных ресурсов

С целью выявления рационального для предприятия объема кредитов в условиях сложившихся результатов его деятельности и ставок банка по кредитам предлагается методика определения доступного для предприятия объема кредитных ресурсов. Методика предусматривает расчет кредитных ресурсов, необходимых и доступных предприятию в зависимости от доходности кредита, представляющую способность предприятия выгодно использовать кредит.

Согласно методике доступный для предприятия объем кредитных ресурсов следует рассчитывать как (формулы 57, 58):

$$V_{\text{к}} = \text{ПД} \times 100 / i_{\text{дох}}, \quad (57)$$

$$\text{ПД} = \text{Пк} + \text{ПР}, \quad (58)$$

где

где $V_{\text{к}}$ – объем кредитных вложений, руб.

$i_{\text{дох}}$ – ставка доходности кредита, %

ПД – процентный доход предприятия, руб.

Пк – прибыль предприятия от кредита, руб.

ПР – процентные расходы предприятия по выплате процентов за пользование кредитом, руб.

Методика предусматривает расчет приемлемого предприятию объема кредитных вложений, произведенный на основе ставки доходности кредита, отражающую возможность получения эффекта от кредита в существующих условиях заданных параметров ставки кредита, депозита, маржи банка, прибыли предприятия от кредита.

Методика определения рационального объема привлечения предприятием кредита для заданной стоимости продукта исходя из ценовых условий на рынке товаров и кредитных ресурсов

Для расчета необходимых предприятию кредитных ресурсов для производства запланированного объема товара определенной стоимости предлагается методика определения рационального объема привлечения предприятием кредита для заданной стоимости продукта исходя из ценовых условий на рынке товаров и кредитных ресурсов. Методика определяет требуемый предприятию объем кредитных ресурсов для производства продукта, затраты на который заранее определены (должны составить h рублей).

В основе методики заложено условие равенства цены кредитных ресурсов и цены товара (формулы 60–62):

$$(1+i) \times V_{\text{к}} = (1+\text{Пк} / h) \times h \quad (60)$$

$$\text{или} \quad (1+i) \times V_{\text{к}} = (1+R_{\text{к}}) \times h, \quad (61)$$

$$\text{где} \quad h = \text{стоимость товара} / \text{цена товара} = (1+i) \times V_{\text{к}} / (1+\text{Пк} / h), \quad (62)$$

где i – ставка кредита, в десятичных дробях,
 $(1+i)$ – цена кредитных ресурсов, в десятичных дробях,
 V_k – объем выданных банком кредитов, руб.
 $[(1+i) \times V_k]$ – стоимость товара, на производство которого выдан кредит, равная «выручке» банка от размещения кредитных ресурсов, т.е. кредитный долг с процентами, руб.,
 h – затраты по производству товара за счет кредита,
 $П_k$ – прибыль предприятия от кредита,
 R_k – рентабельность производства товара за счет кредита, в десятичных дробях,
 $(1+П_k / h)$ – цена товара, руб./ед. затрат,
 $(1+R_k)$ – цена товара, руб./ед. затрат,
 $[(1+П_k / h) \times h = (1+R_k) \times h]$ – стоимость товара, на производство которого выдан кредит, руб.

Методика устанавливает требуемый предприятию объем кредитных ресурсов в условиях равенства цены кредитных ресурсов и цены производимого за счет них товара (формулы 63–65):

$$V_k = (h + П_k) / (1 + i) \quad (63)$$

или $V_k = (h + П_k) - i \times V_k = h + П_k - ПР,$ (64)

так как $V_k + i \times V_k = h + П_k,$ (65)

где V_k – объем выданных банком кредитов, руб.
 h – затраты по производству товара за счет кредита,
 $П_k$ – прибыль предприятия от кредита,
 i – ставка кредита, в десятичных дробях,
 $ПР$ – процентные расходы предприятия за пользование кредитом, руб.

Для установления нагрузки на цену товара затрат, связанных с использованием кредита, методикой предусмотрен расчет кредитной составляющей в цене товара, произведенного за счет кредита (формула 66):

$$(1+П_k / h) = [(1+i) \times V_k] / h, \quad (66)$$

где $(1+П_k / h)$ – цена товара, руб./ед. затрат,
 $[(1+i) \times V_k] / h$ – цена кредитных ресурсов, руб./ед. затрат,
 $П_k$ – прибыль предприятия от кредита,
 h – затраты по производству товара за счет кредита,
 i – ставка кредита, в десятичных дробях,
 V_k – объем выданных банком кредитов, руб.

Предложенная методика позволяет определить рациональный объем привлечения предприятием кредитных ресурсов под планируемый объем производства товара заданной стоимости в рамках ценовых условий на рынке товаров и кредитных ресурсов.

Таким образом, для определения потребностей предприятия в дополнительных кредитных ресурсах и возможности их привлечения целесообразно сопоставлять эффект от кредитования как предприятия, так и банка, а также условия их функционирования на основе предложенной системы унифицированных показателей, что позволит достичь справедливых ценовых условий для участников кредитной сделки. Рациональный объем привлечения предприятием кредита для заданного количества продукта предлагается установить исходя из достигнутого равенства ценовых условий на рынке товаров и кредитных ресурсов. Также необходимо рассчитывать кредитную составляющую в цене товара, произведенного за счет кредита, что отразит нагрузку на цену товара затрат, связанных с использованием кредита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас, М.С. Национализация банков в СССР / М.С. Атлас. – М. : Госфиниздат, 1948. – 246 с.
2. Валенцева, Н.И. Кредитный механизм и его составные элементы / Н.И. Валенцева. – М., 1987. – 56 с.
3. Зайденварг, В.А. Показатели эффективности краткосрочного кредита / В.А. Зайденварг. – М. : Финансы, 1978. – 96 с.
4. Каценеленбаум, З.С. Учение о деньгах и кредите : в 2 т. / З.С. Каценеленбаум. – М. : Экономическая жизнь, 1928. – Т. 2. – 567 с.
5. Коробов, Ю.И. Кредитный механизм / Ю.И. Коробов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. – 83 с.
6. Лаврушин, О.И. Банковское дело: современная система кредитования / О.И. Лаврушин, О.Н. Афанасьева, С.Л. Корниенко. – 4-е изд., стереотипное. – М. : КноРус, 2008. – 259 с.
7. Пессель, М.А. Кредитный механизм и механизм кредитования / М.А. Пессель // Деньги и кредит. – 1982. – № 7. – С. 25–27.
8. Рыбин, В.И. Кредит как экономическая категория социализма / В.И. Рыбин. – М. : Мысль, 1978. – 252 с.
9. Усоскин, М.М. Организация и планирование кредита / М.М. Усоскин. – изд. 4-е, переработ. и доп. – М. : Финансы, 1967. – 349 с.
10. Шенгер, Ю.Е. Очерки советского кредита / Ю.Е. Шенгер. – М. : Госфиниздат, 1961. – 406 с.

Gruzinskaya Y.V. Techniques of Definition of Necessity and Availability of Credit Resources

The complex of techniques for definition of need of the enterprise in an additional credit resource and an opportunity of its attraction, based on comparison of effect from crediting, both for the enterprise, and for bank, by means of the offered system of the unified parameters is submitted.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.07.2010

УДК 334.722:338.2

М.Т. Козинец

НАДЕЖНОСТЬ БИЗНЕС-ПЛАНИРОВАНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье представлена взаимосвязь эффективности бизнес-планирования на уровне коммерческих организаций и устойчивого развития хозяйственных систем различного уровня. Выделены, систематизированы и классифицированы основные ошибки, возникающие в рамках разработки стратегий развития и бизнес-планов. Проанализированы возможные ошибки, допускаемые при разработке бизнес-планов, и выделены возможные последствия их реализации как для самих коммерческих организаций, так и для хозяйственных систем более высокого уровня. Дан ряд рекомендаций, направленных на обеспечение устойчивого развития хозяйственных систем, включая использование при многовариантном бизнес-планировании элементов теории нечетких множеств.

Введение

Управление равновесным развитием хозяйственной системы любого уровня (страны, региона, предприятия) предполагает комплексное воздействие на все ее составляющие – социально-экономические, экологические, политико-правовые, культурные и другие. Абсолютное равновесие в долгосрочном периоде не есть самоцель, поскольку в узком понимании данное состояние предполагает отсутствие развития. Поэтому целесообразнее при разработке и реализации стратегий управления хозяйственными системами ориентироваться на устойчивое развитие, которые включает в себя элементы стабилизации (равновесия) как отправную точку и промежуточное состояние в течение относительно кратковременного промежутка времени. Формулировка «устойчивое развитие» начала активно использоваться с конца 80-х годов XX-го столетия и подразумевает самоподдерживающееся развитие без ущерба для природы и обеспечивающее равный доступ и справедливое распределение материальных и духовных благ [1]. Процесс устойчивого развития помимо прочих компонентов включает в себя:

- а) сбалансированные темпы развития экономики на продолжительный период времени, инициированные процессом стабилизации;
- б) устойчивое развитие политической ситуации;
- в) устойчивое развитие в сфере решения национальных вопросов;
- г) обеспечение устойчивости в управлении ресурсами;
- д) обеспечение устойчивости в решении и развитии демографических проблем;
- е) устойчивое развитие в духовно-нравственной сфере жизни людей [2].

Следует особо отметить, что одним из основных свойств неравновесия в хозяйственных системах является отсутствие паритетности (сбалансированности) отдельных параметров экономического развития.

Равновесное развитие хозяйственных систем более высокого уровня (экономика объединения стран, национальная экономика, региональная экономика) основывается на поступательном развитии первичных хозяйственных систем, представленных конкретными субъектами хозяйствования. На уровне данных субъектов национальной экономики необходимо решение задач, связанных, прежде всего, со стабилизацией развития и роста и обеспечения устойчивости в управлении хозяйственными ресурсами. Все это связано с использованием возможностей, связанных с противостоянием внешним и внутренним воздействиям [3]. Таким образом, целевая ориентация хозяйственных систем более низкого уровня должна быть направлена на повышение финансово-экономической устойчивости, рост благосостояния заинтересованных субъектов (соб-

ственников, наемных работников и непосредственно потенциала самого предприятия). Следствием дисбаланса могут быть различные негативные последствия.

Управление деятельностью хозяйственных систем и бизнес-планирование

Функционирования предприятия и его взаимодействие с внешней и внутренней средой упрощенно графически можно представить следующим образом (рисунок 1). Активное управление различными сферами деятельности хозяйствующего субъекта необходимо для обеспечения его развития. Любое управленческое воздействие должно начинаться с постановки целей и задач, которым предшествует диагностика объекта управления. В силу этого перед разработкой и реализацией стратегии устойчивого развития целесообразно оценить состояние хозяйственных систем и эффективность управления ими. В экономической науке существует достаточное количество способов и приемов решения данной задачи. В то же время следует отметить, что в Республике Беларусь на настоящий момент они недостаточно широко используются.

Результат диагностики – стратегия развития предприятия на предстоящий период должна быть оформлена в виде отдельного документа, известного в отечественной и зарубежной практике как бизнес-план. Процесс разработки расчетно-аналитической части бизнес-планов можно представить в виде следующего алгоритма:

- 1) осуществление маркетинговых исследований (результат – определение параметров производственной программы);
- 2) анализ соответствия производственной программы мощностям предприятия (в случае необходимости планируется либо использование возможностей кооперирования производства либо введение дополнительных производственных мощностей);
- 3) на основании норм расходов сырья и материалов прогнозируется потребность в последних;
- 4) посредством исследования фонда рабочего времени и трудоемкости производственной программы определяются потребность в трудовых ресурсах и зарплате;
- 5) определяются иные расходы (по экономическим элементам – амортизационные отчисления, отчисления на социальные нужды и прочие);
- 6) прогнозируются предварительные значения основных финансовых результатов деятельности организации;
- 7) определяются потребности в инвестициях как сумма капитальных затрат и прироста чистого оборотного капитала;
- 8) разрабатываются схемы финансирования инвестиций и вычисляются уточненные показатели эффективности развития организации в рамках каждого варианта финансирования.

Основные ошибки бизнес-планирования

Не смотря на относительную простоту алгоритма бизнес-планирования на пути эффективного осуществления деятельности по организации устойчивого развития организации может оказаться ряд проблем прикладного и методического характера. Таким образом, являясь инструментом управления организацией, бизнес-план при наличии ошибок технического и организационного плана, может являться причиной достаточно серьезных последствий, в том числе и выведения предприятия из зоны устойчивого развития.

Остановимся на возможных ошибках, которые можно допустить, разрабатывая бизнес-план развития предприятия или бизнес-план инвестиционного проекта. Среди них можно выделить следующие основные группы (рисунок 2).

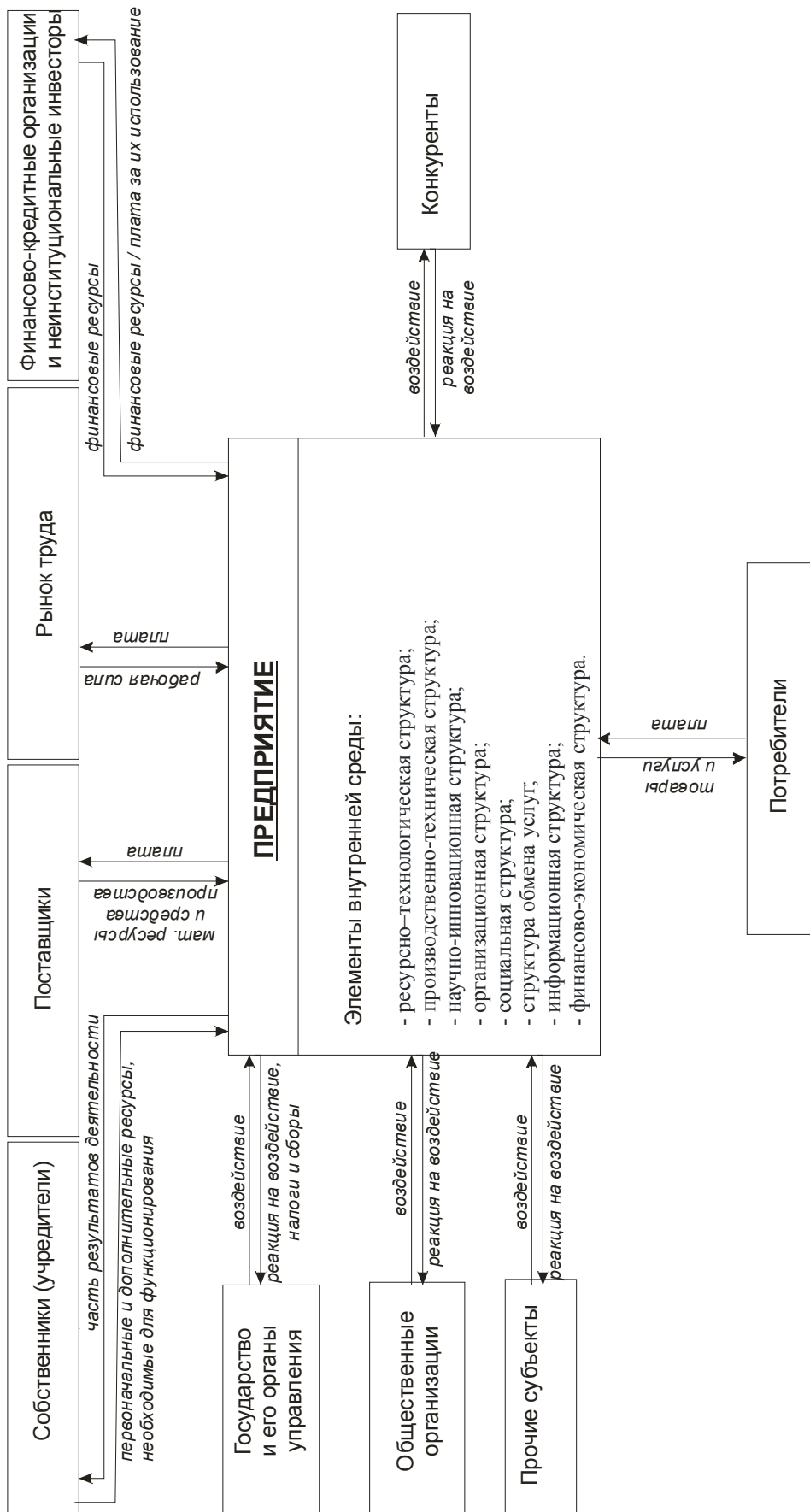

Рисунок 1 – Система взаимосвязей среды функционирования предприятия

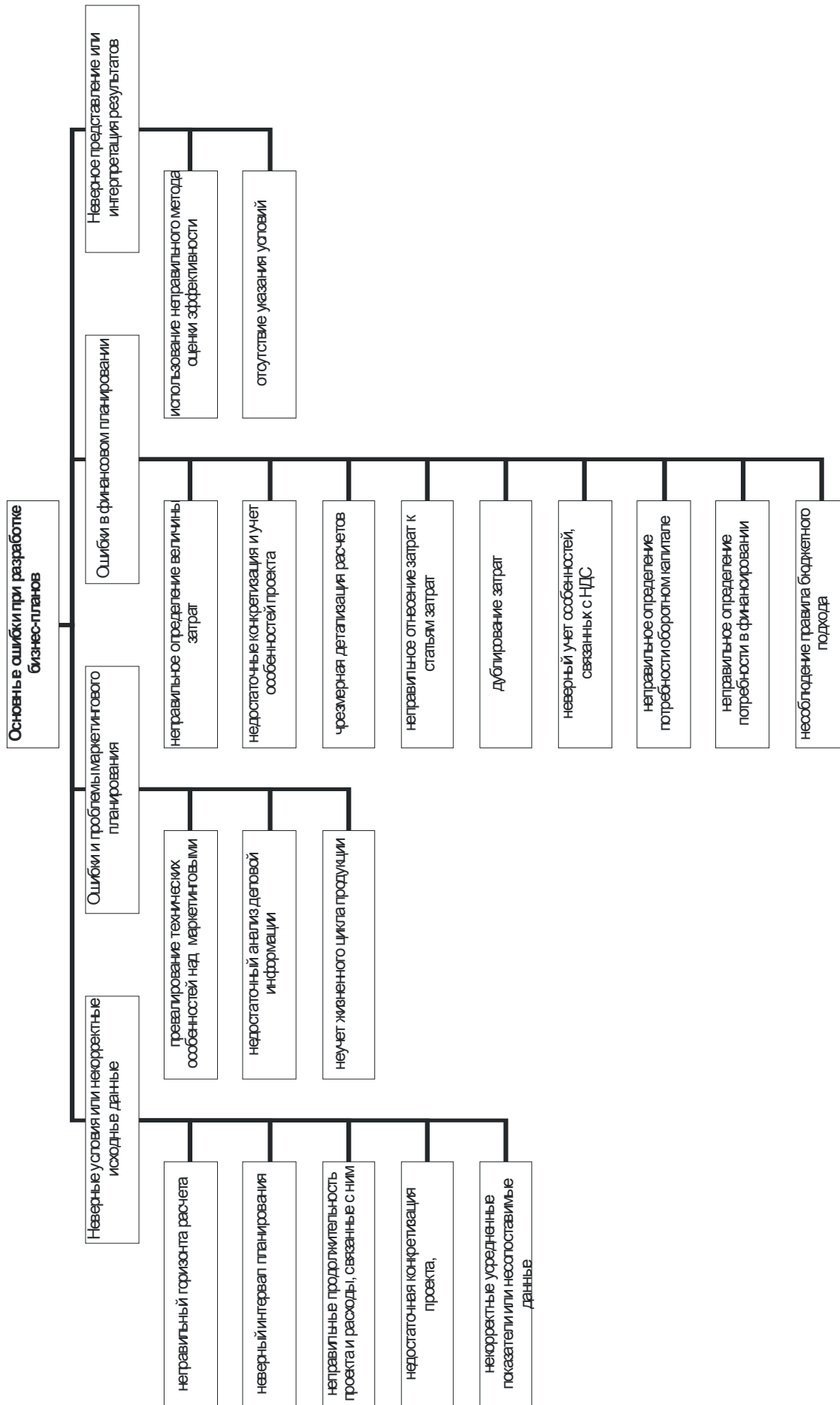

Рисунок – 2 Основные ошибки в бизнес-планировании

1. *Использование неверных условий реализации стратегии и некорректных принципов исходных данных:*

а) использование неверного интервала планирования (внутри интервала расчета деятельность не всегда может быть достоверно описана суммарными значениями потоков поступлений и платежей за более мелкие промежутки времени внутри интервала);

б) неправильное определение временных параметров реализации стратегии, а также расходов, связанных с ними (в результате может быть недооценена продолжительность инвестиционной фазы, процедуры регистрации, продолжительность процедуры сертификации и т.п.);

в) использование усредненных показателей, недостаточная конкретизация стратегии (результатом является искажение реальных значений показателей);

г) применение несопоставимых данных (доходы, затраты, налоговое окружение, кредитные характеристики приведены по состоянию на момент времени, когда действуют отличные от прогнозируемой стратегии условия, прямое копирование параметров компаний-аналогов также может дать результат со значительной погрешностью);

д) схема реализации стратегии ограничивается процессом производства продукции (не проанализирована вся производственно-финансовая цепочка от поставщиков до потребителей, в результате чего могут быть неучтены вопросы, связанные с транспортными аспектами доставкой сырья и готовой продукции; условиями платежей, необходимости расширения инфраструктуры предприятия и приобретения дополнительных основных фондов, расходы на их содержание и ремонт, складские, коммерческие расходы и иные транзакционные расходы);

е) использование неправильного горизонта расчета (для субъектов, так или иначе участвующих в реализации стратегии (непосредственной предпринимательской, собственники предприятия, финансирующие стороны, органы государственного управления и т.п.) срок может определяться исходя из различных оснований – срока кредита, срока действия договора между участниками сделки, требований собственника).

2. *Ошибки и проблемы маркетингового планирования:*

а) акцентирование на технологических возможностях в ущерб маркетинговому анализу (не учитывается реальная востребованность продукции потребителем, цена продажи конечному потребителю, сезонные колебания спроса и т.п.);

б) недостаточный анализ деловой информации (наличие юридической и финансовой проверки ретроспективных данных без учета планируемого изменения деловой среды и возможного изменения параметров реализации стратегии);

в) недостаточный учет особенностей жизненного цикла продукции (планируется неизменность объемов реализации одной модификации товара в течение длительного промежутка времени, не предусматривается обновление модельного ряда или его финансирование).

3. *Ошибки в финансовом планировании:*

а) неправильное определение величины затрат на основании ретроспективной информации (при анализе фактических затрат на единицу продукции в базовом периоде и дальнейшем их использовании в планировании не учитывается изменение объемов производства);

б) неправильное либо некорректное определение отдельных затрат (происходит при отсутствии анализа научно обоснованных норм (СНиПов, СНБ и т.п.), фактического потребления ресурсов аналогичными предприятиями и при отсутствии альтернативной проверки подобных значений, а также возникает при использовании структуры затрат производств, существенно отличающихся по технологии);

в) недостаточные конкретизация и учет особенностей проекта (применение стандартных экономических статей калькуляции без учета отраслевых, географических и иных особенностей);

г) чрезмерная детализация расчетов (уделяется внимание элементам затрат имеющим незначительный удельный вес, что существенно усложняет вычисления и требует значительных временных затрат);

д) неправильное отнесение затрат к статьям затрат (включение в текущие затраты расходов будущих периодов, которые являются элементами инвестиционных затрат);

е) дублирование затрат (в результате недостаточного раскрытия и детализации информации может происходить отражение одних и тех же элементов и в составе затрат, и в статьях расходов);

ж) неверный учет особенностей, связанных с налогом на добавленную стоимость (включение при калькуляции себестоимости в стоимость сырья и материала налога на добавленную стоимость при одновременном отсутствии последующей корректировки в вычислениях. К получению недостоверного результата также приводит не учет принципа взимания налога на добавленную стоимость по экспортно-импортным операциям. Кроме того, в условиях неравномерности объемов производства и реализации при определении денежных потоков зачастую отсутствует дифференцирование между НДС исчисленным, с одной стороны, и уплаченным и подлежащим к уплате, с другой);

з) игнорирование потребности в финансировании оборотного капитала или неправильное его определение (не учитывается реальный период, в котором возникает потребность в финансировании);

и) неправильное определение потребности в финансировании;

к) не соблюдаются правила бюджетного подхода (вложения средств не отображаются в период их реального получения, сумма заемных средств не обеспечивает отрицательный остаток свободных денежных средств);

л) период производства ассоциируется с периодом несения основных затрат и периодом реализации продукции.

4. Неверное представление или интерпретация результатов:

а) использование неправильного метода оценки эффективности (на действующем предприятии вся его выручка (или прибыль) рассматривается как результат реализации стратегии (проекта) вместо использования метода анализа изменений (сравнения), т.е. для оценки финансовой состоятельности используется метод наложения (объединения). Помимо этого использование себестоимости существующего предприятия при проектах расширения производства приводит к искажению реального результата);

б) отсутствие указания условий (в результате того, что не указываются ставка и период расчета чистого дисконтированного дохода, а также не указаны период и составляющие потоков по внутренней норме доходности, основные показатели эффективности стратегий при рассмотрении их в качестве инвестиционных проектов не отображают реальной целесообразности их реализации).

Приведенный выше перечень не претендует на статус исчерпывающего. Безусловно, можно привести еще достаточно много примеров, когда определенные действия приводят к искажению реальной эффективности.

Последствия ошибок бизнес-планирования и их влияние на развитие хозяйственных систем

С одной стороны, в случае необходимости получения финансирования (заемных и иных средств, целевого финансирования и т.п.), субъект хозяйствования может достигнуть своей цели: при отсутствии реальных преимуществ перед конкурирующими проектами получить искомые средства. Это, безусловно, является предпосылкой нару-

шения равновесия хозяйственной системы более высокого уровня. С другой стороны, при использовании бизнес-планов в качестве инструмента реализации стратегии устойчивого развития организации принятие решений на основании исследований, осуществленных в нем, может привести к самым плачевным последствиям вплоть до ликвидации субъекта хозяйствования. Финансирующая сторона при недостаточно внимательном анализе и экспертизе бизнес-планов также рискует существенно снизить эффективность размещения капитала в лучшем случае либо потерять его вообще в худшем. Таким образом, с целью повышения экономической эффективности как на уровне субъектов хозяйствования, так и в целом экономической системы как их совокупности, следует при разработке бизнес-планов организовывать работу таким образом, чтобы избежать допущения приведенных выше ошибок.

Помимо этого видится необходимым осуществлять многовариантный анализ последствий реализации планируемой стратегии. При этом можно рекомендовать использовать современный экономико-математический аппарат – теорию нечетких множеств. При этом для основных показателей (объем спроса или реализации продукции или услуг; уровень издержек и др.) выделить пессимистические ($X_{\text{пес}}$), оптимистические ($X_{\text{опт}}$) и наиболее ожидаемые ($X_{\text{ож}}$) показатели с выделением соответствующих им уровней вероятности (α). Графически значение каждого показателя можно представить в виде неточного треугольно числа (рисунок 3). При этом аналитически данное число можно представить в виде: $X = [X_{\text{пес}} + \alpha (X_{\text{ож}} - X_{\text{пес}}) ; X_{\text{опт}} - \alpha (X_{\text{опт}} - X_{\text{ож}})]$ (1)

Определенным недостатком данного приема явится значительный размах между результирующими оптимистическим и пессимистическим значениями показателей, однако при грамотном их использовании при анализе оперирование данными значениями способно значительно увеличить эффективность управленческих воздействий на субъект хозяйствования.

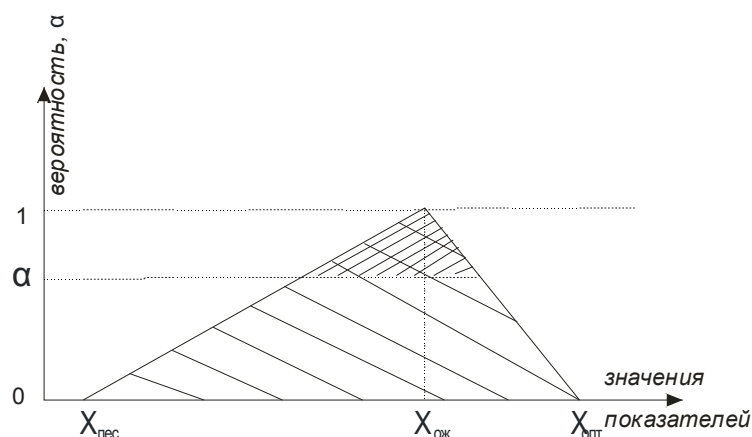

Рисунок 3 – Графическое изображение неточного треугольно числа

Заключение

Таким образом, одной из целей функционирования хозяйствующих систем является устойчивое развитие, перманентным, временным и неустойчивым состоянием которого является равновесие. Для обеспечения устойчивого развития необходимо предпринимать управленческие усилия по всем направлениям. Особое значение при этом имеет бизнес-планирование, в процессе которого необходимо избегать возможных ошибок и осуществлять многовариантный анализ. Следование предлагаемым рекомендациям способно повысить результативность как управленческой деятельности и, соот-

ветственно функционирования организации, так и ориентировать последнюю на устойчивое развитие в течение длительного промежутка времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобылев, С.Н. Экономика устойчивого развития / С.Н. Бобылев, Э.В. Гирусов, Р.А. Перелет. – М. : Ступени, 2004.
2. Кузнецов, О.Л. Устойчивое развитие: синтез естественных и гуманитарных наук / О.Л. Кузнецов, П.Г. Кузнецов, Б.Е. Большаков – Дубна : Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2000.
3. Миркин, Б.М. Устойчивое развитие / Миркин Б. М., Наумова Л.Г. – Уфа : РИЦ Баш ГУ, 2009.

Kazinets M. Reliability of Business Planning as a Factor of Sustainable Development of Commercial Organizations

The article presents the relationship of business planning effectiveness at the level of commercial organizations and sustainable development of economic systems at higher levels. Allocated system matizirovaniy and classified the major errors in the framework of development strategies and business plans. There are selected, arranged and classified the major (basic) errors, arising under development strategies and business plans. The possible errors in the development of business plans were analyzed and the possible consequences of their implementation were identified as for commercial organizations and for economic systems of higher level. There were given a number of recommendations aimed at sustainable development of economic systems, including using the elements of the theory of fuzzy sets in multivariate business planning.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.09.2010

УДК 331.21

Николь Биркс, Эльвира Кун

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ МУЛЬТИПРОЕКТНОГО МЕНЕДЖМЕНТА ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ

В статье рассматривается мультипроектный менеджмент, ставший достаточно распространённым понятием в пределах тематической области проектного менеджмента. Дается обоснование необходимости развития мультипроектного менеджмента, который позволяет при помощи подробного рассмотрения каждого отдельного проекта, делать возможным централизованное планирование, управление и контроль проектной совокупности и таким образом обеспечивать эффективность цельного проектного менеджмента. Разрабатываются методологические подходы к внедрению мультипроектного менеджмента на функционирующих предприятиях.

Введение

Сегодня перед многими предприятиями стоит вопрос, каким образом можно координировать различные проекты, чтобы в результате получить максимальный доход. В последние годы сложность отдельных проектов многократно повышается. Кроме того, проектная работа характеризуется влиянием глобализации и интернационализма. Поэтому логично, что предприятия хотят и должны формировать свои проекты с помощью унифицированной методики, которая гарантирует координацию проектов вышестоящими органами управления. Такое цельное рассмотрение проектной работы может достигаться путём внедрения мультипроектного менеджмента (МПМ).

Мультипроектный менеджмент – это понятие, зародившееся в пределах тематической области проектного менеджмента. Консультациями по проблемам менеджмента на предприятиях зачастую занимаются те организации, которые еще не внедрили МПМ, не спроектировали для себя такой программы. Однако концептуальное формирование такой улучшенной мультипроектной организации должно основываться скорее не на унифицированном стандарте, а на множестве идей, направленных на создание цельной проектной работы. В современной специальной литературе не существует общепринятого понимания и унифицированного определения понятия «мультипроектный менеджмент». Не удивительно, что продолжительная работа с этим тематическим комплексом поднимает несколько вопросов и проблем, которые теоретически решаются лишь частично. Это означает, что в литературе существует гетерогенное сосредоточение информационных обоснований мультипроектного менеджмента. Тем не менее эти обоснования варьируются относительно областей его применения [3, с. 5], вследствие чего целостная концепция мультипроектного менеджмента представлена сегодня только частично [2, с. 42]. Мы исходим из того, что мультипроектное моделирование сейчас находится на начальной стадии своего развития. Поэтому мы поставили перед собой следующую задачу: разработать программу, которая, с одной стороны, относится к организационной составляющей мультипроектного менеджмента (способность к интеграции), а с другой стороны – показывает возможное определение структуры самых важных задач МПМ и входящих в программу ролей.

Эта работа посвящена попыткам интеграции различных проектов, для того чтобы противодействовать непрозрачности структуры мультипроектного менеджмента, что объясняется наличествующими в литературе различными и частично противоположными представлениями. По содержанию программа МПМ включает в себя: 1) разделение обязанностей в пределах МПМ, 2) депонирование унифицированного

распределения ролей, 3) конструктивно-организационное и последовательно организационное вовлечение МПМ в организационную структуру предприятия. Данная работа преследует цель разработать программу, которая должна гарантировать функционирование менеджмента в пределах предприятия на основе депонирования проблемных полей и распределения ролей МПМ. Чтобы обеспечивать такое функционирование МПМ, нужно идентифицировать различные положения проблемы и на этой основе выработать подходы к решениям, которые осуществляются мультипроектным менеджментом. Введение в действие менеджмента и соединение его организационных единиц в иерархическую структуру предприятия должно обдумываться и осуществляться так, чтобы функционирование конкретного отдела было обеспечено соответствующей интеграцией. Следовательно, необходимо структурировать программу мультипроектного менеджмента так, чтобы функционирование и способность к интеграции мультипроектного менеджмента форсировалась установлением определенных действий/задач и описанием определенных отношений, например, распределением ролей и процессов в пределах МПМ.

Понятие и дефиниции мультипроектного менеджмента

Под мультипроектным менеджментом в литературе понимается прежде всего «бессрочный по времени инструмент руководства, который воспринимает преобразование всех концептуальных, координационных и информационных мероприятий для поддержки процессов управления и контрольных процессов всего проектного портфолио и таким образом создаёт благоприятные условия для успешной реализации отдельного проекта» [5, с. 18]. Следовательно, отдельное рассмотрение проекта определено исходит из того, что он должен согласовываться с вышестоящим мультипроектным менеджментом с целью достижения максимальной эффективности управления. Только это целостное рассмотрение важности отдельных проектов в согласованности с совокупностью всех проектов делает эффективный мультипроектный менеджмент возможным. Под конструктивной работой над понятием «мультипроектный менеджмент» понимается целостная программа улучшения проектной работы предприятия. Эта программа строится на основных задачах мультипроектного менеджмента, содержит ясное распределение ролей и делает возможным постоянное улучшение или развитие самого мультипроектного менеджмента.

Вместе с тем необходимо разъяснить, что МПМ концептуально может формироваться уже некоторыми немногими основными предпосылками, которые могут обогащаться инновациями и адаптацией. Таким образом, мультипроектный менеджмент понимается как программа, которая может приспосабливаться к динамичным факторам нашего времени или соответствующего предприятия и вносить, таким образом, существенный вклад в улучшенную, цельную проектную работу. Исходя из вышеизложенного, мультипроектный менеджмент может быть определён как программа, которая с помощью подробного рассмотрения каждого отдельного проекта, делает возможным вышестоящее планирование, управление и контроль проектной совокупности и таким образом обеспечивает эффективность целостного проектного менеджмента. С помощью таблицы можно упрощено показать проблемные поля проектного менеджмента и конструктивно построенные на этой основе поля задач мультипроектного менеджмента. Отдельно представлены организационные единицы, отвечающие за преобразование соответствующих задач МПМ. Согласованность отдельных составляющих структуре мультипроектного менеджмента может быть представлена следующим образом: 1) создание отдела мультипроектного менеджмента (МПМ-управление), которое зависит от предпринимательской потребности в реорганизации; 2) работа в рамках МПМ-планирования, заключающаяся в определении приоритных проектов; 3) определение приоритетов при помощи МПМ, на-

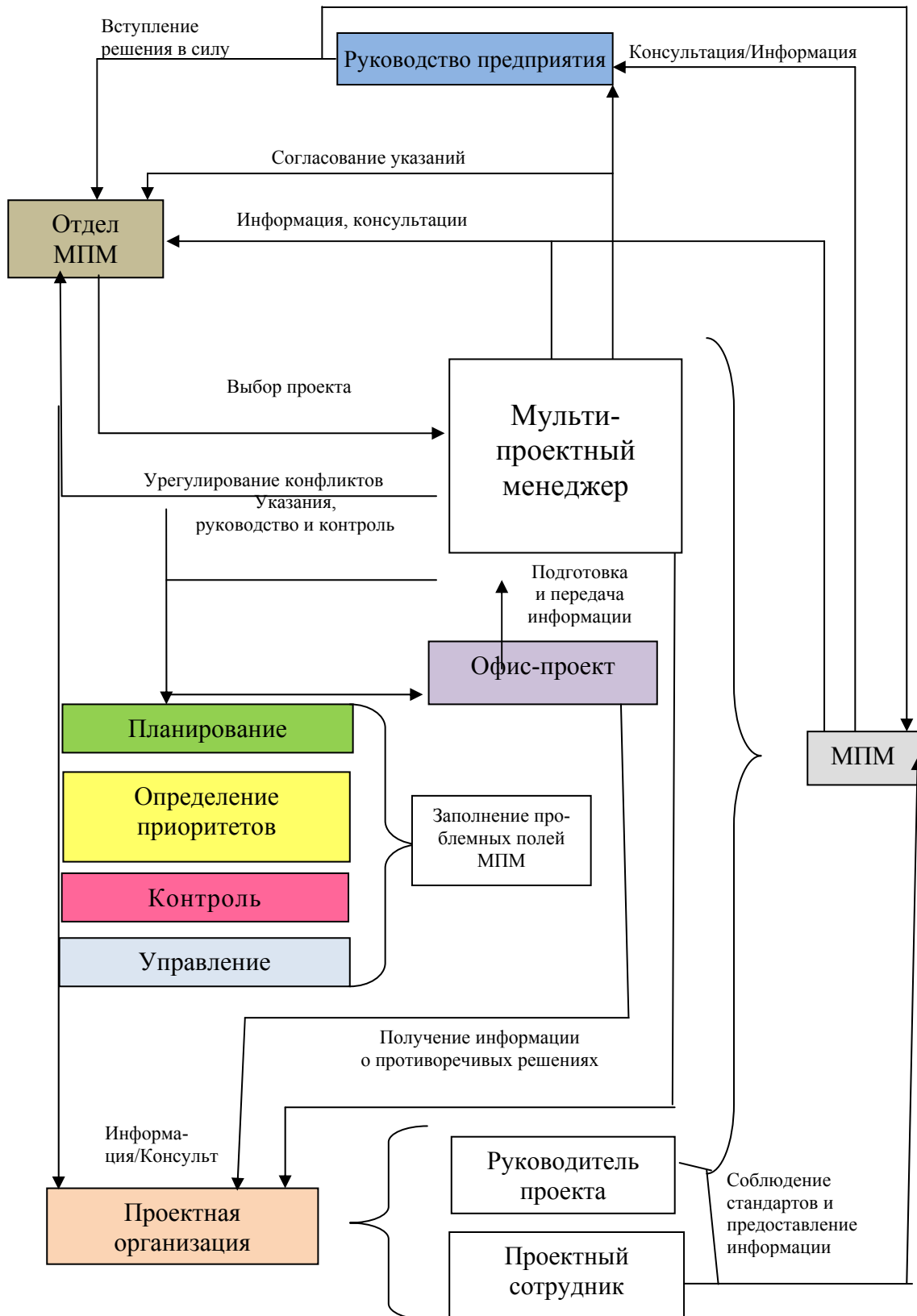
правленное на повышение эффективности проектных портфолио и оказывающее помощь во время осуществления проектов депонированного доклада (проблемное поле МПМ-контроля); 4) функционирование МПМ-контроля, который заключается в том, чтобы после окончания проектов проводился итоговый контроль соответствующих проектов.

Таблица – Проблемные поля мультипроектного менеджмента

Проблемные поля МПМ	Поля задач МПМ	Организационные единицы МПМ
Превышение проектных бюджетов	1. Депонирование метода единообразного определения проектных издержек. 2. Контроль проектных издержек. 3. Расчёт общей стоимости проектов. 4. Установление общего проектного бюджета на период планирования.	Планирование
Невыгодное распределение проектных ресурсов	1. Принятие компетентных решений относительно распределения ресурсов. 2. Проведение проектного планирования.	
Определение приоритетных проектов	1. Введение менеджмента проектного портфолио. 2. Оценка проектной взаимозависимости.	Определение приоритетов
Недостаточный анализ риска проектов, их воздействия на проектный ландшафт	1. Введение менеджмента рисков. 2. Обеспечение адекватного проведения менеджмента рисков.	
Отсутствие контроля над проектным ландшафтом	Проведение регулярных проверок проектной совокупности.	
Отсутствие контроля реализации частных проектов	1. Создание стандартов процесса контроля. 2. Проведение регулярных проверок.	Контроль
Отсутствие контроля успехов	Проведение контроля успехов каждого проекта	
Отсутствие регулирования прав принимать решения и давать указания Regelungen über	Установление собственных прав принимать решения и прав давать указания при согласовании с руководством предприятия	Управление
Недостаточный трансферт ноу-хау	Учреждение мультипроектного менеджмента знаний	
Непредоставление значимых проектных сведений	Введение единой информационной системы	
Недостаточная квалификация участников проекта	Обучение сотрудников средствам МПМ	

Чтобы сформировать унифицированное понимание в отношении соответствующих «актёров», которые могут появляться в связи с мультипроектным менеджментом, следует установить порядок описания соответствующих ролей. «Под ролью понимается сумма ожиданий, которые направляются к владельцу позиции. Роль представляет, таким образом, одного или группу владельцев позиции» [6, с. 102]. Описание ролей – это важный аспект тематики мультипроектного менеджмента, так как неясное определение ролей может привести к конфликтам и дополнительным мероприятиям по согласованию, на которые может быть потрачено много времени и энергии [1, с. 122]. Чтобы этого избежать, необходимо четко знать, какие выполняют задачи и какая ответственность лежит не только на отдельных участниках проекта, но и на сотрудниках, занимающихся непосредственно МПМ. Согласованность действий всех участников проекта в МПМ может

наступит только тогда, когда ясно определено разграничение отдельных ролей [5, с. 33]. Отдельные задачи участников мультипроектного менеджмента и их согласованность представлены на рисунке 1.

**Рисунок 1 – Задачи участников мультипроектного менеджмента
Конструктивно-организационное слияние**

Для того, чтобы мультипроектный менеджмент мог действовать в качестве самостоятельного отдела, нужно сначала учредить эту единицу в конструктивно-организационной иерархии предприятия. Необходимо слияние отдела МПМ с организационной структурой предприятия, а также разработка принципиального текущего плана, который описывает, какие действия и в какой временной последовательности должны осуществляться. Необходимо также разработать унифицированное понимание принципиального построения мультипроектного менеджмента так, чтобы были созданы возможности и перспективы его усовершенствования.

Поскольку МПМ – это комплексный менеджмент, то это должно быть позиционировано в структуре организации таким образом, чтобы было гарантировано решающее проектное планирование и управление. Поэтому организационная связь должна быть установлена непосредственно с руководством предприятия [5, с. 59]. Далее естественно возникает вопрос, где должен быть расположен проектный менеджмент, чтобы гарантировать более эффективную проектную работу в пределах предприятия. Так как в литературе нет конкретных рекомендаций по этой проблеме, то предлагается расположить проектный менеджмент ниже мультипроектного менеджмента. Обоснованием для такого служит то, что вышестоящая (мультипроектная) работа может осуществляться только тогда наилучшим образом, когда существует непосредственная связь между одиночным менеджментом и мультипроектным. В этом есть определенное преимущество, так как вышестоящим органам управления передается актуальная информация, и они не должны больше использоваться длинные служебные цепочки для ее получения. Кроме того, такое положение позволяет экономить средства предприятия, так как работу, выполняемую двумя начальниками отделов, теперь выполняет только лишь один – *мультипроектный менеджер*. В этой ситуации типичная конструктивно-организационная структура предприятия должна быть представлена следующим образом (рисунок 2):

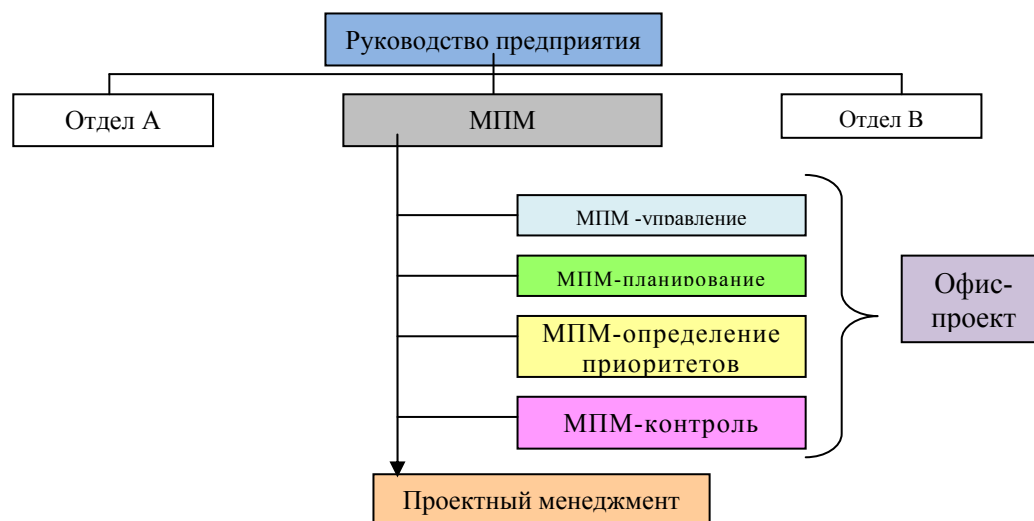

Рисунок 2 – Организационная структура предприятия

Процесс создания полей задач

Чтобы успешно реализовать мультипроектный менеджмент, нужно создать временную последовательность выполняемых полей задач. Первый шаг для внедрения мультипроектного менеджмента – это установление полномочий для принятия решений и выполнения указаний. Такое определение полномочий относится и к компетенции решений между мультипроектным менеджментом, проектной организацией и линейной инстанцией, и к установлению полномочий распределения ресурсов.

Следующий этап – определение подходящего инструментария мультипроектного менеджмента, так как с помощью МПМ, как уже упоминалось, может проводиться вышестоящее планирование, управление и контроль. Это даст возможность разработать необходимые стандартизованные формуляры для проектной работы. Следующее предпринимемое действие относится к выявлению процессов, предназначенных для выбора проектов, планирования объёмов и выявления проектных издержек. Затем должны быть введены проектный портфолио, менеджмент и менеджмент рисков. Чтобы гарантировать контроль мультипроектного менеджмента, должны быть введены стандартизованные процессы коммуникаций и введен контроль успехов для каждого проекта. Наконец, должен быть создан механизм мультипроектного менеджмента знаний (МПМ-управление), чтобы проектные знания и опыт могли быть использованы для будущей мультипроектной работы. Таким образом, кругооборот эффективной проектной работы завершается. Последовательность действий, которая необходима для дополнения мультипроектного менеджмента, выглядит следующим образом:

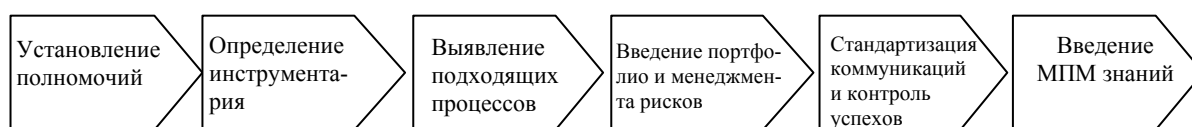

Рисунок 3 – Последовательность действий, необходимых для внедрения мультипроектного менеджмента

Заключение

В нашей статье была предпринята попытка в очень сжатой форме показать основные моменты, которые необходимо учитывать при использовании мультипроектного менеджмента. В рамках данной работы подробное описание всех соответствующих действий не представляется возможным. Однако необходимо указать, что полная программа МПМ позволяет реализовать богатство управленческой мысли, а также целостно рассматривать проектную работу и подробно трактовать каждый пункт ее программы. Установление стандартов, структурируемых последовательностей и адекватного инструментария планирования, управления и контроля будет способствовать тому, что с помощью МПМ можно внести существенный вклад в улучшение проектной работы и повысить эффективность отдельных проектов. В заключение необходимо сказать, что изучение теоретических основ мультипроектного менеджмента может представлять интерес для руководителей предприятий, стремящихся к структурной реорганизации. При этом несущественно, идет ли речь о маленьком, среднем или большом предприятии, так как стремление к экономически выгодным действиям, получаемым с помощью мультипроектного менеджмента в проектной работе, должно доминировать при функционировании каждого предприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adler, A. Multi-Projektmanagement, Portfolioplanung und Portfoliocontrolling / A. Adler, R. Sedlaczek // Strategisches Projektmanagement, Springer-Verlag. – Berlin–Heidelberg, 2005.
2. Grübler, G. Ganzheitliches Multiprojektmanagement – Mit einer Fallstudie in einem Konzern der Automobilzulieferindustrie / G. Grübler. – Göttingen, 2005.
3. Herbolzheimer, C.W. Multiprojektmanagement, Personalentwicklung und Weiterbildung, Multiprojektmanagements als Promoter für die Entwicklung unternehmerischer Kompetenz von Mitarbeitern / Claus W. Herbolzheimer. – Berlin, 2005.

-
4. Kwasniok, S. Multiprojektmanagement – Organisation, Interdependenzen, Implementierung / S. Kwasniok. – Saarbrücken, 2007.
 5. Lomnitz, G. Multiprojektmanagement – Projekte erfolgreich planen, vernetzen und steuern / G. Lomnitz, Frankfurt, 2004.
 6. Patzak, G. Projekt Management – Leitfaden zum Management von Projekten, Projektportfolios und projektorientierten Unternehmen / G. Patzak, G. Rattay. – Wien, 1998

***Nicole Birks, Elvira Kun* Definition of Multidesigned Management Structure for Integration and Functioning at an Enterprise**

The article considers multidesigned management as a topical problem which has become a rather widespread notion in the field of designed (project) management. The authour works out methodological approaches to implement multidesigned management at the functioning enterprises.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.03.2011

УДК 330.34.014

П.С. Лемещенко

ИННОВАЦИОННЫЙ ПАТ: ОТ ПРОГРАММ К ПОЛИТЭКОНОМИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются теоретические основы формирования понятия «инновации», его генезис до категории социальных инноваций в общественно-экономической сфере. Выдвигается тезис о том, что степень фундаментальности осваиваемых наукой проблем обратно пропорциональна уровню денежного успеха носителей приращенного знания. Используются различные подходы к обоснованию социальных инноваций в рамках сравнительного теоретического описания, принадлежащего нескольким экономическим школам. Даются рекомендации по формированию институтов научно-технического развития Республики Беларусь.

Введение

«Пат» в шахматах – положение, при котором один из партнеров не может сделать очередного хода, не подставив под удар своего короля. В этом случае шахматная партия считается законченной вничью. С нашей точки зрения, если быть предельно взвешенным в оценках итогов реализации инновационных программ и всего политико-экономического шума вокруг «инноваций», «новаций», «нововведений» и достижений, лучше следует принять игру с ничейным результатом: общество, фирмы и индивиды мало что поняли и сделали для экономики, но и экономика не приобрела каких-то качественных структурных изменений. Иначе говоря, почти десять лет инновационной риторики в нашей стране завершились нулевой ничьей. «Король», то есть наша социально-экономическая система, если не проиграл, то и не выиграл. Россия пошла по пути «модернизации», ощутив необходимость технического и институционального обновления, а Беларусь приняла очередную директиву по либерализации. Почти как двадцать пять лет тому назад в СССР.

На практике стремление к выживанию еще Робинзоном стало достижимым лишь через те нововведения, которые этот добрый и наивный человек использовал и старался применять в своей далеко не коммерческой, но крайне важной для него самой жизнедеятельности. Также, например, и деньги, банки, капитал явились теми новыми социально-экономическими нововведениями, которые, разрешая известные противоречия, обеспечивали при этом все-таки поступательное развитие техники, технологий, экономических форм, производственных отношений. В экономической науке понятие «инновации» можно найти уже в работах 1920-х годов по теории и практике менеджмента. Однако акцент здесь делался все-таки на организационном аспекте, внедрение же новшеств без особых затрат также способствовало как повышению эффективности производства, так и достижению чисто коммерческого успеха. В 1930–1950 гг. инновационная инициатива уже получает распространение и определенное теоретическое обобщение уже в научно-технической области.

Критическое осмысление и позитивная оценка

Собственно экономическая наука начала активно использовать понятие «инновации» в своем аналитическом обороте где-то в 1980-е годы. Причин здесь несколько. Во-первых, в изменившихся мировых социально-политических и технико-экономических условиях в очередной раз остро обнаружилась проблема поиска новых источников и факторов экономического роста. Надо признать, что в силу известных идеологических мотивов, которые всегда присутствовали и присутствуют в экономической науке, более фундаментальная проблема выбора *стратегии, хозяйственных форм*

и институциональных порядков социально-экономического развития ограничилась лишь вопросами экономического роста. Пока итоги (теоретические и практические) этой инициативы не очень плодотворны, поскольку произошли незначительные изменения в динамике реального ВВП, и почти 60% прироста ВВП (остаток Солоу) никак не объясняются существующими подходами теорий роста. Во-вторых, сказались не только « пороки рынка », но и « пороки государства », и поэтому встал вопрос: как, в каких конкретных социально- и политико-экономических формах совместить рыночный утилитаризм с цивилизационными ценностями (!) западного общества. В неявном виде органически целостное сочетание собственно экономики, политики, этики, философии, организации, права, архитектуры, дающее общий контур общества, было представлено еще в работах Смита (мы не будем пока касаться научных основ Аристотеля и Платона), семь лет преподававшего « Теорию нравственных чувств », Рикардо, занимавшегося политикой, историей, бизнесом, Маркса, юриста по образованию, В. Ойкена, главы Фрайбургской школы, Дж. Кейнса, участника Блумбергской группы. Иначе говоря, проявился в очередной раз « порок мышления », заменившего на сей раз действительно фундаментальную проблему человеческого бытия более частной и мелкой. Причем ее решение « подсказывалось » господствующими нормами капитала и частной собственности узкого ее содержания. В-третьих, следовало разрешить возникшее противоречие крупного капитала, имеющего тенденцию к монополизации, к корпоративному обобществлению, и малого бизнеса. В-четвертых, неоклассическая теория через понятие « инновации » делает попытку восстановить в « экономике » ее технико-технологическую основу, которая в классической политэкономии была представлена через категорию « производительные силы » и соответствующие элементы и их взаимосвязь. Напомним, что именно использованием категорий « производительные силы » и « производственные отношения » политэкономией разрешался вопрос об источнике, экономических формах и направлении развития, а также объяснялся циклический характер и ступени перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Наконец, в-пятых, остро почувствовалась необходимость целостного, всестороннего, развивающегося и полного научного отражения крайне противоречивой реальности, в котором бы нашлось место и внеэкономическим условиям и факторам хозяйствования. А усиливавшаяся научная специализация и приверженность идеологическим канонам не позволяли это делать, порождая « дефект знания ». Появление разных концепций (конвергенции, диффузии собственности, теории уравнивающей силы государства, государства всеобщего потребления, технотрактуры и пр.) подтверждают, что « мертвые зоны » неисследуемой реальности частично все-таки находили отражение в умах. « Ответственность за интеллектуальное заблуждение, – пишет Дж. Бьюкенен, – отчасти ложится на раскол старой « политической экономии » на отдельные современные дисциплины... Экономисты в большинстве своем стремились остаться позитивными аналитиками » [1, с. 426].

Таким образом, существенные онтологические изменения, происходившие в реальных хозяйственных процессах, а также осмысление гносеологических противоречий, серьезные теоретические наработки в других отраслях знания и междисциплинарные исследования привели к необходимости формирования новой теории с ее адекватной метапарадигмой и категориальным наполнением, разрешающей « дефект знания ». Но из множества накопленных проблем к началу XXI века проблема политико-экономического, социального и технико-технологического развития приобрела особую актуальность. Поэтому взоры ученых и практиков обратились к *инновационной* экономике, которая почему-то приобрела смысл универсального средства преодоления возникшей всеобщей мировой стагнации, распространившейся буквально на все страны. Кто только не писал и не пишет сегодня об инновациях! Но если обратиться к хронологии действия и мысли, то можно обнаружить, что современный экономический

кризис поразил мир уже после того, как было написана масса книг и было сделано немало политико-экономических заявлений на разных уровнях. Для постсоциалистических стран вообще ситуация с кризисом должна бы быть по крайней мере странной: совершили такую социальную инновацию и ввели рынок как универсальное средство эффективного хозяйствования, а в результате оказались втянутыми в глобальное потрясение на всех уровнях отношений. И пока эти, как и многие другие острые, но актуальные вопросы, остаются без ответов.

Следовательно, первым и важнейшим новаторским шагом, ведущим к устойчивому развитию на разных уровнях хозяйствования, является критическое осмысление и позитивная оценка исследовательских традиций, инвентаризация применяемого категориального аппарата и алгоритма исследования, поиск новых, более эффективных методологических подходов с соответствующим аналитическим инструментарием и определение закономерностей построения не просто многочисленных концепций или программ, а именно непротиворечивой теории. Причем не какой-то лишь частной теории, которых сегодня в силу научной специализации сложилось целое множество, а фундаментальной теории, объединяющей эти локальные ветви знания и отражающей целостно политико-экономическую структуру, законы и принципы хозяйствования современной мировой экономики. Ведь то, что сегодня существует – это не что иное, как материализованное знание прошлой теории и действующее экономическое сознание. Нам нравится сложившаяся хозяйственная практика? Вряд ли кого она оставит равнодушной, особенно в силу возрастающей неопределенности и хаоса. У. Баумоль, положивший начало новой дискуссии с целью подвести итоги достигнутых экономической теории за прошлый век, пишет: «Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [2, с. 80, 104]. Применительно к нашей теме эвристические возможности неоклассической парадигмы Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют важную роль, недостаточно хорошо описываются стандартной моделью конкуренции» [4, с. 391].

А какие же теории (теория) более или менее внятно и с учетом всех составляющих современного этапа эволюции объясняют процесс политико-экономического и социально-технического развития? К сожалению, их сегодня нет, и сегодня всех тревожатисключительно проблемы экономического роста. Но, как показывают современные разработки, экономический рост далеко не решает всех проблем. Иногда он их даже усугубляет, как, например, в нашем случае, когда очень ограничены рынки сбыта для наших традиционных товаров, в результате чего возник, можно сказать, кризис сбыта. К тому же надо учитывать крайне устаревшую и физически изношенную технико-технологическую базу, не позволяющую уже производить конкурентную продукцию для современного рыночного пространства.

Социальная инновация

Каким-то методологическим ориентиром в решении стратегических задач сегодня служит работа Й.А. Шумпетера «Теория экономического развития», получившая необычайную популярность в последние два десятка лет. Текущий общий мировой экономический кризис обусловил также неподдельный практический интерес и к трудам К. Маркса, в частности к «Капиталу». Востребованными оказываются в целом и работы по политической экономии, философии экономики, в которых как раз и фокусируется внимание на поиске онтологических и гносеологических источников, условиях, формах и механизмах хозяйственной эволюции, инструментах регулирования дея-

тельности субъектов. Эти научные дисциплины дают старт, методологическую основу законов диалектики. Но эти дисциплины опасны своим стремлением к истине, что для социально-экономического бытия не очень-то выгодно. Ведь вскрытие истинной природы, например, денег позволит выяснить, кто и чем реально занимается, что производит (истинное богатство или же трансакционные издержки), и обосновать зарабатываемость получаемых доходов, оценить реальный статус каждого класса и социальной группы [5, с. 3–23].

Однако политическая экономия, не взирая на свою живучесть даже в условиях сформированного политико-экономической элитой идеологического вакуума, из-за своей невостребованности мало чего может предложить сегодня в объяснении сложившейся ситуации в мировой экономике и отдельных странах. Забегая вперед, подчеркнем в связи с этим, что крупнейшей социальной инновацией середины XX века является изменение утилитарной нормы поведения, оформленной «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народа» А. Смита. Сложная норма поведения, на основе которой развивался производительный капитал как явление и как хозяйственная форма, заменяется доминирующей спекулятивной нормой. Капитал из производительного феномена постепенно превратился в спекулянта, и это было принято на уровне формальных институтов и неформальных отношений. И, скорее всего, самую заметную роль здесь сыграла известная работа Кейнса, на основе идей которой выстраивались соответствующие для реализации спекулятивных целей институты, а общество впитывала это в сознание как моральную норму. По ней оценивали успех или его неудачи, иначе стал оцениваться бизнес.

На рынке труда не мастерство стало мерилем как зрелости, так и оплаты труда, что долгие годы формировало развитие профессиональных навыков, а умение делать деньги из денег. Постепенно производительность труда перестала выступать критерием эффективности производства. Категория же воспроизводства, которая ориентировала на целостное и комплексное развитие, включающее достижения науки и ее освоение социально-производственным комплексом, вообще выпала из научного оборота. Как пишет Нобелевский лауреат по экономике за 2008 г. П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы – только что из колледжа – в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» [6, с. 55].

Таким образом, анализ литературы по инновациям обнаруживает, что инновационная тематика мозаична. При всей важности поднимаемых и решаемых в работах разного рода вопросов, эти темы не имеют общего теоретического фундамента. Такая ситуация не позволяет выстроить единую, целостную технологичную картину и, следовательно, программу инновационной политики. А разнородные новации могут противоречить друг другу, не создавая соответствующих сопряженных технико-экономических и социальных эффектов зависимости.

Хороший современный дом нельзя построить без проекта в целом и хорошего в частности. Например, если у вас нет компьютера или он один, то для вас безразличны и соответствующие программы. Люди интеллектуально, организационно, психологически и пр. также могут быть не готовы, чтобы использовать эффективно в своем производственном процессе эти же компьютерные технологии. «Специализированный идиотизм» (П. Друкер), существующий в науке и, следовательно, в практике разрушил образовательную культуру буквально во всех человеческих сферах. Широко эрудированный человек сегодня выглядит как анахронизм или дилетант. Есть узкие специалисты по рынку денег, металла, нефти и пр., но действительно образованный человек по «рынку

в целом», политике, социальным действиям, культуре, эволюции, в конечном счете, человеческих форм общения сегодня является крайне редкой породой. Кроме того, нужно отметить, что, как бы парадоксально это ни выглядело, инновационная литература не востребована тем же рынком. Востребованы мелкие коммерческие проекты и разработки. Этим объясняется внимание к нанотехнологиям.

Вообще современное общество выстроило удивительную систему: *степень фундаментальности осваиваемых наукой проблем обратно пропорциональна уровню денежного успеха носителей приращенного знания*. Подтверждением этому тезису может быть не только размер доходов ученых и представителей сопутствующих профессий, но и конкурсы в вузы на получение соответствующих специальностей. Удивительно и то, что сегодня США развивается не благодаря своей системе образования, а благодаря инерции людей из развивающихся стран к знанию и образованию. Кто же кому помогает и какая социальная система более прогрессивна? Поэтому, на наш взгляд, сложилось острое противоречие между *духом наживы* (вспомним работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма») и *духом человеческого бытия*, смыслом жизни. Иначе говоря, «тело» экономики явно не в ладах с «головой», духовно-психологическим состоянием и выполняемыми функциями организма, или системы. Это то, что можно назвать «порядком из хаоса». Последнее, т.е. хаос, – это порядок, это то равновесие, по-прежнему невозмутимо описываемое, пожалуй, лишь экономистами. Но благодаря этому хаосному порядку и извлекаются уже не просто предпринимательские доходы, а доходы рентные, распределяемые и перераспределяемые через манипуляцию сознанием. К тому же сам рынок как совокупность взаимосвязанных между собой формальных норм и неформальных правил сегодня требует огромных затрат. Эти затраты называются транзакционными издержками. Но парадокс в том, что эти затраты финансируются за счет всего общества, но в разных формах передаются бизнесу, который, осуществляя свой эгоистический интерес, уже приватизирует их как частные доходы.

Таким образом, именно здесь тоже можно обнаружить немало «социально-экономических инициатив», т.е. новаций, выражаясь «инновационной терминологией», позволяющих осуществлять «спекулятивную экономику». Научная специализация, утрата наукой эвристической прогнозной функции, разобщенность рынков и доминирующее влияние спекулятивной нормы поведения хозяйствующих субъектов, поддерживаемых официальными институтами, создали ситуацию неопределенности, обострив эту проблему до хаоса. В свою очередь, ситуация неопределенности как делает непредсказуемыми научные результаты, так и (еще в большей степени) предполагает крайне рискованным процесс внедрения и использования разного рода новинок, технических разработок.

Заключение

Рамки статьи не позволяют заложенные методологические предпосылки использовать для прикладного анализа результатов инновационной программы и политики в нашей стране. Но даже беглый взгляд на общую статистику, на специализированные данные соответствующих структур, которые как бы организуют и сопровождают инновационные программы, оценка уровня конкурентоспособности белорусских товаров и – как результат – размер отрицательного торгового сальдо и валового внешнего долга страны, позволяют заключить, что от частной и достаточно неопределенной национальной инновационной программы следует переходить к теории и, соответственно, хозяйственной практике *социально-экономического развития*. Экономистам-теоретикам, политикам, хозяйственникам давно пора уже понять, что рынок представляет лишь одну из воспроизводственных фаз – производства, распределения, обмена и потребления. Сам по себе рынок не иницирует и не разрабатывает новых изделий и не

производит старых. Все это делают люди, имеющие разную подготовку и мотивированную специализацию. *Инновации* создают люди от науки, инженерные работники, технологи, техники. Именно эти люди, а не банки финансируют основы научно-технологического развития. Ведь становление работника высшей квалификации охватывает почти три десятка лет, которые финансируются его семьей, личными нервно-физическими издержками. Можно внедрять лишь то, что эти люди сгенерировали и создали. К тому же кроме самих разработок необходимо формирование общего *научно-технологического потенциала* в стране. Вот издержки по созданию такого потенциала, равно как и *социального капитала*, должны компенсироваться за счет всего общества, создавая работникам научно-технической, образовательной и медицинской сфер реальную экономическую мотивацию. И только потом уже должны «работать» деньги и инноваторы-предприниматели. Но эта связь должна быть равнопартнерской и экономически выгодной обеим сторонам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бьюкенен, Дж. Нобелевские лауреаты по экономике. Избранные труды / Дж. Бьюкенен. – М., 1997.
2. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. – 2001. – № 2.
3. Самуэльсон, П. О чем думают экономисты: беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта. – М., 2010.
4. Стиглиц, Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест. – 2003. – Вып. 3, № 3.
5. Лемещенко, П.С. Институциональная природа денег, Или к основанию тайны финансового кризиса // Социология. – Минск : БГУ. – 2009. – № 1.
6. Кругман, П. Великая ложь / П. Кругман. М., 2004.

Lemeschenko P.S. Innovative Stalemate: from Program to Political Economy Development

In article theoretical bases of formation of social innovations in socioeconomic development are considered. Various approaches to its substantiation within the limits of the comparative theoretical description belonging to several economic schools are used. Recommendations about formation of institutes of scientific and technical development of Belarus are made.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.03.2011

УДК 330.101.542

А.В. Черновалов

ИНСТИТУЦИОНАЛИСТИКА

В статье раскрыты новые методы проектирования и прогнозирования возможных последствий от реализации институциональных проектов, которые можно использовать при принятии решений о необходимости их внедрения. Рассмотрены возможности комбинирования исследователем социологических и экономических инструментов анализа в целях изучения объекта институционального характера. Приведены концепции, понятия и категории новой институциональной экономической теории, основатель которой О. Уильямсон стал лауреатом Нобелевской премии по экономике 2009 г. Использован авторский метод количественного анализа, разработанный для институциональной парадигмы.

Введение

Современное состояние экономической науки характеризуется тем, что в результате применения ее методологии менеджерами в хозяйственной практике реализация таких важных функций управления, как планирование и прогнозирование, все еще происходит в рамках так называемых «нулевых транзакционных издержек» (Р. Коуз), то есть в рамках традиционной неоклассики, не признающей значения институтов и рассматривающей свои модели вне правовой системы. Экономисты и пользователи таких продуктов считают, что бизнес-планы, планы маркетинга, планы производственного развития и прочие прогнозные документы будут исполняться исключительно рациональными, добросовестными и честными управленцами и директорами. Это означает, что экономисты в своей деятельности основываются на неоклассической модели экономического человека, характеризующегося полной рациональностью и нацеленного на неизменную максимизацию полезности при осуществлении любых видов деятельности. Но так ли это на самом деле?

При осуществлении планирования мы, к сожалению, часто не предполагаем, что законодательная база в любой сфере деятельности может измениться, что перспективные контракты могут быть пересмотрены, что иностранные государства могут ввести ограничения на ввоз нашей продукции или на поставки энергоносителей, что со стороны контрагентов может осуществляться оппортунистическое поведение. К слову, О. Уильямсон считает, что оппортунизм следует рассматривать как «постоянное стремление к реализации собственного интереса» и заключается в «неполной или неверной передаче информации, имеющей целью обмануть, ввести в заблуждение, затаить информацию либо сфальсифицировать ее, либо запутать дело другим способом» [20, с. 30].

С точки зрения институционалистики, современные методики планирования характеризуются первой частью известной теоремы Р. Коуза: «Конечный результат, максимизирующий ценность производства, не зависит от правовой системы, если транзакционные издержки равны нулю» [12, с. 103]. Но Коуз призывал не к тому, чтобы мы своими действиями подтверждали правоту этой части его теоремы, а, наоборот, к тому, чтобы экономисты стали изучать мир с положительными транзакционными издержками, отрекшись от идеалистической картины мира неоклассики.

Возникает исследовательский вопрос: что же произойдет, если в методиках планирования перейти от использования нулевых к положительным транзакционным издержкам. Возможно, мы все-таки решимся и заменим неоклассические методы планирования институциональными. Тогда среди мероприятий бизнес-плана, или инвестиционного проекта, по нашему мнению, должен фигурировать уже не организационный, проект, который не учитывает состояние правовой системы, а институциональный, встроенный в рамки функционирующей системы норм права данного государства и

ориентированный на ментальные и социально-культурные особенности государственной институциональной среды.

Однако, как оказывается, неоклассические затратно-результатные методы оценки эффективности для институциональных проектов не пригодны [1; 2; 13; 14; 18; 19], так как рассматриваться должна не только эффективность по Парето, но и утилитарная эффективность, эффективность по Хиксу и Ходжсону [12, с. 34], а также другие виды эффективности. Поэтому цель данной статьи мы видим в необходимости презентации для экономистов новых институциональных количественных методов прогнозирования, разработанных в рамках институционалистики. В этой связи мы хотим предложить ученым и бизнес-сообществу новые способы оценки институциональной эффективности проектов на микроуровне, где работает большинство специалистов хозяйственной сферы, а также пригодного и для макроуровня [7; 8; 12; 17].

Лингвистическое объяснение понятия «институционалистика»

Термин «институт» используется в социальных науках давно; Дж. Ходжсон, например, считает, что примерно с 1725 г. [6, с. 28]. Однако даже сегодня полного единодушия по поводу содержания и объема этого термина не существует. Конечно, говорить об институционалистике, не установив ее связей с понятием «институт» и не определив ее логическую форму и внутреннее содержание, невозможно. Особенно это относится к намерениям осуществить количественную оценку эффективности институциональных структур и проектов. В этой связи мы посчитали необходимым рассмотреть лингвистическую природу понятия «институционалистика».

Как уже говорилось, «институционалистика» должна представлять собой отдельную область знания в институциональной парадигме, которая сосредоточивает внимание на развитии количественных методов анализа. Р. Коуз в своей Нобелевской лекции «Институциональная структура производства» говорит: «Иногда мои высказывания интерпретировали в том смысле, что я противник математизации экономической теории. Это неверно. На самом деле, коль скоро мы начинаем выявлять реальные факторы, влияющие на функционирование экономической системы, сложные взаимосвязи между ними, очевидно, потребуют математической обработки..., а экономисты..., пишущие прозой, благоразумно отклоняются. Скорее бы наступили эти времена!» [3, с. 342]. Институционалистика, как и статистика, эконометрика, этнометрика, экономикс, предполагает разработку и применение количественного анализа для экономических исследований институционального направления. В этом смысле данный термин используется впервые, так как он не принадлежит ни к одному известному нам научному категориальному аппарату: ни в социологии, ни в политологии, ни в праве.

С точки зрения лингвиста профессора В.И. Сенкевича, идеей институциональности могут быть объединены многочисленные явления языка/речи в различных областях знания. Названная идея изначально зародилась в экономической науке (Т. Веблен, У. Митчелл, Д. Кларк, Д. Коммонс) и плодотворно развивается экономистами в настоящее время [5; 6; 12; 19]. Термин *институт* происходит от латинского слова *institutum*, транслируемого на русский язык как «установление», «учреждение»; *институционализация (институализация)* – «становление», «закрепление», «упрочение», «фиксация». В валентности термина *институт* проявляется экстенциональная (по сути эволюционная) сущность институциональности. Об *институционалистике* говорится там, где есть момент становления, развития, а не функционирования [5, с. 130]. Поэтому то, что стало результатом становления и развития, должно быть описано и оценено исследователем, наблюдающим результаты такого процесса или явления.

«Становящееся становится (устанавливается) само, – продолжает профессор В. Сенкевич. – Нам ничего не остаётся, как закреплять, фиксировать, отмечать, регистрировать (в памяти, на бумаге, в праве и т.п.) то, что возникло, – результаты, явления, этапы и моменты становления» [5, с. 130]. И если все это имеет отношение к предмету институциональной парадигмы, который описывается логической парой «правило – действие» (в отличие от неоклассической «затраты – результат»), то естественным образом «институционалистика», использующая количественные методы исследования, должна иметь коренную основу, происходящую от слова «институт».

Процедура институционализации применяется к событийной и фактографической реальности, т.е. к бытию. В отличие от действительности, где что-то постоянно делается и преобразовывается (получает свою форму), в реальности нечто (субстанция) непрерывно происходит и превращается. В связи с этим возникает необходимость не оформить, но запечатлеть (поймать) моменты происходящего, придав им застывшее состояние, «поставить их на учёт», описать их качественно и количественно [5, с. 130]. Для реализации последней функции научного исследования и необходима методология институционалистики.

Цель исследования его объект и основные научные гипотезы

М. Локшин в недавней публикации в журнале «Вопросы экономики» сформулировал понятие научного метода следующим образом: «...Это набор приемов для изучения явлений и приобретения новых знаний, а также осмысления и уточнения уже полученных знаний». Развитие институционалистики с этой точки зрения и есть научный метод познания явлений институционального порядка. «При этом, – продолжает далее М. Локшин, – научный метод основан на сборе эмпирических, поддающихся измерению доказательств при помощи особых принципов ведения рассуждений» [3, с. 48]. Таким особым, принципом рассуждения в институционалистике является формулировка и доказательство теорем, создающих ее концептуальную основу и позволяющих исследователям формировать специальные методы сбора и обработки эмпирических данных.

Процесс исследования в науке (в том числе и в институционалистике) может принимать различные формы, но при этом он состоит из следующих этапов.

1. Формулировка требующего изучения исследовательского вопроса или группы вопросов, находящихся в рамках предмета исследования или на стыке нескольких наук. Для институционалистики это логическая пара «правило – действие», удовлетворяющая условию минимизации транзакционных издержек. Наличие такого этапа особенно важно учитывать молодым белорусским исследователям, которые зачастую, как показывают авторефераты диссертаций, попросту опускают его и начинают работу с использования уже готовой методики, попутно подбирая или подыскивая к ней те или иные исследовательские вопросы.

2. Анализ имеющейся информации по данной теме. Мы можем утверждать, что институционалистика – это совершенно новое направление исследований, сулящее значительные объемы научной новизны соискателям ученых степеней.

3. Выдвижение гипотез (основной и нескольких вспомогательных) и следующих из них предсказаний, то есть теоретического и гипотетического ответов на поставленные исследовательские вопросы. Проверка реалистичности сформулированных в виде гипотез ответов на исследовательские вопросы и является целью любого научного исследования.

4. Сбор, анализ и обработка данных. На этом этапе институционалистика предлагает использование специфических методов экономического, социологического и математического характера, которые позволяют непосредственно проверить правильность ответа на исследовательский вопрос.

5. Интерпретация результатов и формулировка выводов завершает научное исследование.

Итак, научное исследование, с нашей точки зрения, есть процесс, состоящий из большого числа этапов, включающих дифференцированные действия ученого и имеющий целью познание и получение объективного, подробного и содержательного отображения избранной части реальной действительности в природе, общественной, хозяйственной или культурной среде. Цель исследования синтезирует гипотетические ответы на исследовательские вопросы описательного, причинно-следственного и сущностного характера. На них должна отвечать рабочая гипотеза исследовательского проекта. Описательные вопросы в институционалистике реализуют ответы относительно количественных параметров процесса взаимосвязи качественного уровня институционального проекта и параметров соответствующей ему институциональной среды. Причинно-следственные вопросы определяют степень зависимости между указанными явлениями (проектом и средой). Исследовательские сущностные вопросы объясняют механизмы зависимостей между состоянием институциональной системы, определяющей нормативные характеристики институционального проекта, и существующими условиями хозяйствования в конкретной экономической системе.

Перечень группы гипотез, сформулированных на основе теоретической базы новой институциональной экономической теории, имеет следующий вид. Основная гипотеза предполагает, что оценка эффективности/неэффективности организационного проекта основана на введении в аналитическую работу экономистов категории трансакционных издержек, которые формируют исследовательские методики, ориентированные на ограниченную рациональность субъекта хозяйствования в рамках действующей институциональной среды, и повышают реалистичность прогностической и плановой работы. Вспомогательные гипотезы позволяют раскрыть структуру научного исследования.

Методика оценки институциональной эластичности проекта

В этом разделе мы находимся уже на четвертом этапе научного исследования, который должен продемонстрировать те специфические методы обработки данных, которыми располагает институционалистика. Однако, прежде чем перейти к их описанию, дадим некоторые определения.

Институциональный проект представляет собой совокупность некоторых формальных правил и нормативов. Первый этап исследования состоит в переходе от процедуры описания институционального проекта к процессу его идентификации, выделения переменных, установления вида и параметров экономико-математической модели. Для последующего анализа и моделирования институционального проекта с учетом некоторого упрощения при установленных ограничениях выбирается два фактора, влияющих на его характеристики, так как третий переводит моделирование в трехмерное пространство. Далее процесс эконометрического моделирования развивается с использованием корреляционного анализа и построением регрессионных моделей институционального проекта [8, с. 50; 12, с. 132; 16, с. 46; 17, с. 83]. Пока в рамках институционалистики освоено лишь так называемое «плоское моделирование»; дальнейшее развитие этого направления мы связываем с использованием более развитого математического инструментария, в чем нам могут оказать незаменимую помощь математики, которых мы и приглашаем к взаимному сотрудничеству.

Второй этап работы связан с моделированием условий функционирования институционального проекта, то есть с необходимостью осуществления всех перечисленных выше этапов моделирования, но в отношении институциональной среды. Формализация модели институциональной среды представляется еще более сложной задачей, нежели формализация институционального проекта. И здесь многое зависит от навыков

и новаторства субъекта моделирования, его способности проникнуть в сущностные процессы функционирования институциональной среды и давать им адекватные характеристики. Следует также учитывать, что в социальных науках применение моделей не является гарантией или предпосылкой высокого уровня и качества исследования. В данной области знания трудно вообще говорить о четких доказательствах в строгом смысле слова. Однако этот факт не свидетельствует о том, что от количественных исследований необходимо отказаться. Любой измерительный результат имеет свою полезную нагрузку.

Показателем институциональной эффективности служит коэффициент эластичности институционального проекта (E_i) к действующей институциональной среде, который в общем виде представляется следующим образом: $E_i = a_{ij} / I_{is.}$, а для прикладных расчетов в виде: $E_i = [\pm] p_{iM} \sigma_i / \sigma_M$ [8, с. 50; 12, с. 132; 16, с. 46; 17, с. 83].

Кроме прочего, формула расчета институциональной эластичности требует оценки изменений колебаний ценовых норм в рамках того объекта, где предполагается его внедрение. В расчетах коэффициента институциональной эластичности учитываются также результаты качественного анализа эффективности функционирования формальных правил в институциональной среде. В результате графического сопоставления регрессионных моделей институционального проекта и соответствующей среды и проведенных расчетов определяется параметр корреляции между регрессионными моделями, сформированными в результате внедрения инновационного институционального проекта в соответствии с требованиями целевой функции $TRC \rightarrow \min$, к условиям институциональной среды эффективности [12]. Если, например, он составляет $p_{iM} = 0,69$, а среднее квадратическое отклонение, учитывающее изменения ценовых норм в результате внедрения проекта в организации, составляет: $\sigma_i = 17\%$, в то время как $\sigma_M = 15\%$, то значение коэффициента институциональной эластичности (в соответствии с вышеприведенной формулой) будет равно: $E_i = [+] 0,69 [17/15] = 0,77$.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блауг, М. Методология экономической науки / М. Блауг. – М. : «ЖВЭ», 2004. – 415 с.
2. Гребнев, Л. О предмете экономической науки / Л. Гребнев // Вопросы экономики. – 2007. – № 8. – С. 134–146.
3. Коуз, Р. Нобелевская лекция «Институциональная структура производства» / Р. Коуз // Природа фирмы. – М. : Дело, 2001. – С. 341–351.
4. Локшин, М. Использование научного метода в российских исследованиях бедности / М. Локшин // Вопросы экономики. – 2008. – № 6. – С. 46–58.
5. Сенкевич, В.И. Лингвистический институционализм / В.И. Сенкевич // Весн. Брєсцкага ўн-та. Сер. фїлалагїчных навук. – 2009. – № 2 (12). – С. 130–141.
6. Ходжсон, Дж. Что такое институты? / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. – 2007. – № 8. – С. 28–49.
7. Черновалов, А.В. Теорема институциональной эффективности и основные критерии оценки результатов разрешения хозяйственных споров / А.В. Черновалов // Вестник хозяйственного суда Респ. Беларусь. – 2007. – № 12. – С. 189–205.
8. Черновалов, А.В. Новые университетские курсы: экономическая теория права и институционалистика / А.В. Черновалов, Ж.В. Черновалова // Весн. Брєсцкага ўн-та. Сер. гуманїтарных і грамадскїх навук. – 2008. – № 3 (34). – С. 44–56.
9. Черновалов, А.В. Институционалистика: начала количественного анализа в НИЭТ / А.В. Черновалов // Развитие прикладных экономических исследований на ос-

нове институциональной теории и методологии : материалы междунар. науч.-практ. конф., Брест, 29–30 апреля 2008 г. – Брест : Альтернатива, 2008. – С. 20–27.

10. Черновалов, А.В. Институционалистика: императивы формирования новой дисциплины / А.В. Черновалов // Социально-экономические проблемы эффективности воспроизводства и управления интеллектуальным капиталом : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 19.10.2008 г. – М. : Дашков и К., 2009. – С. 126–135.

11. Черновалов, А.В. Институционалистика: теория методология, прикладные аспекты / А.В. Черновалов. – Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 9–10 июня 2009 г. – Брест : Альтернатива, 2010. – С. 21–27.

12. Черновалов, А.В. Институционалистика : монография / А.В. Черновалов. – Брест : БрГУ. – 2010. – 235 с.

13. Шаститко, А.Е. Новая институциональная экономическая теория / А.Е. Шаститко – М. : THESIS, 1998.

14. Эльстер, Ю. Социальные нормы и экономическая теория / Ю. Эльстер. – М. : THESIS, 1993.

15. Coase, R. The Nature of the Firm / R. Coase. // *Economica*, 1937. – № 4.

16. Charnavalau, A. Nowe twierdzenie o efektywności instytucjonalnej jako rozwinięcie teorematu R. Coase'a / A. Charnavalau // *Zeszyty Naukowe Akademii Podlaskiej, Seria : Administracja i Zarządzanie*. – № 84. – 2010. – С. 33–47.

17. Charnavalau, A. Instytucjonalistyka – metodologiczną podstawą oceny działań gospodarczych w Białorusi / A. Charnavalau // *Nowa ekonomia instytucjonalna wobec kryzysu gospodarczego* : материалы междунар. науч.-практ. конф., Kielce, 9–10.06.2010. – Kielce, Wyd-wo Wyższej Szkoły Ekonomii i Prawa, 2010. – S. 75–86.

18. North, D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* / D.C. North. – The Cambridge University Press, 1990.

19. Rudolf, S. Wpływ nowej ekonomii instytucjonalnej na rozwój nauk o zarządzaniu / S. Rudolf // Институционалистика: теория, методология, прикладные аспекты : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Брест : Альтернатива, 2010. – С. 8–14.

20. Williamson, O.E. *Ekonomiczne instytucje kapitalizmu. Firmy, rynki, relacje kontraktowe* / O.E. Williamson. – Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 1998. – S. 30.

Chernovalov A.V. Institutionalistics

New methods of designing and forecasting of possible consequences are shown from the realisation of insitutoinal projects which can be used with decision-making of the necessity of their introduction. the example of a combination is considered by the researcher of sociological and economic instruments of the analysis with the aim of object studying insitutoinal character. Concepts, meanings and categories are shown in a new insitutoinal economic theory by O. Williamson who has founded this theory and became the Nobel prize winner in area of economic in 2009.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.03.2011

ПРАВА

УДК 343.8(476)

Е.С. Богдан

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Развитие предпринимательства и возрождение естественного правового порядка в вопросе о равенстве частной и публичной форм собственности оказывают позитивное воздействие на развитие гражданского и хозяйственного законодательства. В свою очередь, эти процессы опосредуют необходимость приведения в соответствие с требованиями времени всего массива нормативных правовых актов, регулирующих порядок рассмотрения и разрешения коллизий и деликтов в хозяйственном обороте и многообразной сфере частно-публичных (имущественных и неимущественных) отношений. В статье рассмотрены отдельные вопросы исполнения судебных постановлений и актов иных юрисдикционных органов: произведен как теоретический, так и практический анализ некоторых элементов статуса и процессуальных действий участников исполнительного производства, направленных на реализацию защиты прав субъектов в гражданском обороте.

Введение

Защита прав и свобод человека и гражданина, являясь обязанностью государства, обеспечивается правосудием. Это означает, что защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт своевременно не исполняется. Государство, в свою очередь, должно законодательно регламентировать эффективный механизм реализации судебных решений, наделив орган или должностное лицо, обязанное осуществлять такую публичную функцию, адекватными полномочиями принудительного характера. Нельзя не согласиться с мнением российского правоведа А.В. Чекмаревой, проблема защиты прав человека в современной действительности стала перерастать из ведомственной в общегосударственную и даже международную (ввиду ратификации государством международных договоров и соглашений, направленных на защиту прав личности).

В последнее время можно наблюдать постоянный рост количества граждан, умеющих самостоятельно отстаивать свои права, пользоваться нормами отдельных законодательных актов. Однако следует отметить и существование ряда сдерживающих экономико-правовое развитие общества явлений, таких как правовая неосведомленность населения, несовершенство и пробелы в законодательстве, регулирующем, в частности, процесс исполнительного производства. На помощь гражданам в защите нарушенных прав стали приходить структуры, не всегда действующие в рамках закона.

Изучение рассматриваемого правового поля позволяет уже сегодня заключить, что исполнительное производство как хозяйственного, так и гражданского процессов Республики Беларусь переживает время перемен. Не последнюю роль в данном направлении сыграл российский и зарубежный правовой опыт. Однако, как показывает правоприменительная практика, по проблеме защиты прав человека в исполнительном производстве накоплен не только положительный, но и негативный материал, требующий дальнейшего теоретического осмысления.

Надо заметить, что наибольшее внимание в юридическом научном мире уделено проблеме места и роли исполнительного производства. В этой связи большую значимость имеют работы М.Т. Авдюкова, Р.Х. Валеевой, А.К. Сергун, М.К. Юкова, В.С. Каменкова, П.А. Васьковского. Важное значение в свете изучаемой темы имеют

исследования, отражающие специфику современного исполнительного производства и перспективы его развития. Центральное место в литературе названного направления занимают труды О.В. Исаенковой, В.М. Шерстюка, В.В. Яркова, В.С. Каменкова.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что детальное освоение отдельных вопросов исполнения судебных постановлений и актов иных юрисдикционных органов, а именно анализ отдельных элементов статуса и процессуальных действий его участников, позволит сформировать достаточную теоретическую основу для возможного совершенствования изучаемого правового института.

Понятие и функции контроля в исполнительном производстве

Надо заметить, что формирование и правовая регламентация деятельности Службы судебных исполнителей хозяйственных судов в определенной степени отражает своеобразный показатель усиления роли внутриведомственного контроля. При этом органы исполнения при осуществлении своих полномочий наделены определенной административной властью, то есть они могут давать соответствующие предписания, а в случае их невыполнения – принимать меры воздействия [3, с. 41].

По нашему мнению, в целом контроль, осуществляемый участниками исполнительного производства, можно свести к трем основным функциям: 1) лица, участвующие в исполнительном производстве, имеют право подавать жалобы на действия (бездействие) судебного исполнителя; 2) лица, участвующие в исполнительном производстве, имеют право предъявлять иски по различным обстоятельствам, возникающим в отношениях по принудительному исполнению; 3) лица, участвующие в исполнительном производстве (главным образом, должники), имеют право заявлять ходатайства о повороте исполнения.

Также хотелось бы заметить, что в виду достаточно широкого круга возможных участников в процессе исполнения судебных актов и актов иных юрисдикционных органов по отношению к ним следовало бы применить законодательно общий термин – «лица, участвующие в исполнительном производстве». Исходя из того, что исковой способ защиты является более универсальным, так как в процессе осуществления правосудия по заявленным исковым требованиям субъектный состав значительно шире, нежели по иным видам судопроизводств, предъявлять иски в суд в ходе исполнения судебного решения или иного юрисдикционного акта имеют право не только взыскатель и должник, как это преимущественно наблюдается при обжаловании постановлений, действий (бездействия) судебного исполнителя, но и иные лица, которые не принимали непосредственного участия в исполнительном производстве.

По действующему хозяйственному процессуальному законодательству Республики Беларусь, одной из процессуальных гарантий защиты прав и интересов субъектов хозяйствования является возможность предъявления жалобы в порядке апелляции, кассации и протеста в порядке надзора лицами, не принимавшими участия в деле, если постановления хозяйственного суда первой инстанции затрагивают их права и законные интересы, то есть влияют на их правовое положение в хозяйственном обороте [9]. Отметим, что вступление подобной категории лиц в процесс осуществления исполнения судебного постановления сегодня предусмотрено и Инструкцией по исполнительному производству в хозяйственных судах Республики Беларусь № 21 в действующей редакции (далее – Инструкция), в случае когда права и интересы заинтересованных лиц нарушены действием (бездействием) судебного исполнителя (под бездействием понимается уклонение судебного исполнителя от исполнения своих обязанностей, выразившееся в непроведении по находящемуся у него на исполнении исполнительному производству действий, которые возложены на него правовыми актами) [6]. Таким образом, иски, предъявляемые в ходе исполнения судебного решения или иного юрисдикцион-

ного акта, подразделяются нами на две группы: иски лиц, участвующих в исполнительном производстве, и иски лиц, не участвующих в исполнительном производстве.

Лица, участвующие в исполнительном производстве, такие как взыскатель, должник, представители сторон, прокурор, органы государственного управления и местного самоуправления, могут, к примеру, предъявлять следующие виды исков: иск о возмещении вреда, причиненного неправомерными действиями судебного исполнителя; иск о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами; иск о признании сделок по отчуждению имущества, принадлежащего должнику, недействительными; иск о взыскании расходов по розыску; иск о признании недействительными торгов. В свою очередь, лица, не участвующие в исполнительном производстве, имеют право предъявлять: иск о возмещении вреда, причиненного неправомерными действиями судебного исполнителя; иск об освобождении имущества от ареста и об исключении его из описи; регрессный иск к виновному лицу при неисполнении исполнительного документа о восстановлении на работе. Указанные виды исков не являются исчерпывающими, так как средства защиты в исполнительном производстве находятся в постоянном развитии. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что сегодня необоснованно, на наш взгляд, в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПиКоАП) отсутствует регламентация возможности обжалования «иными заинтересованными лицами, не принимавшими непосредственного участия в административном процессе», постановлений и действий (бездействия) органа или лица, ведущего административный процесс, в случае, если права и интересы данной категории субъектов затронуты решением государственного органа или должностного лица. Считаем, что целесообразно дополнить ПиКоАП соответствующими нормами по аналогии с уже действующими правилами Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь в действующей редакции (далее – ХПК) и Инструкции.

Исполнительный документ – основание к восстановлению прав субъектов хозяйствования

Развитие предпринимательства и возрождение естественного правового порядка в вопросе о равенстве частной и публичной форм собственности оказывают позитивное воздействие на развитие гражданского и хозяйственного законодательства. В свою очередь, эти процессы опосредуют необходимость приведения в соответствие с требованиями времени всего массива нормативных правовых актов, регулирующих порядок рассмотрения и разрешения коллизий и деликтов в хозяйственном обороте и многообразной сфере частно-публичных (имущественных и неимущественных) отношений.

Действующие кодифицированные законы Республики Беларусь в своем большинстве включают перечень основных правовых значений, однако из-за чрезмерной тавтологичности они, по нашему мнению, не раскрывают в достаточной мере сущности правовых терминов.

По общему правилу, исходя из смысла ХПК, исполнительные документы – это документы, являющиеся основанием для возбуждения исполнительного производства и совершения судебным исполнителем действий по принудительному исполнению судебных решений и решений других органов. Соответственно, исполнение исполнительного документа – сфера ведения именно судебного исполнителя, так как им осуществляется процедура исполнения, контроль за добровольным исполнением, а также принудительное исполнение, посредством совершения исполнительных действий и т.д. Следовательно, выделяя в разделе 4 «Исполнительное производство» статьи 329 ХПК «постановления государственных органов и должностных лиц в части имущественных

(финансовых) взысканий» в качестве исполнительных документов, законодатель также предполагает их реализацию Службой судебных исполнителей.

Однако действующий Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП), регулирующий исполнение постановлений о наложении административных взысканий, говорит об исполнении актов государственных органов и должностных лиц самими должностными лицами этих органов. Соответственно, законодатель, определив в статье 329 ХПК постановления государственных органов в качестве одного из отдельных видов исполнительных документов, предусматривает их реализацию все же самим должностным лицом по итогам административного процесса, а не судебным исполнителем – по итогам судебного.

Таким образом, в качестве частного вывода хотелось бы отметить следующее: сфера деятельности судебного исполнителя – исполнение постановлений хозяйственного, третейского, иностранного, международного арбитражного судов; в свою очередь, постановления государственных органов и должностных лиц не могут, на наш взгляд, являться исполнительными документами в хозяйственном судопроизводстве, так как в данном случае необходимо наделить и соответствующие государственные органы и должностных лиц идентичными судебному исполнителю правами и обязанностями, что, по сути своей, алогично. Возникает вопрос, какую цель преследовал законодатель, выделяя постановления государственных органов и должностных лиц в части имущественных (финансовых) взысканий в качестве исполнительного документа, когда, во-первых, их исполнение не относится к компетенции судебных исполнителей, а во-вторых, не подлежит исполнению в порядке, установленном ХПК.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что возможность взыскания или исполнения требования согласно постановлению государственного органа установлена рядом законодательных актов, в том числе Налоговым кодексом Республики Беларусь, Бюджетным кодексом Республики Беларусь, ПИКоАП и иными. Согласно указанным нормам законодательства, исполнение производится самим должностным лицом, и только в случае необходимости принудительной реализации требований акта государственного органа, последний направляет представление о наложении административного взыскания в отношении индивидуального предпринимателя или юридического лица и другие документы в хозяйственный суд, где в процесс вступает судебный исполнитель, действующий уже на основании положений ХПК [9]. Очевидно, что хозяйственный суд при исполнении своего исполнительного документа, в частности, судебного приказа вправе приостановить, возобновить исполнительное производство, провести процедуру правопреемства, отсрочить или рассрочить исполнение и т.д.

Хотелось бы отметить, что факты, дающие основания для рассрочки и отсрочки решения суда, Н.Б. Зейдер называл «специальными суждениями суда», имеющими дополнительный характер, стоящими за пределами спорного отношения [2, с. 85]. В.Ф. Кузнецов указанную деятельность суда называет «конкретизирующей» и подчеркивает, что при конкретизации решения суд не признает за взыскателем новых субъективных прав, не возлагает на должника новых обязанностей. Но при этом «специальные суждения» и «конкретизирующая деятельность суда» тесно связаны именно с решением суда [4, с. 305]. По этой причине никакой иной орган не должен осуществлять такие действия.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что произвести отсрочку либо рассрочку исполнения по иному исполнительному документу, выданному другим государственным органом, к примеру, при исполнении постановления органа Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты в части имущественных взысканий, суд не имеет полномочий. Другими словами, если судебный исполнитель

хозяйственного суда должен исполнить исполнительный документ государственного органа (что вытекает из смысла статьи 329 ХПК), то все указанные выше вопросы должен разрешать непосредственно сам государственный орган.

Законодатель изначально устранил судебного исполнителя из процесса исполнения рассматриваемых постановлений, несмотря на то что фактически закрепил за данным видом актов статус именно исполнительного документа. Таким образом, на наш взгляд, проводя анализ вопроса о природе исполнительного документа, необходимо в первую очередь разграничить понятия «исполнительный документ» и «акт, подлежащий исполнению», которые априори не равнозначны, хотя иногда на практике происходит пересечение или даже совпадение функций данных правовых явлений. Некоторая часть актов, подлежащих исполнению в рамках хозяйственного судопроизводства, являются основанием для исполнения, если они имеют характер имущественного взыскания, то есть если в них установлена обязанность должника имущественного характера. В частности, это постановления государственных органов и должностных лиц в части имущественных (финансовых) взысканий по делам об административных правонарушениях. Если акт, подлежащий исполнению, – это юрисдикционный акт по защите права в целом, то исполнительный документ, это резолютивная часть данного постановления. Однако для актов, принимаемых государственными органами и должностными лицами, законодательством предусмотрен либо порядок выдачи исполнительного документа судом либо, что более, на наш взгляд, относится к рассматриваемому вопросу, одновременное выполнение ими функций акта, подлежащего исполнению, и исполнительного документа [7]. При этом не происходит подмены двух правовых понятий и не утрачивается специфика исполнительной и судебной систем.

По нашему мнению, коллизия, требующая законодательного разрешения, следует из норм статей 328, 329 ХПК, 15.2 ПИКоАП. Статья 328 ХПК называет «иные акты, подлежащие исполнению», в сферу действия которых могли бы попадать как раз постановления государственных органов (последние, в частности, в указанной норме не упоминаются). Однако, по действующему законодательству, их реализация отнесена к компетенции судебного исполнителя, без поправки на редакцию ПИКоАП, где исполнение актов государственных органов и должностных лиц отнесено к компетенции самих органов и лиц. Таким образом, считаем целесообразным устранить часть 5 из статьи 329 ХПК и, соответственно, пункт 4 статьи 5 Инструкции по исполнительному производству в хозяйственных судах Республики Беларусь в действующей редакции: «постановления государственных органов и должностных лиц в части имущественных (финансовых) взысканий». Данный шаг позволит откорректировать круг полномочий судебного исполнителя, закрепив статус исполнительного документа как основания для реализации его полномочий. Это также приведет в соответствие нормы ХПК и ПИКоАП в части исполнения постановлений государственных органов и должностных лиц – участников административного, а не судебного процесса.

Поворот исполнения в хозяйственном процессе

Рассматривая вопрос о процессуальном статусе лиц, участвующих в исполнительном производстве, хотелось бы остановиться на кратком анализе такого правового института, как «поворот исполнения».

Действующее законодательство предусматривает поворот исполнения в отношении судебных постановлений (статья 334 ХПК), а также в отношении постановлений государственных органов по делам об административных правонарушениях (статья 12.15 ПИКоАП). Анализ соответствующей правоприменительной практики показывает, что возврат должнику всего того, что было с него взыскано в пользу истца, возможен только в тех случаях, когда было отменено основание для выдачи исполнитель-

ного документа. Однако в разряд исполнительных документов или актов, подлежащих исполнению, действующие ХПК и Инструкция, иные законодательные акты включают также несудебные акты – постановления государственных органов в части имущественных взысканий: например, постановление судебного исполнителя, приказ местного финансового органа, приказ органа Комитета государственного контроля (п. 2 ст. 146 Бюджетного кодекса Республики Беларусь). Следовательно, чтобы произвести поворот исполнения акта государственного органа, необходимо отменить непосредственно его действие. Однако по законодательству Республики Беларусь, субъект хозяйствования (участник процесса) может прибегнуть лишь к процедуре либо обжалования, либо оспаривания действий (актов) государственного органа в судебном порядке (статья 42 ХПК). В итоге суд выносит определение, содержание которого обязывает конкретный государственный орган совершить определенное действие или отказаться от его совершения (глава 25 ХПК). Мы же анализируем возможность поворота исполнения несудебного акта, а рассмотренная выше процедура учреждает своеобразный обязательный судебный порядок поворота исполнения.

Следовательно, согласно нормам ХПК, признавая постановление государственного органа в качестве исполнительного документа («акта, подлежащего исполнению»), и в связи с отсутствием «общей» административной процедуры отмены постановления судебного исполнителя, приказа местного финансового органа и т.д. (в виде обжалования акта или действия – в вышестоящий орган) целесообразно, на наш взгляд, дополнить перечень судебных актов, по которым производится поворот исполнения, за счет отмены и несудебных актов, являющихся также исполнительными документами. В данном случае отмена несудебного исполнительного документа возможна будет самим органом, его вынесшим, или вышестоящим должностным лицом. Например, постановление судебного исполнителя об обращении взыскания на денежные средства должника может быть обжаловано в порядке подчиненности вышестоящему должностному лицу (старшему судебному исполнителю), который вправе будет признать жалобу обоснованной и отменить полностью или частично вынесенное постановление. В данном варианте учреждается общая законодательная возможность субъектов хозяйствования прибегнуть к повороту исполнения также в порядке административного, а не только судебного процесса.

Сущность эффективности исполнительного производства

На основе существующих мнений в теории и практике сделан вывод о том, что эффективность права является результирующей характеристикой его действия, свидетельствующей о способности закона решать соответствующие социально-правовые проблемы [1, с. 116]. Одновременно с этим эффективность – это функционально-целевая категория, характеризующая сознательную, общественно значимую деятельность человека и его социальных институтов [1, с. 124].

При рассмотрении эффективности норм исполнительного производства как динамической категории, выступающей «гарантом» развития предпринимательских отношений, вполне оправдано ее определение в виде соотношения между фактическим результатом действия закона и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты. Таким образом, эффективной должна быть признана не всякая результативная деятельность, а только деятельность, осуществляемая выше среднего уровня (50%) результативной деятельности. Так, по данным хозяйственных судов Республики Беларусь в целом по республике в 2010 году отношение количества исполнительных производств, оконченных фактическим исполнением, к общему количеству оконченных составило более 50%, что свидетельствует об эффективности исполнительного производства выше среднего уровня [5].

Действенность права выражает степень соответствия уровня конфликтности регулируемых правовыми нормами отношений оптимальному уровню конфликтности в данной сфере. Считаем, данный тезис может найти практическое применение как при оценке качества проведения судебной защиты в целом, так и при анализе отдельных ее этапов, в частности, при исследовании результативности исполнительного производства. Это является достаточно актуальным фактором гарантии защиты прав и интересов субъектов хозяйствования. Повышение эффективности исполнительного производства, на наш взгляд, целесообразно связывать также с внедрением института частных судебных исполнителей. Подобную теорию активно разрабатывают такие российские правоведы, как В.В. Ярков, Е.Н. Кузнецов, И.В. Кириленко, М.Ю. Дымкина, А.А. Игнатенко, Г.Д. Улетова. Отметим, что в Российской Федерации уже сейчас возможно осуществление исполнения (поиск должника, его имущества, переговоры с должником, взаимодействие с органами принудительного исполнения по договору поручения) через лиц, избираемых взыскателем. Это могут быть адвокаты, судебные приставы, ушедшие с основной работы, иные лица, оказывающие юридическую помощь в сфере исполнительного производства [8, с. 320].

Таким образом, если рассматриваемую область правового регулирования более упорядочить (создать на принципах саморегулирования специальные агентства, ввести в «электронную базу хозяйственных судов» списки наиболее опытных и авторитетных, например, бывших судебных исполнителей) при сохранении государственной модели принудительного исполнения, то образуется возможность обеспечения приемлемого уровня оказываемых юридических услуг в процессе защиты. Одновременно можно было бы избежать наиболее существенного недостатка частной модели исполнительного производства – ее одностороннего характера – и добиться пользы не только для взыскателя, но и для общества в целом. Тем более что одним из гарантов осуществления предпринимательской деятельности субъектами хозяйственного оборота является действие принципа диспозитивности. Поэтому было бы целесообразным не лишать участника правоотношений возможности осуществить собственный выбор при восстановлении своих интересов путем предпочтения частноправовых методов защиты либо путем использования государственно-правовых механизмов.

Так, проблема, связанная с исполнением судебного постановления, на практике часто пересекается с необходимостью реализации имущества должника. Действующее законодательство предполагает проведение обязательной процедуры торгов, если вопрос касается реализации объекта недвижимости. Как известно, указанной процедуре предшествует процесс оценки имущества, т.е. оценки объекта недвижимости. Самостоятельно произвести подобную оценку по закону судебный исполнитель не вправе, поэтому в исполнительное производство вступает такой участник, как оценочная или экспертная организация. Согласно пункту 70 главы 16 Инструкции, для установления рыночной стоимости предварительно оцененного имущества судебный исполнитель привлекает государственную организацию или организацию, доля государственной собственности в уставном фонде которой составляет более пятидесяти процентов, осуществляющую оценочную деятельность. Отметим, что количество государственных экспертных учреждений в данной области не велико. Причем расположены данные учреждения, безусловно, в республике неравномерно. То есть если для города Минска ситуация по оценке недвижимости не вызывает проблем (в городе Минске экспертных учреждений несколько), то для Брестской области ситуация не так благополучна. Служба судебных исполнителей хозяйственного суда Брестской области вынуждена обращаться в единственное Агентство по государственной регистрации и земельному кадастру, расположенному в городе Бресте. Однако срок оказания услуги по оценке может превышать несколько месяцев, что, безусловно, не является показателем эффек-

тивности восстановления защиты интересов сторон в исполнительном производстве. Поэтому внедрение частноправовых механизмов в процедуру принудительного исполнения предоставит возможность заключения судами договоров с негосударственными экспертными учреждениями, которые будут заинтересованы, а главное, способны оказать услуги по оценке имущества в разумные сроки. Подобное законодательное решение позволит не только реализовать основную функцию исполнительного производства, но и «разгрузит» в значительной степени самих судебных исполнителей, а следовательно, будет способствовать повышению качества исполнения в целом.

Заключение

1. Исполнение решений суда является одним из основных элементов функционирования судебной системы любого государства. В этой связи в качестве приоритетных задач органов власти мы видим устранение искаженных форм разрешения «споров» в целях минимизации рисков ведения бизнеса, а также совершенствование юридической техники в целях своевременного правового регулирования процедуры исполнения. Данные меры позволят, на наш взгляд, повысить инвестиционную и экономическую привлекательность страны на международной арене, так как выступят гарантом механизма защиты прав и интересов субъектов хозяйствования.

2. Ввиду достаточно широкого круга возможных участников в процессе исполнения судебных актов и актов иных юрисдикционных органов по отношению к данной группе субъектов, по нашему мнению, следует применять законодательно общий термин – «лица, участвующие в исполнительном производстве».

3. Контроль, осуществляемый участниками исполнительного производства, можно свести к трем основным функциям: лица, участвующие в исполнительном производстве, имеют право подавать жалобы на действия (бездействие) судебного исполнителя; лица, участвующие в исполнительном производстве, имеют право предъявлять иски по различным обстоятельствам, возникающим в отношениях по принудительному исполнению; лица, участвующие в исполнительном производстве (главным образом должники), имеют право заявлять ходатайства о повороте исполнения.

4. Считаю целесообразным устранить часть 5 статьи 329 ХПК и пункт 4 статьи 5 Инструкции «постановления государственных органов и должностных лиц в части имущественных (финансовых) взысканий». Данные меры позволят, на наш взгляд, откорректировать круг полномочий судебного исполнителя, закрепив статус исполнительного документа как основания для реализации его полномочий. Это также приведет в соответствие нормы ХПК и ПиКоАП в части исполнения постановлений государственных органов и должностных лиц – участников административного, а не судебного процессов.

5. Целесообразно законодательно дополнить перечень судебных актов, по которым производится поворот исполнения, за счет отмены несудебных актов, являющихся также исполнительными документами.

По нашему мнению, определение эффективности правовых норм исполнительного производства можно представить в виде соотношения между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты. Повышение эффективности в рамках осуществления процесса принудительного исполнения целесообразно сегодня связывать с внедрением института частных судебных исполнителей, а также участием негосударственных экспертных учреждений по оценке имущества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валеев, Д.Х. Предмет и метод правового регулирования отношений, возникающих в исполнительном производстве / Д. Х. Валеев // Исполнительное производство / под общ. ред. Я.Ф. Фархтдинова. – изд. СПб. : Питер, 2003. – 425 с.
2. Викут, М.А. Еще раз о правовой природе исполнительного производства / М.А. Викут // Актуальные проблемы процессуальной цивилистической науки : материалы 6-ой науч.-практ. конф., Саратов, 2003 г. – Саратов : СГЛП, 2003. – С. 85–86.
3. Исаенкова, О.В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук / О.В. Исаенкова. – Саратов, 2003.
4. Исаенкова, О.В. Дискуссия об исполнительном производстве / О.В. Исаенкова // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. – М., 2004. – С. 305–306.
5. Итоговые сведения о работе Службы судебных исполнителей хозяйственных судов Республики Беларусь за 2010 год. [Электронный ресурс] / официальный сайт Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа : <http://www.court.by>. – Дата доступа : 28.02.2011.
6. Об утверждении Инструкции по исполнительному производству в хозяйственных судах Республики Беларусь : Постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 ноября 2009 года № 21 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – 151 с.
7. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Закон Республики Беларусь от 20 декабря 2006 года // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – 448 с.
8. Улетова, Г.Д. Сравнительный анализ исполнительного производства по законодательству Казахстана и России / Г.Д. Улётова // Заметки о современном гражданском и арбитражном праве / под ред. М.К. Треушникова. – М. : Городец, 2004. – С. 315–325.
9. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 31 января 2011 года // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – 369 с.

Bohdan E.S. The Procedural Aspects of the Defense of the Subjects' Rights in the Executory Process of the Economic Procedure of the Republic of Belarus

The development of business and the rebirth of an original legal order in the sphere of privacy is affect on the civil and on the economic legislatives. At the same time, these processes have to coordinate all legal acts about justice in accordance up-to-date. In the article, the author investigates the questions of compulsory execution of writs and other acts of state organs. Some elements of the status and procedural activity of the executory process participants' are analyzed by the theoretical and by the practical aspects. All these measures are to realize for the defense of subjects' rights in the sphere of amount of business.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.03.2011

УДК 343.98

Р.Г. Зорин

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ФАКТА ОКАЗАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ПСИХИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются актуальные проблемы распознавания фактов оказания неправомерного психического воздействия в уголовном судопроизводстве. Исследуется правовая природа, признаки и свойства неправомерного психического воздействия на личность в уголовном процессе. Определен ряд обстоятельств, подлежащих установлению в случаях дачи правовой оценки фактам оказания неправомерного психического воздействия в уголовном процессе. Исследуется проблемы разграничения правомерного психического и тактического воздействия, а также неправомерного психического и правомерно негативного воздействия на личность в сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что взаимодействие субъектов уголовно-процессуальных правоотношений осуществляется посредством именно психического воздействия в вербальной и невербальной формах, а психическое воздействие является единственным связующим звеном межличностного общения, в том числе в сфере уголовно-процессуальных правоотношений. Проблемы правовой оценки фактов оказания неправомерного психического, тактического воздействия заключаются в известных затруднениях на практике распознавания неправомерного психического, тактического воздействия, определения его признаков и свойств, а также правовых условий допустимости правомерного психического, тактического воздействия в уголовном судопроизводстве. Психологи утверждают, что всякое воздействие на личность (вербальное или невербальное, непосредственное или опосредованное) является психическим. «Воздействие на человека есть процесс передачи информации от субъекта воздействия посредством различных методов и средств отражения этой информации в психике данного лица, способной вызвать соответствующую реакцию, которая проявляется в его поведении, деятельности, отношениях, состояниях, становясь доступной для восприятия воздействующим посредством обратной связи» [1, с. 13]. Под влиянием, по мнению Д.А. Зарайского, понимается «изменение состояния, поведения, личностно-смысловых образований партнера, его намерений, установок, ожиданий, целей, мнений, решений, представлений, потребностей, действий, переживаний, оценок и проч.» [2, с. 30]. «Контакт нацелен на формирование психологического пространства взаимодействия. Любое событие, происходящее в этом пространстве кем-то из коммуникаторов инициируется специфическим образом, организуется, направляется и контролируется» [3, с. 30]. Психическое воздействие субъекты уголовного процесса оказывают в процессе следственных и иных уголовно-процессуальных действий. Всякое уголовно-процессуальное действие, ставящее задачей собирание, проверку и оценку доказательств объективно всегда несет собой психическое воздействие на личность в результате взаимодействия между субъектами правоотношений. Психическое воздействие в деятельности по осуществлению правосудия весьма специфично, так как методы и приемы воздействия в уголовном процессе носят правовой характер, общение и взаимодействие субъектов находится в сфере правовых явлений, отношений. Поэтому избирательность психического, тактического воздействия в уголовном процессе зависит не только от субъекта (отправителя воздействия) и адресата воздействия, но и от научного, нормативного его обеспечения. Воздействие всегда должно строиться таким образом, чтобы не только полностью сохранялись, но дополнительно создавались стиму-

лы для активного психического участия лица, на которое оказывается воздействие в уголовном судопроизводстве. Направленность и содержание его определяются целями, процессуальными условиями, которые следует соблюдать и учитывать при осуществлении воздействия. А.В. Дулов в связи с этим совершенно справедливо отмечает, что «при оказании правомерного психического воздействия должна не только сохраняться свобода выбора занимаемой позиции, но и дополнительно должны создаваться стимулы, условия для изложения своей позиции, для ее выбора» [4, с. 165]. Проблемы исследования правовой природы психического воздействия в науке криминалистике занимались Р.С. Белкин, В.Л. Васильев, А.В. Дулов, Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов, Н.И. Порубов, А.Р. Ратинов, А.М. Столяренко Н.П. Хайдуков, Е.Н. Холопова. Любая единица общения (вербального или невербального) признается психическим воздействием на личность. Именно посредством психического воздействия речевой и неречевой форм коммуникации люди контактируют между собой во всех сферах деятельности. Уголовно-процессуальные правоотношения носят государственно-властный, распорядительный характер. Поэтому и общение (психическое воздействие) в данной сфере правовых отношений носит специфический, ситуационный характер.

Психическое воздействие выражается внешне посредством речи, ее содержания и в невербальной форме в рамках следственных, иных процессуальных, а также и во внепроцессуальных действиях. Распознавание психического воздействия (правомерного/неправомерного) во внепроцессуальных действиях в значительной степени затруднено в случае оказания его, например, посредством бездействия субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. Бездействие со стороны компетентных должностных лиц может быть выражено в виде игнорирования в рассмотрении или удовлетворении ходатайств, заявлений и жалоб, а со стороны непрофессиональных субъектов уголовного процесса в виде отказа от дачи показаний, от участия в следственном или иных процессуальных действиях. *Психическое воздействие – это всякое воздействие, которое значимо проявляется для личности (адресата воздействия) на интеллектуальном, волевом и психическом уровнях.* Любые формы взаимодействия в сфере уголовно-процессуальных правоотношений несут собой оказание психического воздействия на личность. Поскольку психическое воздействие находится в сфере отношений регулируемых законом, следовательно, в отдельных случаях и при определенных условиях, оно может или должно быть признано неправомерным. Психическое воздействие может оказать любой субъект уголовного процесса на своего оппонента независимо от занимаемого процессуального положения. В соответствии с требованиями УПК Республики Беларусь неправомерное психическое воздействие является недопустимым. Так, постановка вопросов наводящего характера признается в качестве неправомерного психического воздействия, т.е. является недопустимой. Понятие и признаки неправомерного психического воздействия на законодательном уровне не определены. Избрание средств и способов психического воздействия зависит от субъекта воздействия, от складывающейся процессуально-следственной ситуации, от волевого, интеллектуального, психического развития субъекта (отправителя воздействия) и субъекта (адреса воздействия), а также от их процессуального статуса. Безусловно, в силу многообразия складывающихся отношений в сфере уголовного процесса, невозможно их всецело подчинить законодательной регламентации. Однако процедура всех следственных, а также большинства уголовно-процессуальных действий предусмотрена уголовно-процессуальным законом.

Правовую оценку оказания неправомерного психического воздействия вправе и обязан давать орган, ведущий уголовный процесс, а также вправе давать иные лица (подозреваемый, обвиняемый, гражданский истец, гражданский ответчик, защитник, законный представитель) заинтересованные в исходе уголовного дела, имеющие лич-

ный гражданско-правовой и уголовно-правовой интересы в уголовном деле. Инициатором правовой оценки фактов оказания неправомерного психического воздействия вправе выступать любой субъект уголовно-процессуальных правоотношений, чьи законные права и интересы были нарушены вследствие оказания неправомерного психического тактического воздействия. Проблемным является распознавание самого факта оказания неправомерного психического, тактического воздействия, его правомерности, силы воздействия, условий и оснований его применения, адресности, направленности в целях диагностики и прогноза криминалистической ситуации. При осуществлении правовой оценки факта оказания неправомерного психического тактического воздействия установлению подлежат следующие обстоятельства:

- 1) личность субъекта – отправителя психического тактического воздействия;
- 2) адресат воздействия (абсолютно-определенный, относительно-определенный, неопределенный) при установлении избирательности воздействия;
- 3) степень интеллектуального, волевого и психического развития субъекта (отправителя воздействия) и субъекта (адресата воздействия);
- 4) негативные правовые последствия факта оказания неправомерного психического воздействия;
- 5) степень внушения психического тактического воздействия (прямое, косвенное, нейтральное);
- 6) соответствие требованиям целесообразности, эффективности, избирательности воздействия;
- 7) конструктивный или деструктивный характер воздействия;
- 8) мотивы, цели и задачи неправомерного психического воздействия;
- 9) тактический уголовно-процессуальный характер;
- 10) источник, а также причины и условия происхождения психического тактического воздействия;
- 11) этап деятельности в системе следственных процессуальных (неследственных) либо непроцессуальных действий, в рамках которого было отправлено психическое тактическое воздействие;
- 12) психологическая характеристика содержания воздействия;
- 13) осведомленность/неосведомленности оппонента в вопросах уголовного права и процесса;
- 14) длительность и интенсивность оказания негативного (неправомерного) психического тактического воздействия и его негативные правовые последствия;
- 15) способ отправления и восприятия тактического психического воздействия, оказано оно осознанно или неосознанно;
- 16) факт ошибочного восприятия субъектом – адресатом правомерного психического воздействия;
- 17) внешнее выражение оказания психического воздействия (письменно/устно) в процессуальной или непроцессуальной форме;
- 18) соответствие психического тактического воздействия нормам закона и тактическим требованиям;
- 19) соответствие психического, тактического воздействия нормам морали и профессиональной этики;
- 20) процессуальный статус субъектов отправителя и адресата воздействия;
- 21) умысел субъекта – отправителя воздействия (прямой/косвенный);
- 22) осознанность/неосознанность факта оказания, восприятия психического тактического воздействия;
- 23) место и время оказания неправомерного психического тактического воздействия.

Установление правомерности психического воздействия осложнено проблемностью его процессуального распознавания, а также разграничением психического и тактического воздействия. Тактическое воздействие осуществляется при условии соблюдения требований, предъявляемых к тактическим приемам:

- 1) законность;
- 2) научная, фактологическая и нормативная обоснованность;
- 3) не должно быть основано на оговоре, самооговоре;
- 4) не должно быть основано на шантаже и угрозах;
- 5) не должно быть основано на неосведомленности участников уголовного процесса в вопросах уголовного права и процесса [5, с. 220].

Психическое правомерное воздействие может носить и негативный характер с точки зрения его восприятия субъектом – адресатом воздействия. Следует отличать неправомерное психическое воздействие от правомерного тактического, влекущего за собой претерпевание субъектом уголовного процесса в установленном законом порядке ограничений и лишений ряда конституционных прав. Например, применение мер уголовно-процессуального принуждения, мер пресечения в отношении субъектов уголовно-процессуальных отношений. При условии соблюдения принципов и норм уголовно-процессуального права, при условии соблюдения законных прав и интересов личности и государства применение вышеуказанных мер будет признано допустимым, правомерным. Неправомерное психическое воздействие может быть оказано явно и латентно. В последнем случае выявление и установление факта оказания неправомерного психического воздействия в значительной степени осложняется либо остается невыявленным (латентным). Безусловно, данное обстоятельство негативно влияет на реализацию и отстаивание законных прав и интересов участников уголовно - процессуальных правоотношений. Неправильное понимание субъектами уголовного процесса сути происходящих событий, неправомерных действий или бездействия, в частности фактов, неправомерного психического воздействия со стороны процессуальных оппонентов может привести к допущению последними ошибок и процессуальных нарушений, в том числе существенных. Данное обстоятельство также необходимо учитывать в случаях правовой оценки исследуемых обстоятельств. К отличительным признакам неправомерного психического воздействия следует отнести:

- 1) деструктивное изменение процессуально-следственной ситуации;
- 2) деструктивное изменение психических процессов личности субъекта уголовно-процессуальных правоотношений;
- 3) деструктивное воздействие на личность в целях изменения показаний в интересах недобросовестного субъекта уголовно-процессуальных отношений;
- 4) деструктивное воздействие на личность субъекта уголовного процесса в целях введения его в заблуждение относительно происхождения истинных явлений, событий, фактов;
- 5) деструктивное воздействие на личность субъекта уголовного процесса в целях лишения или ограничения его законных прав и интересов, другие.

Доказательства и их источники, полученные с допущением существенных уголовно-процессуальных нарушений, юридической силы не имеют. Установленный факт оказания неправомерного психического воздействия является существенным нарушением и, как следствие, кассационным основанием, ведущим к отмене приговора суда. Представляется важным исследовать *закономерности преобразования существенного уголовно-процессуального нарушения* из одного качественного состояния в другое как в процессе его возникновения, формирования, так и при наступлении его негативных правовых последствий. Необходимым также является установление *момента возникновения обратимости/необратимости наступления негативных правовых последствий в*

результате допущения и совершения существенного уголовно-процессуального нарушения, самой возможности их наступления.

Существенное нарушение – это упорядоченная система взаимодействующих и взаимозависимых элементов, участвующих в процессе (механизме) их возникновения, развития, изменения, преобразования, исчезновения, и выступающая в виде действия/бездействия, влекущего наступление негативных правовых последствий (отдаленных или приближенных) путем стеснения или лишения законных прав и интересов личности и государства и негативно влияющих на ход и исход уголовного процесса, на вынесение законного приговора, а также на принятие иных итоговых, а также любых промежуточных процессуальных решений в уголовном судопроизводстве.

Предлагается определение существенного уголовно-процессуального нарушения в следующей редакции: *«Существенные нарушения уголовно-процессуального закона признаются такие нарушения на судебных и досудебных стадиях уголовного судопроизводства, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников уголовного процесса или иным путем помешали органу, ведущему уголовный процесс, всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела, и повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного приговора, а также на принятие иных итоговых уголовно-процессуальных решений».*

К трудностям распознавания факта оказания неправомерного психического воздействия разумно отнести следующие:

- 1) неправомерное тактическое психическое воздействие, как правило, осуществляется латентно;
- 2) тактическое психическое воздействие, включая воздействие неправомерного характера, далеко не всегда находит отражение в уголовно-процессуальных документах, решениях;
- 3) установление источника происхождения неправомерного психического тактического воздействия и его направленности;
- 4) проблемные условия (конфликт, противодействие сторон) в процессе достижения целей и задач неправомерного психического тактического воздействия;
- 5) оказание воздействия со стороны одного субъекта на другой вне восприимчивости для окружающих, отсутствие свидетелей.

Следует установить, каким образом, при помощи каких средств и способов становится возможным установление фактов оказания неправомерного психического воздействия. Выявление, установление и процессуальная фиксация данных фактов входит в компетенцию должностных лиц, ведущих уголовный процесс. Однако неправомерное психическое воздействие могло быть оказано одним из участников уголовного процесса на другого в отсутствие должностных лиц ведущих уголовный процесс. Возникает проблема процессуальной фиксации в установленном законом порядке данного существенного нарушения. В таком случае установление и познание данного факта носит производный, опосредованный характер. В необходимых случаях приглашается к участию в уголовном процессе специалист – эксперт-психолог. В отдельных случаях назначается судебно-психологическая экспертиза. Мнение специалиста-эксперта в связи с необходимостью использования специальных познаний в области психологии является обязательным условием для установления глубины и интенсивности душевных морально-нравственных страданий, переживаний, причиненных в результате неправомерного психического воздействия на личность, а также для установления снижения факта снижения волевого критерия вследствие оказания неправомерного психического воздействия. При помощи специальных познаний, психологических знаний могут быть определены признаки и свойства психологического насилия в результате неправомерного психического воздействия на личность в уголовном процессе. Оказание неправо-

мерного психического воздействия на личность в уголовном процессе как факт допущения существенного уголовно-процессуального нарушения, влечет не только негативные уголовно-процессуальные последствия, но и причиняет моральный вред данному субъекту. По мнению профессора Е.Н. Холоповой, «одним из оснований повышения объема компенсации субъективных потерь (морального вреда) является факт дпящегося причинения физического психического вреда, нравственных страданий. Психологическая экспертиза призвана установить ряд вопросов по формированию доказательств факта причинения морального вреда, его глубины, интенсивности. Суть морального вреда состоит не столько в самом фате нанесения обиды, оскорбления, унижения, а в индивидуальном отношении к этим негативным проявлениям человеческой натуры. Нравственные страдания являются основным признаком причинения морального вреда и обязательным его следствием» [6, с. 86]. От формирования природы и содержания воздействия зависит направленность, вид и род деятельности субъекта (оппонента) уголовного процесса либо воздержание от ее осуществления. Таким образом, неправомерное психическое (тактическое) воздействие может полечь за собой существенное уголовно-процессуальное нарушение, выраженное в виде несоблюдения принципов и задач уголовного процесса, несоблюдения законных прав и интересов участников уголовного процесса. Процессуальное (доказательственное) значение имеют те факты оказания неправомерного психического воздействия, которые в результате выявления в установленном законом порядке нашли свое подтверждение и процессуальную форму фиксации как факта допущения существенного уголовно-процессуального нарушения. Процессуальная фиксация факта оказания неправомерного психического воздействия по-прежнему на практике носит проблемный характер. Разработка и совершенствование средств и способов выявления, установления и фиксации фактов оказания неправомерного психического, тактического воздействия в уголовном процессе является одним из приоритетных направлений исследовательской деятельности в науках криминалистики, юридической психологии, экспертологии и уголовного процесса. Содержанием неправомерного психического воздействия выступает мысль, образ, установки, переданные вербальным либо невербальным способами и средствами коммуникации, которые препятствуют сохранению свободы выбора занимаемой позиции, процессуального поведения, выраженного в виде действия/бездействий. «Правомерное психическое влияние само по себе не диктует конкретное действие, не вымогает показание того или иного содержания, а вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию человека, сознательное отношение к своим гражданским обязанностям и лишь опосредованно приводит его к выбору определенной линии поведения» [7, с. 163]. Правомерное психическое воздействие должно быть построено на основании следующих принципов:

- 1) учет конкретных особенностей личности;
- 2) учет внешних условий с учетом конкретных фактов, обстоятельств;
- 3) учет обратной реакции лица, которая должна иметь прогнозируемый характер;
- 4) наличие знаний закономерностей психики человека [8, с. 166].

«Воздействие, как тактическое, так и психическое, имеет своей целью влияние на личность, на ситуацию в уголовном судопроизводстве. Воздействие на личность осуществляется через ее основные свойства, такие как направленность (цели, мотивы, потребности, интересы), характер (морально-психологический облик), социально-психологические ценности, психические свойства (особенности интеллектуальной, эмоциональной, волевой сферы восприятия), темперамент (уравновешенность, эмоциональная устойчивость)» [9, с. 215]. «Человеческая психика (объект психологического воздействия) – это система потребностно-мотивационных, интеллектуально-познавательных, эмоционально-волевых и коммуникативно-поведенческих компонен-

тов. Психологическое воздействие оказывается на конкретные сферы психики отдельного человека, групп людей и общественного сознания в целом:

а) потребностно-мотивационную (знания, убеждения, ценностные ориентации, влечения, желания);

б) интеллектуально-познавательную (ощущения, восприятия, представления, воображение, память и мышление);

в) эмоционально-волевою сферу (эмоции, чувства, настроения, волевые процессы);

г) коммуникативно-поведенческую (характер и особенности общения взаимодействия взаимоотношений межличностного восприятия)» [10, с. 28–29].

«Сила информационного воздействия введена как физическая величина, характеризующая изменение состояния объекта информационного воздействия в ходе целенаправленного информационного воздействия в сравнении с его исходным состоянием. Под изменением состояния объекта понимается изменение состояния хотя бы одного составного элемента включая появление нового или уничтожение существующего элемента или хотя бы одной связи между элементами объекта. Сила информационного воздействия, действовавшего на объект в течение определенного времени, оценивается через отношение количества элементов и связей между ними изменившихся состояние в ходе воздействия к общему числу элементов и связей. Любое сообщение только тогда становится информацией, когда есть приемник способный интерпретировать смыслы. Если нет интерпретатора событий окружающего мира, то нет и информации» [11, с. 399]. По мнению Н.П. Хайдукова, «если при выборе приемов и средств воздействия возникло противоречие между двумя отдельными ценностями и сохранить их обе при достижении процессуально и тактически значимой цели не представляется возможным, то целесообразным и морально оправданным будет нравственный компромисс, т.е. такое тактическое решение, которое направлено на сохранение наиболее значимой в данной ситуации ценности. Которое вершится, необходимо и нужно для того, чтобы свести его к минимуму, чтобы оценить роль этого меньшего зла и искоренить возможность прибегать к этому средству в будущем надо разумно бороться за максимум добра и минимум зла» [12, с. 18]. Профессор А.Р. Ратинов в качестве целей тактической комбинации выделяет: «1. Формирование у подследственного ошибочного представления об обстоятельствах, которые в действительности могли бы привести к нежелательным решениям и действиям. Например, создание у подследственного преувеличенного представления об объеме и весе имеющихся по делу доказательств. При этом следователь не формирует такое представление, не воздействует в этом направлении на подследственного, а он лишь создает такие условия, при которых это формирование становится возможным, а случится это или нет – зависит целиком от подследственного, от свободно выбранной им позиции. 2. Формирование целей, попытка достижения которых поставит недобросовестного подследственного в проигрышное положение. 3. Формирование желательного следователю метода решения задачи и образа действий подследственного. При этом в комментариях криминалистов отмечается, что такой прием не должен превращаться в провокацию. Этот вариант цели типичен для рефлексивного управления. 4. Формирование у подследственного ошибочного представления о целях отдельных действий следователя. 5. Формирование у заинтересованных лиц ошибочного представления об осведомленности следователя относительно подлинных целей, которые они преследуют, или о неосведомленности следователя относительно ложности выдвинутых объяснений и представленных доказательств. 6. Формирование у подследственного намерения воспользоваться негодными средствами противодействия расследованию. По мнению Р.С. Белкина, здесь правильнее говорить либо о непротодействии такому намерению подследственного, либо даже о создании условий реализации этого намерения. У криминалистов, процессуалистов и судебных психологов нет единого

мнения по поводу правомерности и допустимости исчерпывающего перечня методов борьбы с противодействием расследованию» [13, с. 230].

Интересный подход к проблеме психического воздействия представлен Д.С. Вещагиным. Он считает, что «использование образов намерения и желаний позволяет изменить восприятие (например, конфликтной ситуации) другим человеком. В отличие от образа намерения, желание действует дольше, потому что относится к немотивированным сигналам подсознания и что важно, почти никогда не проверяется логикой. Человек всегда склонен стремиться осуществить свои желания, даже если понимает, что они причиняют ему вред. И даже если оно осознает причину их возникновения, он скорее будет продолжать осуществлять задуманное, чем согласится нейтрализовать причину. Техника подачи желания заметно отличается от техники передачи намерения. Одно из отличий заключается в том, что для передачи желания нужно особенно точно воспринять чувственную сферу мишени, т.е. «подслушать» ее мысли чувства, чем если бы вы имели дело с намерениями. Желание что-либо совершить всегда связано у каждого человека со временем, местом и конкретными людьми. Важно ощутить желание, намерения другого человека. Почувствовать как следует первичный образ другого сознания; вот человек видит улицу. Он вскоре хочет свернуть, например, направо. Хочет (желание), свернуть (намерение) суть базовые элементы сиюминутного механизма. Другая причина заключается в том, что желание всегда лежит более поверхностно, чем намерение. Его можно легче обнаружить в социальном плане, просто общаясь с людьми, но для управления оно более сложно. Желание тесно связано с намерениями, но не зависит от него, а служит основанием для принятия или непринятия намерения. Если между намерением и желанием возникло противоречие, то намерение это реализовано не будет» [14, с. 70]. Неправомерное психическое воздействие в отдельных случаях выступает в качестве внушения. Внушение, как правило, действует вопреки сознанию, так как внушено может быть не только то, что было в действительности, но и чего в действительности не было. По мнению В.Е. Корноухова, внушение – это такое воздействие на личность, в результате которого субъект воспринимает определенную информацию без рационального осмысления. Из этого видно, что грань между психическим внушением и правомерным воздействием определяется наличием свободы выбора той или иной позиции [15, с. 55]. Неправомерное психическое воздействие, безусловно, оказывает негативное влияние на процесс собирания проверки и оценки доказательств, а также вмешивается в процесс формирования условий относимости, допустимости и достоверности доказательств.

Неправомерное психическое воздействие может привести к следующим неблагоприятным правовым последствиям:

а) принятие уголовно-процессуальных решений (итоговых/промежуточных), подлежащих отмене и изменению;

б) допущение субъектами уголовно-процессуальных отношений криминалистических, уголовно-процессуальных, организационных, психологических, уголовно-правовых ошибок;

в) допущение уголовно-процессуальных нарушений, в том числе существенных;

г) изменение процессуально-следственной ситуации, несущей препятствия при достижении тактических, стратегических задач сторон защиты и обвинения,

д) отказ от дачи показаний добросовестными и недобросовестными участниками уголовного процесса;

е) оказание негативных правовых последствий на ход и исход уголовного судопроизводства;

ж) дача ложных показаний участниками уголовного процесса;

з) снижение степени волевого критерия в поведенческой деятельности участников уголовного процесса, что в свою очередь негативно оказывает влияние на осознанность объективной действительности настоящего и прошлого и, вмешиваясь в психические процессы личности, не позволяет правильно давать по уголовному делу показания, имеющие значение для уголовного дела.

Заключение

1. Правовая оценка факта оказания неправомерного психического воздействию должна быть выражена в установленной уголовно-процессуальным законом форме и осуществляется компетентными должностными лицами путем вынесения соответствующего мотивированного постановления. Правовая оценка факта оказания неправомерного психического воздействия может и должна найти свое отражение и в актах прокурорского реагирования при осуществлении прокурорского надзора по уголовным делам. Таким образом, факт оказания неправомерного психического воздействия может и должен быть констатирован в установленном законом порядке компетентными должностными лицами ведущими уголовный процесс, а также иными субъектами уголовно-процессуальных правоотношений. Однако участие последних в данной деятельности носит в процессуальном отношении опосредованный характер, т.е. не исключает в связи с этим должествования и права их обращения к должностным лицам, ведущим уголовный процесс, в целях законного реагирования и принятия правовых решений по данным фактам. Реагирование иных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений выражается в виде заявления, жалоб, ходатайств, предоставления доказательств, дачи показаний.

2. Определение правомерного психического воздействия должно получить надлежащую законодательную регламентацию. Должны быть определены и условия правомерного психического воздействия на личность в уголовном процессе. Предлагается определение правомерного психического воздействия в уголовном процессе в следующей редакции: «Это непротиворечащее действующему законодательству воздействие на личность субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, осознанно, критически, вне всякого насилия, выраженного в форме действия/бездействия, при котором сохраняется свобода выбора занимаемой активной позиции последним» [16, с. 27].

3. Определен круг обстоятельств, установление которых является необходимым для правовой оценки фактов (распознация) неправомерного психического, тактического воздействия.

4. Исследование закономерностей формирования причин и условий, способствующих возникновению и развитию неправомерного тактического, психического воздействия позволит субъектам уголовно-процессуальным правоотношениям эффективно выполнять свои функциональные права и обязанности, позволит повысить эффективность осуществления прокурорского надзора по уголовным делам и в целом повысить качественный уровень осуществления предварительного расследования. Распознавание неправомерного психического воздействия его своевременное пресечение и предупреждение является неременным условием соблюдения принципов и норм уголовно-процессуального права, а также обеспечения гарантий прав личности и государства в уголовном процессе.

5. Определены средства и способы распознавания неправомерного психического воздействия на личность, условия и основания, способствующие неправомерному психическому воздействию на личность в уголовном процессе, что в свою очередь позволит определить условия допустимости тактического, психического воздействия на личность в уголовном судопроизводстве, критерии правовой оценки неправомерного тактического, психического воздействия в уголовном судопроизводстве. Сформулированы призна-

ки и свойства неправомерного психического, тактического воздействия в уголовном судопроизводстве.

5. Неправомерное психическое воздействие является существенным нарушением. Предлагается авторское видение определения существенного нарушения в уголовном судопроизводстве. *Существенное нарушение – это упорядоченная система взаимодействующих и взаимозависимых элементов, участвующих в процессе (механизме) их возникновения, развития, изменения, преобразования, исчезновения, и выступающая в виде действия/бездействия, влекущих наступление негативных правовых последствий (отдаленных/приближенных) путем стеснения или лишения законных прав и интересов личности и государства, в свою очередь негативно влияющих на ход и исход уголовного процесса, на постановление законного приговора, а также на принятие иных итоговых, в том числе любых промежуточных процессуальных решений в уголовном судопроизводстве.* Предлагается определение существенного уголовно-процессуального нарушения в следующей редакции: *«Существенные нарушения уголовно-процессуального закона признаются такие нарушения на судебных и досудебных стадиях уголовного судопроизводства, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников уголовного процесса или иным путем помешали органу, ведущему уголовный процесс, всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела, и повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного приговора, а также на принятие иных итоговых уголовно-процессуальных решений».*

6. Определены правовые условия и основания допустимого правомерного психического воздействия на личность в уголовном процессе в условиях состязательности, противодействия. К сожалению, в настоящее время в учебниках по уголовному процессу и по криминалистике мало уделяется внимания проблемам психического воздействия в уголовном судопроизводстве. Знания закономерностей оказания неправомерного психического воздействия на личность в уголовном судопроизводстве позволят эффективно использовать законные права в уголовном процессе, отстаивать позиции защиты и обвинения, соответственно реализовывать одноименные функции. Представляется необходимым использовать знания закономерностей оказания неправомерного психического тактического воздействия на личность в уголовном процессе в учебной программе вузов по дисциплинам «Криминалистика» и «Уголовный процесс».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдуков, Н.П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц / Н.П. Хайдуков. – Саратов, 1984. – 400с.
2. Зарайский, Д.А. Управление чужим поведением. Технология личного психологического влияния / Д.А. Зарайский. – Дубна : Издат. центр «Феникс», 1997. – 272 с.
3. Каландаров, К.Х. Управление общественным сознание. Роль коммуникативных процессов / К.Х. Каландаров . – М., 1998. – 80с.
4. Дулов, А.В. Судебная психология. / А.В. Дулов. – Минск, 1975. – 464 с.
5. Быховский, И.Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий: дисс. ...д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.Е. Быховский. – М., 1975.
6. Холопова, Е.Н. Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту морального вреда в уголовном судопроизводстве : монография / Е.Н. Холопова. – Калининград, 2003. – 112 с.
7. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. – М., 2001 – 352 с.

8. Хайдуков, Н.П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц / Н.П. Хайдуков. – Саратов, 1984. – 400с.
9. Столяренко, А.М. Психологические приемы в работе юриста : практ. пособие. / А.М. Столяренко. – М. : Юрайт, 2000. – 288с.
10. Крысько, В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / В.Г. Крысько ; под общ ред. А.Е. Тараса. – Минск : Харвест, 1999. – 448 с.
11. Расторгуев, С.П. Философия информационной войны / С.П. Расторгуев. – М., 1998 – 446 с.
12. Хайдуков, Н.П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц / Н.П. Хайдуков. – Саратов, 1984. – 400с.
13. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. – М. : Юрист, 1997. – Т. 3 : Криминалистические средства, приемы, рекомендации. – 480 с.
14. Верещагин, Д.С. Влияние: система дальнейшего энергоинформационного развития, 3-ступень. / Д.С. Верещагин. – СПб. : Невский проспект, 1999. – 187 с.
15. Криминалистика. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. – М. : Юрист, 2000. – 784 с.
16. Зорин, Р.Г. Криминалистическая характеристика тактического (психического) воздействия в системе следственных действий // Юридическая психология. – 2008. – № 8 – С.27–28.

Zorin R.G. Legal Estimation of Exerting Illegal Psychological Influence on a Person in Criminal Legislature

In the present article actual problems of recognition of the facts of rendering of illegal mental influence in criminal legal proceedings are considered. The legal nature, signs and properties of illegal mental influence on the person in criminal procedure is investigated. A number of circumstances of subjects an establishment in cases of giving of a legal estimation to the facts of rendering of illegal mental influence in criminal procedure is defined. The problems of differentiation of legal mental and tactical influence and also illegal mental and legal negative influence on the person in sphere of procedural criminal law relations are investigated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 24.01.2011

УДК 347.961 (476)

С.М. Кулак

НОТАРИАТ КАК ОРГАН ПРЕВЕНТИВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Нотариат рассматривается в системе органов защиты прав человека, раскрываются особенности нотариальной формы защиты. Основными функциями нотариата являются правоохранительная, юрисдикционная. По аналогии с судебной деятельностью в статье делается вывод, что нотариат является органом превентивного правосудия.

Введение

Конституция Республики Беларусь провозгласила приоритет прав и свобод человека, возведя его в ранг одного из важнейших принципов существования современного государства. Признание прав и свобод человека как высшей ценности вытекает, в первую очередь, из норм международного права. Конституция исходит из примата норм международного права, устанавливая, что общепризнанные принципы права и международные договоры Республики Беларусь являются составной частью национальной правовой системы. И если международным договором предусмотрены иные правила, чем белорусским законом, то применяются правила международного договора. Кроме того, в Республике Беларусь признаются и гарантируются права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Иными словами, Беларусь приняла на себя обязанность следовать требованиям международных стандартов по правам человека. Последние же закреплены во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах, в Международном пакте об экономических и социальных правах, а также в различных международных договорах Республики Беларусь. Они носят всеобщий характер, то есть рассматриваются международным сообществом в качестве основных принципов международного права, имеющих обязательную силу для всех государств. Признание прав и свобод человека и гражданина вытекает не только из норм международного права, но и статьи 1 Конституции Республики Беларусь, закрепившей за страной статус правового государства, конечная цель которого состоит в обеспечении интересов человека. Вместе с тем одного провозглашения прав и свобод человека в качестве высшей ценности недостаточно, необходимо, чтобы государство не только признавало, но и соблюдало, и защищало их. Государство обязано создавать эффективную систему защиты прав и свобод, в которую были бы включены различные структуры, а также устанавливать четкие юридические гарантии такой защиты.

Гарантии основных прав и свобод представляют собой систему норм, принципов, условий и требований, обеспечивающих в своей совокупности соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан. Система гарантий прав и свобод человека включает предпосылки экономического, социального и правового характера, необходимые для реализации прав и свобод, так и собственно механизм их защиты. Важнейшими элементами правовых гарантий в системе защиты прав человека выступают нормы и принципы материального и процессуального права, закрепленные в Конституции и развитые в текущем законодательстве. Кроме общих норм о гарантиях, фактически каждая норма, закрепляющая конкретное право или свободу, указывает на условия и способы их осуществления и защиты.

Безусловно, правовые гарантии прав и свобод человека не ограничиваются конституционным закреплением. Они получают дальнейшее развитие практически во всех отраслях права. Значение юридических гарантий многогранно. В частности, оно заклю-

чается в законодательном совершенствовании содержания самих прав и свобод, а также других прав и свобод, находящихся в непосредственной связи с ними. Следует подчеркнуть, что действующая Конституция Республики Беларусь предоставляет и гарантирует каждому фактически безграничное право на судебную защиту его прав и свобод. Граждане самостоятельно имеют право обжаловать как ненормативные, так и нормативные акты, нарушающие их права и охраняемые законом интересы. Это свидетельствует о том, что совершенствование законодательства является важной характеристикой юридических гарантий прав и свобод человека и гражданина. Другой составляющей юридических гарантий служит обеспечение законности в ходе реализации и защиты прав и свобод граждан. Любые меры по совершенствованию законодательства не будут давать никаких результатов, если не будет обеспечено соблюдение законов всеми, к кому они относятся. И, наконец, значение юридических гарантий состоит в создании и закреплении всеобъемлющей системы форм защиты прав и свобод, а также в постоянном совершенствовании средств и способов их защиты. Под средствами защиты понимаются процессуально-правовые инструменты, с помощью которых заинтересованное лицо осуществляет свою защиту. К таковым закон относит иск, жалобу, заявление.

Способ защиты является категорией материально-правового права. В частности, способы защиты гражданских прав перечислены в статье 11 ГК Республики Беларусь: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, установления факта ничтожности сделки и применения последствий ее недействительности; признания недействительным акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления; самозащиты права; присуждения к исполнению обязанности в натуре; возмещения убытков; взыскания неустойки; компенсации морального вреда; прекращения или изменения правоотношения; неприменения судом противоречащего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления; иными способами, предусмотренными законодательством.

Какой способ следует или целесообразно применить, зависит от характера охраняемого материального права, от существа правоотношений, самого способа защиты или субъекта гражданского права. При нарушении прав имущественного характера целесообразно использовать такие способы защиты, как возмещение убытков, взыскание неустойки; при нарушениях, связанных с правом собственности и иными вещными правами, – негаторный и виндикационный иски. Форма защиты – категория процессуального характера, которая представляет собой определяемую законом деятельность компетентных органов по защите права, т.е. по установлению фактических обстоятельств дела, применению нормы права, определению способа защиты в вынесении решения. Действующее законодательство предусматривает несколько форм защиты прав и свобод: судебную, административную, нотариальную и общественную. Каждая из перечисленных форм защиты имеет свою историю: развиваясь самостоятельными путями, они одновременно тесно связаны друг с другом. На наш взгляд, защита права в той или иной форме является объективной необходимостью. Издавая норму права, и тем самым, предусматривая возможность возникновения на ее основе прав и охраняемых законом интересов, государство обязано предусмотреть и соответствующую форму их защиты. Кроме того, многообразие форм защиты права можно объяснить и целым рядом других факторов, в частности, спецификой подлежащих защите или охране прав, сложностью или наоборот, простотой познания правоотношений и подлежащих защите прав, степенью развития демократических процессов в обществе, правовыми традициями.

В пределах исследования рассмотрим нотариальную форму защиты. К числу основных способов нотариальной защиты гражданских прав относятся признание бес-

спорных прав и подтверждение бесспорных юридических фактов. На наш взгляд, нотариальная защита прав и охраняемых законом интересов может осуществляться:

а) посредством юридического подтверждения и закрепления гражданских прав в целях предупреждения их возможного нарушения в будущем (удостоверение бесспорных прав и фактов, свидетельствование документов и т.д.). Так, например, для того чтобы возникло ипотечное право, в обеспечение обязательств по договору, который должен быть нотариально удостоверен, необходимо наличие двух правообразующих действий: нотариальное удостоверение и государственная регистрация договора об ипотеке;

б) посредством защиты уже нарушенного права (например, при выдаче исполнительной надписи).

Нотариальная форма защиты гражданских прав исходит из существа юрисдикции нотариуса. В свое время Д.М. Чечот выделял нотариальную форму защиты субъективного права и охраняемого законом интереса. Форма нотариальной защиты права – это процесс публичного подтверждения нотариусом существования или изменения правомочий, составляющих содержание права, в целях придания им официального характера. Такие нотариальные действия как свидетельствование верности копий документов и выписок из них; свидетельствование подлинности подписи на документах; свидетельствование верности перевода документов с одного языка на другой также могут рассматриваться как составной элемент формы нотариальной защиты права.

Нотариальная защита права осуществляется в двух основных формах:

- 1) нотариального удостоверения возникновения, изменения, прекращения права;
- 2) нотариального свидетельствования наличия права собственности.

Например, удостоверение возникновения, изменения, прекращения правомочий собственности представляет собой подтверждение изменения правоотношения собственности (по субъекту и содержанию) и играет роль одного из обязательных элементов юридического состава, необходимого для возникновения (изменения, прекращения) правоотношения. Нотариальная защита права в форме удостоверения имеет место при удостоверении сделок, несоблюдение обязательной нотариальной формы которых влечет и недействительность, в частности ничтожность. В отличие от удостоверения нотариальное свидетельствование наличия права не влияет на его действительность, а представляет собой публичное подтверждение существования и бесспорности права. В качестве примера нотариального свидетельствования как формы нотариальной защиты права можно привести выдачу свидетельства о праве на наследство.

Нотариальная защита прав содержит и «материально-правовой, и процессуально-правовой смысл, так как специальной терминологии для разграничения защиты в области материальных и процессуальных прав не имеется» [2, с. 6]. Кроме того, в литературе высказано мнение о том, что сами способы защиты гражданских прав могут быть как материально-правовыми, так и процессуальными [1, с. 69]. Это полностью отражает тенденции развития публичного нотариального права и нотариального процесса. Сами нотариальные действия, например выдача нотариусом свидетельства о праве на наследство или принятие им мер к охране наследственного имущества, следует относить как к материальным, так и к процессуальным способам защиты гражданских прав. Создание нескольких форм защиты прав и охраняемых законом интересов ставит перед законодателем проблему разграничения их использования. Исходя из целей нашего исследования, мы подвергнем анализу разграничение нотариальной формы защиты прав и других форм защиты, рассмотрим ее место в системе защиты прав и свобод граждан.

Статья 7 Конституции Республики Беларусь устанавливает в государстве принцип верховенства права. Следовательно, одной из форм осуществления государственных функций является правоохранительная деятельность государственных органов. Под правоохранительной деятельностью понимается форма осуществления функций

государства посредством властной оперативной работы государственных органов по охране норм права от нарушений, защите предоставленным гражданам субъективных прав и обеспечению выполнения возложенных на них юридических обязанностей. Результатом правоохранительной деятельности являются акты применения норм права, которые служат целям восстановления нарушенного права, охране прав личности, защите интересов граждан, юридических лиц и общества в целом. Таким образом, органы нотариата осуществляют функцию государства по защите прав и интересов граждан и юридических лиц в форме правоохранительной деятельности.

Правоохранительная функция нотариата отражает его место как публично-правового института, который обеспечивает законность и правомерность юридических действий участников гражданского оборота в самом широком смысле, снижая уровень как гражданских, так и уголовных правонарушений. В литературе иногда встречается мнение о том, что нотариат выполняет и правоустанавливающую функцию, поскольку осуществляет проверку правоспособности физических и юридических лиц, отсутствие ограничений правоспособности граждан, запретов на отчуждение имущества [6, с. 514]. Правоустанавливающая деятельность нотариуса не имеет практического значения, и, как правило, она является необходимой предпосылкой для совершения последующих нотариальных действий, например, удостоверения договора купли-продажи имущества, аренды, других сделок, совершения исполнительной надписи и т.д. В этой связи ее следует признать неотъемлемой составной частью правоохранительной функции нотариата.

Следует разделить позицию некоторых авторов о том, что в результате совершения нотариальных действий нотариат осуществляет юрисдикционную функцию. И действительно элементы такой деятельности в действиях нотариуса имеются: он устанавливает фактические обстоятельства по конкретному нотариальному действию; применяет конкретную норму права к установленным фактическим обстоятельствам и совершает нотариальное действие или отказывает в его совершении и соответственно юрисдикционная функция нотариальных органов является частью их правоохранительной функции. Спорная часть гражданской юрисдикции осуществляется в основном судами, а значительная часть органов бесспорной гражданской юрисдикции, осуществляющих удостоверительные, правореализационные и регистрационные полномочия (нотариат, система принудительного исполнения, органы регистрации актов гражданского состояния, прав на недвижимое имущество, юридических лиц, общественных объединений), – в рамках органов юстиции. Поэтому вполне логично и правомерно относить нотариат к ведению органов юстиции, которые осуществляют организацию деятельности значительной части органов бесспорной юрисдикции. По справедливому замечанию В.Ф. Яковлева, нотариат является наиболее массовым правоприменителем, «он совершает действия, которые дают правовую определенность, достоверность и надежность как юридический факт, как основания возникновения прав и обязанностей...» [15, с. 11].

Согласно ст. 1 Закона нотариат в Республике Беларусь включает государственных и частных нотариусов уполномоченных должностных лиц местных исполнительных и распорядительных органов, дипломатических агентов дипломатических представительств Республики Беларусь и консульских должностных лиц консульских учреждений Республики Беларусь, обеспечивающих защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, государственных интересов путем совершения нотариальных действий от имени Республики Беларусь, при этом частная нотариальная деятельность не является предпринимательской деятельностью. Решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 15 июня 2000 года «О некоторых вопросах, связанных с правовым положением частных нотариусов установлено, что нотариальная деятельность, осуществляемая частными нотариусами, является публично-правовой, основная цель которой – защита государственных интересов, прав и законных интересов граждан и

юридических лиц, а не получение прибыли от выполнения работ или услуг, как это имеет место при предпринимательстве. Нотариальные действия, совершенные государственными и частными нотариусами, имеют одинаковую юридическую силу и влекут одинаковые правовые последствия, гарантируются и защищаются государством. Таким образом, нотариат представляет собой систему органов и должностных лиц, которым в соответствии с Законом предоставлено право совершать нотариальные действия. Правильнее определить в современных условиях место нотариата как органа, наделенного публичной властью и входящего в систему гражданской юрисдикции.

Очевидно, что нотариус, занимающийся частной практикой, является негосударственным органом. Хотя «частный» нотариат внешне схож с государственными органами, поскольку он, как и орган государства, осуществляет государственные функции от имени государства, действует в строго установленном государством порядке и определенных им формах и занимает самостоятельное место в системе правоохранительных органов, осуществляя при этом государственную функцию по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц от имени государства. Следовательно, можно сделать вывод о том, что государство передало правоохранительную функцию частным нотариусом, наделив их властными полномочиями.

На сегодняшний день уже твердо устоялось мнение и ученых-правоведов и практикующих юристов, о том, что нотариат, является органом превентивного правосудия. Такой вывод подтверждается следующими аргументами. И нотариат (ст. 3 Закона), и судебные органы (ст. 6 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (далее – Кодекс)) имеют единые задачи – защита государственных и общественных интересов, прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, индивидуальных предпринимателей и самое главное действуют в публично-правовой сфере, осуществляя свои полномочия от имени государства. В основе деятельности нотариата и судов лежат единые принципы. Основными принципами нотариальной деятельности являются законность, беспристрастность, независимость (ст. 5 Закона).

В статье 7 Кодекса также закреплен принцип законности при осуществлении правосудия, принцип беспристрастности суда закреплен в статье 60 Конституции Республики Беларусь, независимость судьи определена в статье 85 Кодекса. И нотариат совершает нотариальные действия (ст. 3 Закона), и суды принимают (ст. 190 ХПК РБ) и выносят решения (ст. 295 ГПК РБ) и приговоры (ст. 349 УПК РБ) от имени Республики Беларусь. Правовой основой деятельности и нотариата (ст. 2 Закона) и судов (ст. 3 Кодекса) являются Конституция Республики Беларусь и иные законодательные акты Республики Беларусь, а также международные договоры. В равной степени и нотариат, и суды применяют нормы, например, Гражданского Кодекса Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь «О государственной пошлине» и другие. В соответствии со ст. 5 и 10 Закона Республики Беларусь «О государственных символах Республики Беларусь» и нотариат и суды используют Государственный флаг и Государственный герб Республики Беларусь.

Сходство между нотариусами и судьями существует не только в принципах их деятельности, но и в особом порядке наделения полномочиями. И нотариус (ст. 25 Закона), и судья (ст. 84 Кодекса) являются государственными служащими и на них в равной степени распространяется действие Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь». И судьей, и нотариусом может быть только гражданин Республики Беларусь, имеющий высшее юридическое образование. И судья, и нотариус для занятия своей должности должны сдать квалификационный экзамен, суть которого заключается в проверке теоретических знаний претендентов различных отраслей права и выполнении практических заданий. Осуществление полномочий судьей и нотариусом производится в строго регламентированном законом порядке, т.е. уста-

новлена определенная детально разработанная процедура совершения действий или процессуальная форма: для судей ХПК, ГПК, УПК, для нотариусов «Закон о нотариате и нотариальной деятельности». Совершение предусмотренных законом действий судьи и нотариуса в строгой последовательности позволяет говорить о выделении отдельных стадий как судопроизводства, так и нотариального производства. Обобщенно это можно представить в таблице.

Таблица – Судопроизводство и нотариальное производство

Стадии производства	Судопроизводство	Нотариальное производство
1. Возбуждение	Вынесение определения о возбуждении гражданского дела	Регистрация заинтересованного лица, обратившегося за совершением нотариального действия для истребования всех необходимых документов
2. Подготовка	Изучение материалов дела, истребование дополнительных документов	Сбор необходимых документов
3. Рассмотрение по существу	Слушание гражданского дела с вынесением решения	Составление проекта договора, нотариальное удостоверение договора
4. Обжалование	Возможность обжалования решения по делу в течение 10 дней	Обжалование совершенного нотариального действия или отказа в его совершении в течение 10 дней
5. Исполнение	Добровольное или принудительное	Добровольное, принудительное в случае учинения исполнительной надписи

Таким образом, можно сделать вывод о том, что между органами правосудия и нотариальными органами существует много общих черт. Основопологающим, т.е. тем, что их объединяет, является защита прав и интересов субъектов гражданского оборота. Главной целью деятельности нотариуса является содействие установлению истины правосудием, защита законных интересов граждан, юридических лиц и государства. На взаимосвязь институтов нотариата и судебной власти обращалось внимание многих исследователей, еще во времена римского права говорили, что, когда работает нотариус, суд отдыхает. Характеризуя нотариат как орган превентивного правосудия, следует отметить, что в отличие от правосудия, предметом деятельности которого являются только споры, в основе деятельности нотариата – бесспорные дела, и тем самым он предупреждает возникновение споров и, соответственно, обращения в суд.

Как известно, во всем мире суд – это последнее и высшее звено в системе защиты прав человека. В настоящее время белорусские суды задыхаются от непомерного количества дел. По данным Министерства юстиции Республики Беларусь, если в 2005 году судами общей юрисдикции окончено 206 459 дел, из которых 185 879 с вынесением решения, то в 2008 году окончено 272 123 дела и 243 646 с вынесением решения. В этой связи система создания эффективно действующего института превентивного, т.е. предупредительного правосудия должна стать одной из первоочередных задач государства [12]. Именно нотариату принадлежит немаловажная роль в защите прав гражданина, обеспечении его правовой безопасности и предотвращении споров. Правиль-

ные документальные сведения, содержащиеся в нотариальных документах, разгружают судебное производство, в котором эти документы используются в качестве средств доказывания. Нотариально удостоверенный акт имеет особую доказательственную силу, так как нотариус – это лицо, давшее присягу, и, следовательно, нельзя ставить под сомнение достоверность предоставляемых им сведений. Чтобы оспорить положения нотариального договора, необходимо начать громоздкую и рискованную процедуру, ссылаясь в суде на совершение подлога должностным лицом при удостоверении юридического акта. Положения же договора, заключенного в простой письменной форме, можно оспорить в судебном порядке, используя при этом любые доказательства.

Консультирование нотариуса, разъяснение сторонам последствий совершения нотариальных действий, обеспечение им правильного, не вызывающего сомнения оформления сделок, позволяет в будущем избежать споров по вопросам правовых и договорных отношений и, соответственно, необходимости привлекать для их разрешения судебные органы. Именно в этом свете и выступает нотариат, как орган предупредительного правосудия. Принятая странами – участниками Европейского Союза резолюция АЗ-0422/93 также подтверждает осуществление нотариусом функции предупредительного правосудия, позволяя не доводить дело до суда, путем устранения или снижения вероятности возникновения споров

Применительно к белорусскому нотариату можно констатировать, что он является органом предупредительного правосудия. Так, нотариус предупреждает обращение в суд, в частности, в тех случаях, когда обеспечивает принудительное исполнение обязательств на основании выдачи исполнительной надписи. Взыскание алиментов, раздел имущества между супругами возможны и на основании нотариально удостоверенного договора, что также избавляет от необходимости обращения в судебные органы. Кроме того, значительно облегчается судебное разбирательство, когда в качестве доказательств по делу выступают нотариальные документы.

Несмотря на то, что в соответствии со ст. 241 ГПК Республики Беларусь никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы, в том числе и нотариально удостоверенные акты, они обладают определенными особенностями. Вполне естественно, что они вызывают у суда больше доверия, чем, скажем, договоры, заключенные в простой письменной форме, поскольку эти документы выданы лицом независимым и беспристрастным, лицом, не заинтересованным в исходе дела. Это в значительной степени способствует более полному и объективному выяснению судом всех обстоятельств дела и вынесению законных и обоснованных решений. Безусловно, полностью избежать конфликтов и судебных тяжб нам вряд ли удастся, однако стремиться к этому необходимо, применяя соответствующие предупредительные меры.

В юридической литературе и практике сложилось такое мнение, что судебный способ защиты прав единственно эффективный, что, на наш взгляд, не вполне правильно, так как не воспринимать других способов защиты и реализации конституционных и иных прав, свобод и законных интересов в условиях правового государства невозможно. Доступ к органам нотариата, расширение его функций будет способствовать разгрузке судов и применению нотариата именно в качестве превентивного правосудия. Правильнее определить в современных условиях место нотариата как органа, наделенного публичной властью и входящего в систему гражданской юрисдикции. Под гражданской юрисдикцией понимается деятельность всех органов, которые наделены полномочиями по разрешению юридических дел спорного или бесспорного характера в сфере гражданского оборота.

В последние годы отмечается тенденция сужения функций нотариата. Так, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 504 от 15 октября 2007 г. «О некоторых мерах по упорядочению сделок по отчуждению транспортных

средств» сделки по отчуждению транспортных средств заключаемые между физическими лицами и юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям совершаются в простой письменной форме и вступают в силу со дня их регистрации в регистрационных или регистрационно-экзаменационных подразделениях Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Не требуется нотариального удостоверения сделок в отношении отчуждения недвижимого имущества, за исключением ренты. Договора дарения, купли-продажи жилых домов, квартир, земельных участков между физическими лицами удостоверяются регистраторами территориальных организаций по государственной регистрации недвижимого имущества и прав на него и регистрируются в организациях по государственной регистрации в соответствии с Законом Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним». Декретом Президента Республики Беларусь № 1 от 16 января 2009 года «О государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования предусмотрено, что для государственной регистрации коммерческих и некоммерческих организаций, в том числе коммерческих организаций с иностранными инвестициями, в регистрирующий орган представляются устав (учредительный договор – для коммерческой организации, действующей только на основании учредительного договора) в двух экземплярах без нотариального засвидетельствования. Таким образом, не требуется нотариального удостоверения и учредительных документов. По нашему мнению, сужение функций нотариата не способствует правовой защите прав и интересов участников таких сделок.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы: при защите гражданских прав основополагающим должно стать повышение правовой культуры граждан и юридических лиц, а также либерализация законодательства предоставляет возможность делать выбор между нотариальной защитой прав и защитой прав судебными органами. Например, договор займа предусматривает заключение его в простой письменной форме. При этом, по желанию сторон, они вправе прибегнуть к нотариально удостоверенному договору займа. За удостоверение договора займа взимается государственная пошлина в размере 5 базовых величин, вне зависимости от суммы сделки. Каковы же последствия неисполнения заёмщиком договора займа? При заключении простой письменной формы договора займа займодавцу приходится обращаться в суд с иском о взыскании денег по договору с уплатой государственной пошлины 5% от суммы сделки. Имея нотариально удостоверенный договор, займодавец обращается к нотариусу, за учинением исполнительной надписи о взыскании денежных средств по нотариально удостоверенной сделке с уплатой государственной пошлины в размере 6 базовых величин, независимо от суммы сделки, что позволяет займодавцу обратиться в суд за взысканием данной суммы денег по исполнительному документу в порядке приказного производства.

Заключение

1. Нотариат является самостоятельным органом в системе органов защиты прав гражданина или юридического лица.
2. К нотариальной защите гражданских прав относятся признание бесспорных прав и подтверждение бесспорных юридических фактов.
3. Деятельность судебных и нотариальных органов строится на ряде тождественных основополагающих принципов, что, несомненно, сближает их как органы, призванные обеспечивать государственную функцию государства по защите прав и охраняемых законом интересов граждан.
4. Нотариат, в отличие от суда, является органом предупредительного правосудия, поскольку вся его деятельность направлена на предупреждение возникновения

конфликтов и обращения в суд. В этом смысле нотариат выступает как институт, обеспечивающий стабильность и безопасность в обществе.

5. Необходимо дальнейшее законодательное укрепление позиций нотариата как института предупредительного правосудия, поскольку без этого невозможно эффективное развитие концепции правового государства в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершинин, А.П. Способы защиты гражданских прав в суде / А.П. Вершинин. – СПб. : Издат. Санкт-Петербург. ун-та, 1997. – 224 с.
2. Воложанин, В.П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров / В.П. Воложанин. – Свердловск, 1974. – 204 с.
3. Калиниченко, Т.Г. Публично-правовая нотариальная деятельность / Т.Г. Калиниченко // Нотариальный вестник. – 2006. – № 8. – С. 13–19.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
5. Мурадян, Э.М. Нотариальные и судебные процедуры / Э.М. Мурадян. – М. : Юрист, 2006. – 470 с.
6. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, И.А. Мирониченко. – Минск : Тесей, 2005. – 862 с.
7. О нотариате и нотариальной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 15.07.2009 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
8. Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий : постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь от 23 окт. 2006 г. № 63 : в ред. постановления от 15.10.2010 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
9. О практике рассмотрения судами дел по жалобам на нотариальные действия или отказ в их совершении : Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сент. 1998 г. № 7 : в ред. Постановления от 01.10.2008 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
10. О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами : постановлением Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь от 22 июня 2000 г. № 4/3 : в ред. постановления от 25.03.2004 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
11. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : Федеральный закон от 11 февр. 1993 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. – № 10. – 1993. – ст. 357.
12. Статистические данные о работе судов Республики Беларусь в 2008 году / Юстиция Беларуси. – № 3. – 2009. – С. 41–46.
13. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Республики 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 15.06.2009 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
14. Чечот, Д.М. Субъективное право и формы его защиты / Д.М. Чечот. – Л. : Изд. ЛГУ, 1968. – 154 с.

15. Яковлев, В.Ф. Давайте объединим усилия... / В.Ф. Яковлев // Нотариат, государственная власть и гражданское общество: современное состояние и перспективы : материалы Всероссийской науч.-практ. конф., Москва, 15–16 февр. 2007 г. – М. : ФРПК, 2007. – С. 10–11.

Kulak S.M. State Notary's Office as Preventive Justice Body

The state notary's office is studied in the system of human rights protection. Characteristics of notarial form of protection are passed in review. The main state notary's office functions are law enforcement and jurisdictional. By analogy with judicial activity the state notary's office is the preventive justice body.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.02.2011

УДК 342

С.А. Цюга

ВЛАСТНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ – ОСНОВАНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена рассмотрению субъектов конституционно-правовых отношений и их классификации. В дополнение к имеющимся точкам зрения в статье приводится классификация субъектов конституционно-правовых отношений в зависимости от наличия у них властных полномочий. На основании критического анализа существующих подходов в статье делается вывод о том, что указанный критерий классификации отражает специфику субъектов конституционно-правовых отношений. Ранее в науке о конституционном праве такая классификация не проводилась.

Введение

В отличие от сферы частного права, где классификация субъектов правоотношений ограничивается их делением на физические и юридические лица, в конституционном праве, относящемся к числу отраслей публичного права, классификация субъектов конституционно-правовых отношений иная. Однако по данному вопросу позиции ученых-конституционалистов различны. Ими выделяются различные основания классификации, однако редко кто из них объясняет целесообразность выбранного критерия.

Цель данной статьи – проанализировать имеющиеся теоретические взгляды ученых о классификации субъектов конституционно-правовых отношений, провести их классификацию, выделив свойственные им специфические черты.

Классификация субъектов конституционно-правовых отношений

Субъекты конституционно-правовых отношений – это участники таких отношений (общих, конкретных и отношений-состояний) в силу распространения на них конституционно-правовых норм, обладающие конституционной правосубъектностью, на основании которой они при наступлении определенного юридического факта реализуют свои субъективные права и юридические обязанности или своей правоспособностью порождают правовые состояния.

Первоначальным этапом любой научной классификации является определение круга явлений (свойств, предметов, субъектов, отношений), подлежащих систематизации. Источником, из которого черпаются данные для определения перечня субъектов каких-либо правоотношений, являются соответствующие нормы права, зафиксированные в установленных государством нормативных правовых актах.

Наш подход заключается в том, что к числу субъектов конституционно-правовых отношений следует причислить любого участника отношения, правовой статус которого закреплен в нормах конституционного права. Анализ законодательства Республики Беларусь позволил сформировать авторскую позицию относительно круга субъектов конституционно-правовых отношений. К ним относятся:

1) народ (единственный источник государственной власти и носитель суверенитета в Республике Беларусь);

Научный руководитель – А.Г. Василевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета

- 2) население административно-территориальных единиц;
- 3) государство – Республика Беларусь;
- 4) административно-территориальные единицы; избирательные округа;
- 5) государственные органы Республики Беларусь;
- 6) органы местного самоуправления;
- 7) избирательные комиссии (в том числе комиссии по референдуму, комиссии по проведению голосования об отзыве депутата);
- 8) должностные лица – представители власти: депутаты Палаты представителей и местных Советов депутатов, члены Совета Республики;
- 9) человек (физическое лицо);
- 10) граждане Республики Беларусь, их группы и собрания;
- 11) лица без гражданства, иностранные граждане;
- 12) национальные общности;
- 13) общественные объединения граждан (включая политические партии);
- 14) трудовые коллективы.

Перечисленный круг субъектов конституционно-правовых отношений характерен для Республики Беларусь (с учетом присущей ей формы правления и формы государственного устройства). Однако это не означает, что он неприменим при определении круга участников данного вида отношений в других государствах [1, с. 177]. Установленный круг участников конституционно-правовых отношений позволяет нам перейти к дальнейшей их классификации, которая поможет выделить свойственные им специфические черты и проникнуть в суть исследуемых понятий. В отличие от сферы частного права, где классификация субъектов правоотношений ограничивается их делением на физические и юридические лица, в конституционном праве, относящемся к числу отраслей публичного права, классификация субъектов конституционно-правовых отношений иная. Однако по данному вопросу позиции ученых-конституционалистов различны.

Так, В.Н. Додонов подразделяет их на две большие группы: физические лица и общественные образования [2, с. 155]. К первой категории он относит граждан и группы граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства, избирателей и депутатов как лиц со специальной правосубъектностью. Ко второй группе субъектов конституционно-правовых отношений, по мнению В.Н. Додонина, принадлежат государство в целом, его органы, а иногда и их обособленные части (например, палаты, комиссии, партийные фракции в парламенте), территориальные единицы, учреждения и органы самоуправления, а также политические партии и другие общественные объединения

В свою очередь М.Б. Смоленский разделяет эти субъекты на три группы: физические лица, негосударственные образования, государственные образования (видимо, автор более логичным посчитал общественные образования подразделить на негосударственные образования и государственные образования, подчеркнув, таким образом, их правовой статус). В первую группу входят граждане, лица без гражданства, иностранцы, лица с двойным (и более) гражданством. Во вторую группу включены органы местного самоуправления, ассоциации граждан – общественные объединения, общественные движения и т.п., а также общности людей – народ в целом, население субъекта федерации, административного деления. К третьей группе относятся государство в целом, субъекты федерации (края, области, республики, города федерального значения, автономии), органы государства (министерства, ведомства), государственные предприятия (заводы, фабрики, аэропорты и т.п.) [3, с. 15].

Ю.К. Краснов все многообразие субъектов государственно-правовых отношений классифицирует на две основные группы: индивидуальные и коллективные. К индивидуальным субъектам, которые он также называет и физическими лицами, относятся

граждане, лица с двойным (множественным) гражданством, лица без гражданства, иностранцы. «Коллективные субъекты правоотношений – это: народ, т.е. исторически сложившаяся в рамках определенной территории общность людей, являющаяся носителем суверенитета; государство в целом; государственные организации; органы местного самоуправления; негосударственные организации (общественные объединения, религиозные организации и т.д.)» [4, с. 41].

О.Е. Кутафин также подразделяет все субъекты конституционно-правовых отношений на индивидуальные и коллективные (или комплексные). Однако им перечисляется лишь круг субъектов без отнесения их к той или иной группе (видимо, это считается автором как само собой разумеющееся) [10, с. 317]. Представляется, что подразделение субъектов конституционно-правовых отношений только на две основные группы – индивидуальные и коллективные (или физические лица и общественные образования) – не дает возможности провести классификацию, учитывающую особенности всех участников общественных отношений, наделенных конституционно-правовой правосубъектностью.

В.Я. Бойцов, проведя специальное исследование, посвященное комплексному изучению проблемы субъектов конституционного права, создал классификационную модель, построенную с учетом наиболее общих признаков, лежащих в самой природе изучаемых субъектов. Он разделяет их на три группы: социальные общности, социальные образования и социальные индивиды. Примененные им термины достаточно аргументированы. К числу основных видов социальных общностей (социальных объединений), по его мнению, относятся народ, нации (народности) и коллективы трудящихся (трудовые и территориальные коллективы). В группу «социальные образования» им включены: единое союзное государство – Союз ССР; союзные республики; автономные республики; автономные области; национальные округа; административно-территориальные единицы всех видов; органы Советского государства – высшие и местные органы государственной власти, органы государственного управления, правосудия и прокурорского надзора; постоянные комиссии всех звеньев Советов; должностные лица органов Советского государства; избирательные округа по выборам в Советы депутатов трудящихся; избирательные комиссии по выборам в Советы депутатов трудящихся; общественные организации и общества трудящихся. К группе «социальные индивиды» он относит граждан СССР (в том числе проживающих за границей); иностранцев, проживающих в Советском Союзе; лиц без гражданства, проживающих в Советском Союзе [5, с. 77]. Несмотря на все достоинства классификации субъектов конституционно-правовых отношений в зависимости от их социальной природы, предложенной государствоведом В.Я. Бойцовым, необходимо отметить, что в настоящее время она утратила свою актуальность.

Наиболее развернутую классификацию рассматриваемых субъектов дал российский ученый А.А. Бурцев, который подразделил их следующим образом:

1. Коллективные субъекты конституционно-правовых отношений:
 1. 1 Социальные общности: народ, нации;
 1. 2 Политические ассоциации: государство, субъекты в составе Российской Федерации, муниципальные образования;
 1. 3 субъекты, обладающие внутренней организованностью (государственные органы и органы местного самоуправления, общественные объединения).
2. Индивидуальные субъекты конституционно-правовых отношений:
 2. 1 Президент Российской Федерации;
 2. 2 Единоличные государственные органы и должностные лица государственных органов и органов местного самоуправления;
 2. 3 Депутаты представительных органов власти;

2. 4 Субъекты, не наделенные властными полномочиями (граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства) [6, с. 22].

А.А. Бурцев первоначально подразделил субъекты по количественному признаку на две большие группы, затем произвел внутригрупповую классификацию первой группы по признаку отнесения их к государственным органам, а для классификации субъектов второго блока взял за основу социальную природу коллективных субъектов. Создается впечатление, что автор решил объединить имеющиеся в науке конституционного права основания классификации субъектов конституционно-правовых отношений, однако некоторая последовательность построения данной конструкции системы субъектов прослеживается. Отсутствие строгих критериев при подходе к классификации приводит к тому, что предлагаемое отдельными авторами деление субъектов конституционно-правовых отношений проводится отчасти произвольно, без соблюдения определенной последовательности и выделения конкретного критерия. Классифицирующие признаки, на наш взгляд, должны быть постоянными и отражающими специфические черты субъектов.

Таким образом, обобщая взгляды разных ученых, можно выделить следующие основания для классификации субъектов конституционно-правовых отношений: 1) по количеству участников конституционно-правового отношения выделяются коллективные и индивидуальные субъекты; 2) в зависимости от социальной природы всех участников общественных отношений можно выделить социальные общности, социальные образования и социальные индивиды.

Считаем необходимым выделить еще один критерий для проведения классификации субъектов конституционно-правовых отношений. Таким основанием, по нашему мнению, является наличие у субъектов, вступающих в конституционно-правовые отношения, властных полномочий. Участники конституционно-правовых отношений не являются равноправными. На это обстоятельство указывает В.Н. Кивель, отмечая, что «в конституционно-правовых отношениях, как правило, нет равенства сторон, что является типичным, к примеру, для гражданско-правовых отношений» [7, с. 12]. Д.М. Демичев указывает, что конституционно-правовые отношения «возникают в процессе осуществления государственной власти и реализации прав и свобод граждан» [8, с. 11]. Более того, в зависимости от вида конституционного правоотношения одни и те же субъекты могут меняться ролями: в одних случаях будут властной стороной, а в других подчиненной.

Как известно, понятие «властные полномочия» служит ярким отличительным признаком публичной деятельности в обществе. В них отчетливо выражается статус, особенность организации и функционирования их носителей, соответствующих субъектов (прежде всего органов государства и должностных лиц). В правовой литературе отсутствует единый подход к содержанию термина «властные полномочия». И.И. Мах в работе «Полномочия государственных органов: подходы к определению структуры и понятия» проанализировал содержание термина «полномочия» с учетом взглядов юристов как теоретиков, так и практиков. В данной статье автор делает вывод о том, что «полномочия государственного органа (должностного лица) представляют собой совокупность властных прав и обязанностей, делегированных ему гражданами (компетентными государственными органами) для выполнения социально необходимых, государственно значимых задач» [9, с. 99].

Наиболее авторитетным представляется взгляд Ю.А. Тихомирова. Он считает, что «властное полномочие есть обеспеченное законом ориентирующее требование уполномоченного субъекта определенного поведения и действий, обращенное к физическим и юридическим лицам» [10, с. 138]. Ю.А. Тихомиров не просто раскрывает данное понятие, но и выделяет его составляющие элементы: «Во-первых, наличие уполно-

моченного суб'єкта, т.е. органа, організації або должностного лица... Во-вторых, властное полномочие представляет собой повеление (команду, требование), обращенное к другой стороне публично-властных отношений... В-третьих, обеспечение властного полномочия законом... В-четвертых, для властного полномочия характерно прочное обеспечение. Речь идет о системе гарантий, способствующих реализации полномочий и устойчивой деятельности органов и лиц» [10, с. 139].

В.Н. Дубовицкий в статье «О понятии «государственная власть» отмечает, что «во-первых, орган государства как организованная часть государственного механизма наделяется не только властными полномочиями, но и определенной компетенцией и необходимыми средствами для осуществления задач, стоящих перед государством на конкретном участке государственного руководства обществом. Во-вторых, «государственным субъектом» является народ (а точнее, избирательный корпус, который осуществляет власть путем референдума, свободных выборов), а также таким субъектом может быть негосударственный орган, если ему предоставлены (делегированы) государственные полномочия». Он приходит к выводу, что «государственная власть – это совокупность полномочий, компетенций, реализуемых специальными государственными субъектами (народом, органами государства либо уполномоченными государством органами)» [11, с. 48]. Данная точка зрения является весьма противоречивой, так как создается впечатление, что автор разграничивает понятия «властные полномочия» и «компетенция», что на наш взгляд не верно, так как компетенция это и есть определенная совокупность властных полномочий. В юридическом энциклопедическом словаре отмечено, что компетенция (лат. *competentio* от *competo* добиваюсь, соответствую, подхожу) – совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица; определяет его место в системе государственных органов (органов местного самоуправления) [12, с. 170]. К тому же В.Н. Дубовицкий к субъектам, обладающим властными полномочиями, относит наряду с народом и органами государства и негосударственные органы. Последние, как мы полагаем, к таковым субъектам не относятся.

Наша позиция заключается в том, что субъекты властных отношений всегда являются субъектами публично-правовых отношений. Эти субъекты официально представляют государственную власть и реализуют возложенные на них задачи и функции государства, выражают и проводят в жизнь государственные интересы. Властные полномочия, которыми они обладают, можно рассматривать и как юридический императив, так как нельзя отступать от требований, связанных с выполнением властных полномочий. К тому же в публично-правовых отношениях, которыми являются и конституционно-правовые отношения, субъект, наделенный властными полномочиями, вправе требовать от другой стороны должного поведения. Его действия поддерживаются другими органами государства, например, за неисполнение требований могут последовать различные санкции, применяемые этим органом или каким-либо другим органом, наделенным такими полномочиями. Властные полномочия находят отражение в законодательстве и закрепляются, прежде всего, в Конституции Республики Беларусь и иных законах.

Так как конституционное право – это отрасль публичного права, то одной из его особенностей является участие в публично-правовой деятельности субъектов наделенных властными полномочиями. А это означает, что одна сторона отношений вправе и реально в состоянии влиять на поведение другой стороны. В связи с этим предлагаем авторскую классификацию субъектов конституционно-правовых отношений в Республике Беларусь на основе критерия деления субъектов на группы по признаку наличия или отсутствия властных полномочий. Их можно подразделить следующим образом:

1. *Особые субъекты конституционно-правовых отношений: народ, население административно-территориальных единиц.*

Говоря о данной группе субъектов конституционно-правовых отношений, необходимо отметить, что народ является единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь (ст. 3 Конституции Республики Беларусь) [13]. Власть может осуществляться народом как в целом, так и определенной его частью, проживающей на соответствующей территории. Также власть осуществляется избранными народом представителями и сформированными им первичными органами и органами, производными от последних. Из этого можно сделать вывод, что народ является первоисточником правосубъектности других участников конституционно-правовых отношений. Как отмечает В.О. Лучин, «народ – единственный суверен и обладает абсолютной правосубъектностью» [14, с. 120]. Это подчеркивает его особый статус среди иных субъектов конституционно-правовых отношений.

Население административно-территориальных единиц – это определенная часть народа, которая осуществляет свою власть на конкретной территории при реализации своего права на управление государством (выборы депутатов местных Советов депутатов, местные референдумы, собрания и др.). Население административно-территориальной единицы является источником власти на той территории, на которой проживает. Так как и народ, и население административно-территориальных единиц являются первоисточниками власти, то можно констатировать их особый статус, производный для всех других субъектов конституционно-правовых отношений, что позволяет нам выделить их в отдельную группу.

2. *Субъекты, наделенные властными полномочиями: Республика Беларусь; административно-территориальные единицы; избирательные округа; государственные органы; избирательные комиссии; должностные лица – представители власти; депутаты Палаты представителей и местных Советов депутатов, члены Совета Республики; органы местного самоуправления.*

Как правило, все субъекты, отнесенные ко второй группе, обладают властными полномочиями, закрепленными в законодательстве (им присуще наличие властной компетенции, отраженной в нормативном правовом акте). Объем и содержание властных полномочий у данных субъектов различен. Вступая в правоотношения, они чаще всего являются властной стороной, требованиям которой должна подчиняться другая сторона. Субъекты, наделенные властными полномочиями, могут принимать решения в пределах предоставленных им прав, издавать акты, обязательные для исполнения другими государственными органами, должностными лицами, гражданами и др. субъектами, и обеспечивать исполнение этих актов.

3. *Субъекты, не обладающие властными полномочиями: человек (физическое лицо); граждане Республики Беларусь, их группы и собрания; иностранные граждане, лица без гражданства; общественные объединения (включая политические партии); трудовые коллективы.*

Субъекты данной группы властными полномочиями не наделяются (нет специальных актов законодательства, где бы содержался перечень их властных полномочий), однако им принадлежит круг прав, свобод и обязанностей, которые они могут реализовывать, вступая в конституционно-правовые отношения.

Заключение

Исходя из анализа конституционно-правовых норм и специальной литературы можно сделать следующие выводы:

1. Субъекты конституционно-правовых отношений – это участники таких отношений (общих, конкретных и отношений-состояний) в силу распространения на них

конституционно-правовых норм, обладающие конституционной правосубъектностью, на основании которой они при наступлении определенного юридического факта реализуют свои субъективные права и юридические обязанности или своей правоспособностью порождают правовые состояния.

2. К числу субъектов конституционно-правовых отношений следует причислить любого участника отношения, правовой статус которого закреплен в нормах конституционного права. Анализ законодательства Республики Беларусь позволил сформировать авторскую позицию относительно круга субъектов конституционно-правовых отношений. К ним относятся:

- 1) народ (единственный источник государственной власти и носитель суверенитета в Республике Беларусь);
- 2) население административно-территориальных единиц;
- 3) государство – Республика Беларусь;
- 4) административно-территориальные единицы; избирательные округа;
- 5) государственные органы Республики Беларусь;
- 6) органы местного самоуправления;
- 7) избирательные комиссии (в том числе комиссии по референдуму, комиссии по проведению голосования об отзыве депутата);
- 8) должностные лица – представители власти; депутаты Палаты представителей и местных Советов депутатов; члены Совета Республики;
- 9) человек (физическое лицо);
- 10) граждане Республики Беларусь, их группы и собрания;
- 11) лица без гражданства, иностранные граждане;
- 12) национальные общности;
- 13) общественные объединения граждан (включая политические партии);
- 14) трудовые коллективы.

Перечисленный круг субъектов конституционно-правовых отношений характерен для Республики Беларусь (с учетом присущей ей формы правления и формы государственного устройства). Однако это не означает, что он неприменим при определении круга участников данного вида отношений в других государствах.

3. Можно выделить следующие основания классификации субъектов конституционно-правовых отношений:

- 1) по количеству участников конституционно-правового отношения выделяются коллективные и индивидуальные субъекты;
 - 2) в зависимости от социальной природы всех участников общественных отношений можно выделить социальные общности, социальные образования и социальные индивиды;
 - 3) в зависимости от наличия властных полномочий.
4. Систему субъектов конституционно-правовых отношений в зависимости от наличия властных полномочий (авторская классификация) можно представить следующим образом:
- 1) особые субъекты конституционно-правовых отношений;
 - 2) субъекты, наделенные властными полномочиями;
 - 3) субъекты, не обладающие властными полномочиями.

Среди особых субъектов конституционно-правовых отношений можно выделить народ, обладающий всей полнотой власти в Республике Беларусь; население административно-территориальных единиц, осуществляющее свою власть в рамках административно-территориальных единиц.

К субъектам, наделенным властными полномочиями, можно отнести государство – Республику Беларусь, административно-территориальные единицы, избирательные

округа, государственные органы, органы местного самоуправления, избирательные комиссии, должностных лиц – представителей власти (депутатов Палаты представителей и депутатов местных Советов, членов Совета Республики).

К числу субъектов, не обладающих властными полномочиями, можно отнести: человека (физическое лицо), граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, национальные общности, общественные объединения (включая политические партии), трудовые коллективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цюга, С.А. Понятие и круг субъектов конституционно-правовых отношений / С.А. Цюга // Вестник Полоцкого гос. ун-та. – 2005 г. – № 8. – С. 174–178.
2. Додонов, В.Н. Конституционное (государственное) право : справочник / В.Н. Додонов ; под ред. В.И. Лафитского. – М. : Юристъ, 1995. – 191 с.
3. Смоленский, М.Б. Конституционное право России. 100 экзаменационных ответов : экспресс-справочник для студентов вузов / М.Б. Смоленский. – М. : ИКЦ «МарТ» ; Ростов н/Д : Издат. центр «МарТ», 2003. – 224 с.
4. Краснов, Ю.К. Государственное право России. История и современность : учеб. пособие / Ю.К. Краснов. – М. : Юристъ, 2002. – 733 с.
5. Бойцов, В.Я. Система субъектов советского государственного права / В.Я. Бойцов. – Свердловск : «Уральский рабочий», 1972. – 160 с.
6. Бурцев, А.А. Система субъектов конституционно-правовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.А. Бурцев. – М., 2005. – 215 с.
7. Кивель, В.Н. Конституционное право Республики Беларусь : учеб. пособие / В.Н. Кивель. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – 263 с.
8. Демичев, Д.М. Конституционное право : учеб. пособие / Д.М. Демичев. – Минск : Выш. шк., 2004. – 351 с.
9. Мах, И.И. Административное право Республики Беларусь : курс лекций / И.И. Мах. – Минск : Амалфея, 2008. – 704 с.
10. Тихомиров, Ю.А. Публичное право : учебник / Ю.А. Тихомиров. – М. : БЕК, 1995. – 339 с.
11. Дубовицкий, В.Н. О понятии «государственная власть» / В.Н. Дубовицкий // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2004. – № 2. – С. 43–49.
12. Юридический энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.Е. Крутских. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 450 с.
13. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2007. – 48 с.
14. Лучин, В.О. Конституционные нормы и правоотношения / В.О. Лучин. – М. : Закон и право, 1997. – 157 с.

Tsjuga S.A. Authority as the Basis of Classification of Subjects of Constitutional and Juridical Relations

The article deals with the examination of the subjects of constitutional and juridical relations and their classification. In addition to the existing points of view the author gives the classification of the subjects of constitutional and juridical relations according to their powers of authority. On the ground of critical analysis of the existing approaches the conclusion has been made that the given criterion of classification shows the specific character of the subjects of constitutional and juridical relations. Such a classification in the science of Law of the Constitution has not been given before.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.01.2011

ПАДЗЕІ, ДАТЫ, ЮБІЛЕІ

СЛОВА ПРА РЭДАКТАРА І НАВУКОЎЦА

Адказнаму рэдактару Серыі 2 часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», доктару гістарычных навук, прафесару Андрэю Аляксандравічу Гарбацкаму 22 сакавіка 2011 г. споўнілася 55 гадоў. З гэтай нагоды на старонках часопіса варта выказаць яму найперш падзяку за шматгадовую рэдактарскую працу. Прафесара А.А. Гарбацкага добра ведаюць у навуковых колах не толькі нашай краіны, але і па-за яе межамі, бо ён па праву лічыцца прызнаным даследчыкам гісторыі стараабрадніцтва на Беларусі, высокакваліфікаваным спецыялістам у галіне гісторыі рэлігіі. Ён аўтар дзвюх манаграфій, трох вучэбных дапаможнікаў, спецыялізаванага курса лекцый, шэрагу артыкулаў у навуковым друку.

Андрэй Аляксандравіч Гарбацкі нарадзіўся 22 сакавіка 1956 г. у маляўнічым кутку Брэсцка-Пінскага Палесся – у вёсцы Віўнева Іванаўскага раёна. Бацька Аляксандр Іванавіч і маці Марыя Васільеўна працавалі паляводамі ў мясцовым калгасе. Пасля заканчэння васьмігадовай Віўнеўскай школы паступіў вучыцца ў Брэсцкае прафесійна-тэхнічнае вучылішча № 27, дзе атрымаў спецыяльнасць чыгуначніка-рамонтніка. Пасля непрацяглай працы на чыгунцы быў прызваны ў армію. Тэрміновая служба ў 1974–1976 гг. у славурых Пячах каля Барысава фізічна і маральна загартавала юнака. Пасля службы ў арміі вырашыў вучыцца далей і па заканчэнні падрыхтоўчага аддзялення ў 1977 г. паступіў на гістарычны факультэт БДУ. У студэнцкія гады праяўляў цікавасць да грамадскай працы, быў арганізатарам і актывістам будаўнічых атрадаў. Атрымаўшы ў 1982 г. дыплом, Андрэй Аляксандравіч быў накіраваны ў Брэсцкі дзяржаўны педагагічны інстытут імя А.С. Пушкіна, дзе пачаў сваю працу на пасадзе асістэнта. Менавіта з гэтага часу яго прафесійная дзейнасць цесна звязана з нашай установай. Андрэй Аляксандравіч паспяхова сумяшчае выкладчыцкую працу з навукова-даследчыцкай дзейнасцю. Ён працаваў на кафедрах культуралогіі, гісторыі культуры і рэлігіі, а цяпер з’яўляецца прафесарам кафедры гісторыі славянскіх народаў. У 2003–2005 гг. быў прарэктарам па навуковай рабоце, першым прарэктарам універсітэта.

Сур’ёзны шлях у навуку для Андрэя Аляксандравіча Гарбацкага пачаўся падчас вучобы ў аспірантуры ў БДУ, пасля заканчэння якой у 1988 г. ён абараніў кандыдацкую дысертацыю «Работа партыйных арганізацый па фарміраванню навукова-атэістычнага, матэрыялістычнага мировоззрэння учащихся в системе народного образования (1971–1980 гг.). На материалах Белоруссии». Безумоўна, што ў тагачасных грамадска-палітычных умовах, калі на афіцыйным узроўні праяўляліся непрыхільныя адносіны да рэлігійнага светапогляду, нельга было навукоўцу-пачаткоўцу ўхіліцца манапольнай тады навукова-атэістычнай лініі ў гістарычных даследаваннях. Аднак трэба меркаваць, што няўрымслівая цікавасць А.А. Гарбацкага да канфесійнай

праблематыкі айчыннай гісторыі, якая ўзнікла ў ходзе падрыхтоўкі кандыдацкай дысертацыі, набыла дынамічнае развіццё ў больш позніх яго даследаваннях (і асабліва ў доктарскай дысертацыі) на сучасным этапе – ва ўмовах суверэннай Рэспублікі Беларусь. Падчас навучання ў дактарантуры Інстытута гісторыі НАН Беларусі ён узяўся за навуковую распрацоўку новай тэмы канфесійнай гісторыі – гісторыі стараабрадніцтва на Беларусі. Ім былі вывучаны каштоўныя крыніцы – старадрукі, архіўныя дакументы, якія раскіданы ў айчынных, замежных бібліятэках і архівах. Пад яго кіраўніцтвам былі наладжаны выязныя палявыя гісторыка-этнаграфічныя экспедыцыі ў месцы кампактнага пражывання стараабраднікаў, пераважна ў раёнах Віцебскай вобласці. Вынікі даследаванняў былі выкарыстаны ў манаграфіі «Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стст.» (Брэст, 1999), шматлікіх артыкулах і паспяхова абароненай у 1999 г. доктарскай дысертацыі. У гэтым тэматычным напрамку прадоўжыўся А.А. Гарбацкі і пасля абароны дысертацыі. Неаднаразова ён прадстаўляў вынікі сваіх распрацовак у дакладах на навуковых форумах у краіне і за мяжой, у навуковым друку. Надрукавана яго манаграфія «Старообрядчество на белорусских землях» (Брэст, 2004). Ужо паспеў стаць бібліяграфічнай рэдкасцю падрыхтаваны ім унікальны фотаальбом «Старообрядческие храмы Беларуси» (Мінск, 2008).

Прафесар А.А. Гарбацкі зарэкамендаваў сябе і ў вучэбна-метадычнай працы. Аўтарытэт сярод студэнтаў у многім падтрымліваецца дзякуючы арганічнаму спалучэнню такіх якасцей, як патрабавальнасць, дысцыплінаванасць і адначасова справядлівасць, спагадлівасць, тактоўнасць. Лекцыйныя і семінарскія заняткі па гісторыі рэлігіі, рэлігіязнаўстве, спецкурсе «Стараабрадніцтва ў Беларусі» вызначаюцца наватарскімі падыходамі, выкарыстаннем перадавых педагагічных тэхналогій. Для навучання лектарам выкарыстоўваюцца ўласныя вучэбныя дапаможнікі «Введение в историю религии» (Брэст, 2003; Брэст, 2004 – з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь; Мінск, 2005), курс лекцый «Хрысціанство» (Брэст, 2008. – Ч. 1; Брэст, 2010. – Ч. 2).

Пад кіраўніцтвам прафесара А.А. Гарбацкага найбольш здольныя студэнты займаюцца навукова-даследчыцкай працай. Вопытны педагог і навуковец, ён пастаянна аказвае метадычную дапамогу маладым выкладчыкам гістарычнага факультэта. Пад яго кіраўніцтвам рыхтуецца некалькі кандыдацкіх і магістарскіх прац. Акрамя таго, А.А. Гарбацкі ўваходзіць у склад Савета па абароне дысертацый пры Беларускім дзяржаўным універсітэце культуры і мастацтваў, выступае ў якасці эксперта ці апанента пры абмеркаванні кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый.

Сярод яго новых навуковых зацікаўленняў фігуруюць пытанні гістарычнага краязнаўства, гісторыі асобных манастыроў. Пад агульным кіраўніцтвам А.А. Гарбацкага аўтарскім калектывам выкладчыкаў нашага ўніверсітэта была падрыхтавана калектыўная манаграфія «Гарады і раёны Берасцейшчыны: гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён» (Брэст, 2010). Прадметам яго апошняга даследавання, якое выкладзена ў асобнай манаграфіі, што знаходзіцца ў друку, з'яўляецца Чонкаўскі манастыр, заснаваны стараабраднікамі ў 1775 г. на беразе рэк Сож і Чонкі каля Гомеля. Хочацца пажадаць Андрэю Аляксандравічу паспяховага здзяйснення новых творчых планаў!

Загадчык кафедры
гісторыі славянскіх народаў,
кандыдат гістарычных навук,
дацэнт А.М. Вабішчэвіч

Горбацкий, А.А. Христианство : курс лекций :
в 3 ч. / А.А. Горбацкий. – Брест : БрГУ им. А.С. Пушкина, 2010. – Ч. 1, 2

Республика Беларусь является поликонфессиональным государством, поэтому вопросы истории религии не теряют актуальности в нашем обществе. В последние два десятилетия на книжном рынке появилось большое количество книг по истории религии, многие из которых были скорее апологетическими, чем научными изданиями. Что касается истории христианства, то существующие издания популярного характера совершенно не удовлетворяют требованиям образовательного стандарта подготовки специалистов по специальности 1-02 01 02 История, дополнительная специальность 1-02 01 02-05 История. Религиоведение.

События начального периода христианства вызвали споры уже много веков назад, но и в наши дни они являются предметом острой полемики. Профессор А.А. Горбацкий обрисовывает основные проблемные моменты, отмечая, что по многим вопросам нет единого мнения, однако воздерживается от принятия какой-либо из сторон, что полностью соответствует целям и задачам подобных изданий. Качественной характеристикой лекционного курса является рассмотрение истории христианства в контексте мировой и конфессиональной истории. Курс начинается с глубокого анализа социально-исторических и духовных предпосылок возникновения христианства. В то же время автор обращает внимание на ключевые моменты, актуальные в наши дни: отношение христиан к государству, императору и обществу. Это даёт основание утверждать, что книга имеет воспитательное значение и способствует формированию у читателя более осознанной и активной жизненной позиции. Важная черта лекционного курса, которая расширяет кругозор, умения и навыки студентов, – анализ соотношения устной и письменной традиции на разных этапах истории христианства.

Следует отметить, что вопросы, избранные автором в качестве основных при освещении каждой темы, отражают главные проблемы и специфику наиболее важных моментов истории христианства. При их выборе соблюден принцип логической последовательности. Автор распределяет материал по основным темам в соответствии с их объёмом и значимостью для подготовки специалистов. Совершенно оправдано (и с методологической, с и методической точек зрения) выделение автором значительного объёма на освещение периода с I по IV века – от появления первых христианских групп в восточных провинциях Римской империи до превращения христианства в господствующую религию на всей территории империи. Профессор А.А. Горбацкий справедливо отмечает, что становление христианского учения и организация христианских объединений проходили в сложных внутренних спорах, перераставших периодически в острую борьбу. В работе затрагиваются изменения в догматике и этическом учении христианства, которые наиболее сильно повлияли на трансформацию его организационных структур, на формирование самой Церкви. Такая подача материала и постановка вопроса способствуют развитию у студентов диалектического мышления.

Деталь, которая придает работе особую значимость – это распределение материала с учётом навыков, которыми должны владеть студенты именно того года обучения, на котором изучается предмет «Христианство». Так, автор чётко отслеживает категориальный аппарат, которым владеют студенты, и, не останавливаясь на терминах, которые уже знакомы, уделяет повышенное внимание новым дефинициям. Это даёт все основания утверждать, что лекционный курс чётко ориентирован на студентов специальности 1-02 01 02 История, дополнительная специальность 1-02 01 02-05 История. Религиоведение.

Профессор А.А. Горбацкий отмечает, что «в связи с прагматическим характером курса лекций цитирование некоторых работ носит «скрытый» характер, т.е. используемые источники, указанные в списке литературы в конце книги, приводятся без ссылок на определённые страницы. С другой стороны, использование данных материалов предполагает их авторское прочтение, формулировку проблем и отдельных концептуальных выводов с учётом научных открытий и времени». Данное решение также представляется целесообразным, так как, с одной стороны, для курса лекций оно и не обязательно, а с другой – позволило использовать лимит объёма для наполнения другой, более важной информацией.

Вторая часть лекционного курса посвящена православию. Распределение материала также произведено профессором А.А. Горбацким крайне удачно. Он не стал пересказывать доступный в различных изданиях Закон Божий, а сосредоточил внимание на ключевых моментах конфессиональной истории восточных славян. Деятельность Литовской митрополии и православной церкви на белорусских землях в целом освещается во взаимосвязи с конфессиональными, экономическими, политическими и общественными процессами того времени. Важным является освещение причин принятия христианства на Руси и деятельность первых лидеров православия. Среди актуальных вопросов, рассматриваемых во второй части лекционного курса, можно выделить вопросы отношений государства и Церкви в разные исторические периоды, проблемы Русской Зарубежной Церкви и Катакомбной Церкви. Автор вызывает читателя на дискуссию, но крайне осторожен в оценках выводов. Настоящей жемчужиной второй части является 10-й раздел, посвящённый Русской Православной Церкви во второй половине XX – начале XXI века. Раздел начинается с рассмотрения истории избрания патриархом Русской Православной Церкви митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена, а заканчивается избранием патриарха Кирилла. Этот раздел отражает связь истории и современности, позволяет осмыслить историю христианства с точки зрения духовных, социально-политических и культурологических задач наших дней.

Автор акцентирует внимание студентов при изучении курса как на классических, так и новейших исследованиях христианства. Распределение объёма курса между такими узловыми моментами, как «догматические принципы», «канонические принципы», «обрядовые принципы», «направления», «речения», «борьба течений», «русская православная церковь», «православная церковь на белорусских землях» и другими, считаю целесообразным. Считаю, что довольно удачно выбран баланс распределения материала о первых семи Вселенских Соборах. И хотя автор считает, что отразить этот вопрос более подробно было невозможно из-за объёма издания, ключевые моменты оказались рассмотрены и проанализированы.

Преподавание курса «Христианство» является важным звеном подготовки студентов по специальности 1-02 01 02 История, дополнительная специальность 1-02 01 02-05 История. Религиоведение. Это обуславливает высокие требования, предъявляемые к лекционному курсу, которым он полностью соответствует, и к программным документам, на которые он ориентирован. Тем не менее курс адресован широкому кругу читателей и, принимая во внимание устойчивый интерес к углубленному изучению христианства в обществе, не может не быть востребован.

Остаётся пожелать Андрею Александровичу Горбацкому скорейшего написания 3-й части лекционного курса, новых работ и открытий на уровне исторической науки.

кандидат исторических наук А.Н. Свирид

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Басава В.В. – аспірант кафедры эканамічнай тэорыі, выкладчык кафедры эканамічнай тэорыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Біркс Ніколь – дыпламаваны спецыяліст па арганізацыі вытворчасці (універсітэт г. Трыр, Германія)

Богдан А.С. – старшы выкладчык кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Бурык А.А. – аспірант кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Вабішчэвіч А.М. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Васовіч С.М. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры сацыяльна-палітычных і гістарычных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Грузінская А.В. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры банкаўскай справы Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта

Заблоцкая М.В. – аспірант 2 года навучання кафедры гісторыі і культуры Беларусі Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова

Зорын Р.Г. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры крымінальнага працэса і крыміналістыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы

Казінец М.Ц. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Коваль В.У. – кандыдат гістарычных навук, асістэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта

Крывуць В.І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта

Кулак С.М. – старшыня Брэсцкага абласнога гаспадарчага суда

Кун Эльвіра – Прафесар універсітэта г. Трыр (Германія)

Лямешчанка П.С. – доктар эканамічных навук, прафесар, загадчык кафедры тэарэтычнай і інстытуцыянальнай эканомікі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Новікаў С.Я. – кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры айчыннай гісторыі і сучаснай культуры Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Саўчук Т. П. – аспірант 3 года навучання кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Свірыд А.М. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Цюга С.А. – старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Чарнавалаў А.В. – доктар эканамічных навук (РФ), прафесар кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова даюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая, М.М. Аляшчэня*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 07.06.2011. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 13,68
Тираж 100 экз. Заказ № 315.

Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.